СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

История нового времени

ХРОНИКА

Историческая наука СССР

Уполномоченный Главлита № А — 24419 Изд. № 315. Зак. № 361. Тираж 35.000
Материал сдан в набор 29/II 1940 г. Подп. к печати 31/III 1940 г. 68 000 п. зн. в п. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СТАТЬИ

РАБОТА ТОВАРИЩА МОЛОТОВА В «ПРАВДЕ» (1912—1914 гг.)

М. Лурье

16 июня 1911 г.[1] кончился срок двухгодичной ссылки товарища Вячеслава Михайловича Скрябина (Молотова) в Вологде. Начинался новый этап в его политической деятельности, молодого тогда революционера-большевика. Позади остались революционные кружки учащихся в Казани, героическая борьба в годы первой русской революции и в годы реакции, тюрьма и ссылка — пройдена уже большая революционная школа.

Товарищ Молотов направился в Петербург. Предстояла революционная работа среди одного из лучших отрядов российского пролетариата — петербургских рабочих.

Это были годы нового революционного подъема. Рабочее движение ширилось из месяца в месяц. В борьбу вступали все новые и новые отряды российского пролетариата.

Перед большевиками вставали исключительной важности задачи по организации рабочего класса и руководству его революционным движением. Надо было сплотить воедино всех большевиков, беспощадно изгнать из партии меньшевиков. Надо было укрепить подпольные большевистские организации, расширить их связи с широкими массами трудящихся.

Петербургский пролетариат и его большевистская партийная организация занимали особое место в борьбе российского пролетариата. Героический петербургский пролетариат шел в авангарде широко развернувшегося революционного рабочего движения. По Петербургу равнялась вся страна.

«Во главе рабочего движения последних лет идет Петербург,— писал Ленин в июле 1914 года.— В то время как пролетариат в некоторых (теперь уже не во многих) местах провинции не может еще проснуться от тяжелого сна периода 1907—1911 гг., а в других местах только еще предпринимает первые шаги для того, чтобы встать в ряд с петербургским пролетариатом, этот последний развил громадную активность, откликаясь, как чуткий барометр, на все события, имеющие отношение к рабочему движению. Петербургский пролетариат стоит на первом месте»[2].

Петербургский пролетариат имел богатейшие революционные традиции. Борьба петербургских рабочих была неразрывно связана с именами великих пролетарских вождей — Ленина и Сталина.

Революционная работа среди питерских рабочих ко многому обязывала, но вместе с тем она являлась прекрасной школой «революционного ученичества», школой «мастеров от революции» (Сталин)[3].

Петербургский период революционной деятельности товарища Молотова сыграл важнейшую роль в его политической биографии. Именно здесь он стал одним из крупнейших деятелей большевистской партии.

---

[1] Здесь и дальше даты по старому стилю.
[2] Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 536.
[3] «Правда» № 136 от 16 июня 1926 года.

Приехав в Петербург, товарищ Молотов связался с петербургским большевистским подпольем. Он вскоре начал сотрудничать в большевистской газете «Звезда».

Когда, по указанию Ленина, товарищем Сталиным была создана в Петербурге массовая ежедневная политическая газета «Правда», товарищ Молотов волей большевистской партии стал секретарем «Правды» и членом редакционной коллегии (май—ноябрь 1912 г.).

Исключительно велика была роль товарищей Сталина и Свердлова, непосредственно руководивших «Правдой» в промежутках между побегом из ссылки и очередным арестом, когда они бывали на «свободе». Руководить газетой из глубокого подполья, подвергаясь каждую минуту опасности нового ареста, было чрезвычайно трудно. Поэтому для обеспечения успешной деятельности «Правды» большое значение имела работа в газете профессиональных революционеров-большевиков, находившихся пока еще на легальном положении. Товарищ Молотов приехал в Петербург после окончания срока вологодской ссылки и поступил учиться в Политехнический институт, находясь в Петербурге на легальном положении.

На долю товарища Молотова как секретаря редакции «Правды» выпала вся тяжесть практического руководства большевистской газетой.

Десятки задач вставали ежедневно. Десятки препятствий приходилось каждодневно преодолевать для того, чтобы выпустить очередной номер газеты. На каждом шагу большевистская «Правда» сталкивалась с исключительными трудностями политического, материального и литературного порядка.

Товарищ Молотов об этом периоде впоследствии вспоминал:

«Помню, как много у нас, участников создания этой газеты, было опасений за эту газету!

Решено было «Звезду» оставить, как орган руководящий. «Правду» создавали как популярную и боевую рабочую газету. Вот это-то и было самое трудное. Дадут ли вести газету для широкой рабочей массы, пишущую просто и понятно о преступлениях царизма, об эксплоатации и издевательствах капиталиста и купца над рабочим и приказчиком?

Если то и дело «прихлопывали» и штрафовали «Звезду», писавшую все же, думали многие из нас, более или менее «искусственным» языком под царскую цензуру, то как же писать в «Правде»? Другой вопрос — средства. Как никак для ежедневной газеты средства нужно было иметь на наш тогдашний карман не пустяковые. Сборы на «Правду» были многочисленны и все росли, но в сумме они давали все же не все, что нужно, имея в виду трудности тогдашнего положения.

А где найти редакторов, которые бы формально несли ответственность за газету и «отсиживали» всякие штрафы, которые приходилось предвидеть новой газете? Впоследствии мы из этого положения нашли, сравнительно, простой выход, так как у нас всегда было несколько редакторов рабочих добровольными редакторами и отбывавших в полицейской части положенные им месяцы (2—3) за неуплату штрафа.

Вопрос с сотрудниками для ежедневной газеты был также не так прост. Рабочих сотрудников и у «Звезды», и у «Правды» было всегда много. Но страшно не хватало опытных журналистов-большевиков, способных вести газету.

Много было и других затруднений. Всего не перечислишь и не припомнишь. Однако, для рабочей газеты не было препятствий непреодолимых»[1].

Каков был круг обязанностей секретаря «Правды»? Он должен был руководить всей редакционной и организационной работой: составлять

---

[1] В. Молотов. Из прошлого «Правды». «Правда» № 98 от 5 мая 1922 года.

номер и его редактировать, принимать приходивших в редакцию рабочих, организовать подписку и распространение газеты. Кроме этого он нес десятки других обязанностей, связанных с выпуском каждого номера.

Старый правдист А. Потехин рассказывает о работе товарища Молотова в «Правде»:

«Тов. Молотов сыграл огромную роль в создании «Правды», в налаживании ее работы и сколачивании газетных кадров. Будучи секретарем редакции, он в 1912—1913 годах являлся одним из руководителей «Правды». Почти круглые сутки он был занят газетой. Целые дни, с утра до вечера, он проводил в редакции, а затем до поздней ночи, часто до утра — в типографии...

В скромной «приемной», заваленной комплектами газет, всегда толпились рабочие, ожидая своей очереди попасть к секретарю. У секретаря, конечно, был разговор не только о принесенной рукописи, но и о всех делах на фабрике, заводе. На этом приеме рабочий получал конкретные указания и советы, как поступить в том или ином случае. Зачастую тут же рукопись правил сам тов. Молотов, и она отправлялась в набор...

Здесь же, у товарища Молотова, определялось содержание очередного номера. Обсуждали редакционные дела и решалась судьба статей и заметок.

Всех поражало, как внимательно наш секретарь несмотря на множество посетителей, сутолоку редакционной работы и напряженность обстановки просматривал весь газетный материал и как тщательно правил перед сдачей в набор не только ответственные статьи, но, казалось бы, и незначительные, маленькие заметки и сообщения. Тов. Молотов умел путем искусного добавления нескольких фраз и слов придавать материалу нужное направление»[1].

В круг обязанностей товарища Молотова как секретаря газеты входила одна, особенно трудная и неприятная: надо было ежедневно прорывать кордон жандармов от цензуры.

Царское правительство прекрасно понимало, какое исключительное значение имеет большевистская печать для организации рабочего класса, его политического просвещения, для сплочения рядов пролетариата в борьбе с самодержавием. На большевистскую «Правду» с первых же дней ее существования царское правительство обрушилось всем своим аппаратом полицейских, жандармов, цензоров. На газету градом сыпались всевозможные репрессии: аресты, штрафы, конфискации. Приходилось драться буквально за каждый номер газеты, преодолевать колоссальные препятствия.

Для того чтобы избежать чрезмерных штрафов, арестов и конфискации газеты, была установлена в редакции внутренняя «цензура». Эту тяжелую обязанность выполнял в первую очередь секретарь редакции.

«Обыкновенно газета, перед отправкой газетных страниц в печатные машины, — рассказывает товарищ Молотов, — несколько раз и несколькими лицами из членов редакции «цензуровалась». В несколько приемов выбрасывали ночные редакторы отдельные, резкие отрывки статей и рабочих корреспонденций, чтобы только уберечь газету от штрафа, конфискации или закрытия. Коверкали все статьи, примеривали каждое слово, чтобы оно не выдало с головой газету, приспособлялись и так и этак, смягчая острые иглы фраз. Это была мучительная работа урезывания слова, затушевывания боевой мысли под угрозой цензурного сапога. Цензуровали мы тогда все статьи, заметки и корреспонденции, цензуровали сами себя, проверяли, кажется, по десять раз друг друга. У некоторых товарищей, помню, у Николая Гурьевича Полетаева в частности, развился особенный, так сказать, нюх к тому, как пройти через проклятую цензуру. Слово «революционный» заменяли чаще всего сло-

[1] «Большевистская печать» № 5 за 1937 год, стр. 24 и 25.

вом «неурезанный». Писали не «большевик» и не «социал-демократ», а «последовательный демократ» и т. д.

Выработался какой-то условный язык, и наши читатели рабочие привыкли к нему. Приходилось мириться с этим. Волей-неволей мы занимались этим тяжелым делом палачей своего слова. Но и за неясными, иногда изуродованными цензурой словами, кипела всегда революционная мысль и воля революционного авангарда пролетариата»[1].

И несмотря на внутреннюю «цензуру» часто бывали случаи, когда резкое слово пролетарского возмущения, открытый революционный призыв к борьбе вырывались наружу. Об одном таком случае рассказывает товарищ Молотов. Это было в дни ленских событий. В одно из дежурств, просматривая свеженький номер, он в одной из рабочих корреспонденций наткнулся на такую фразу: «довольно ждать, пора встать с оружием в руках» и т. д. Несколько тысяч экземпляров газеты с «крамольной» фразой уже было отпечатано и большинство отослано с газетчиками по заводам. Пришлось немедленно приостановить дальнейшее печатание этого номера газеты. Злополучное место было выброшено из стереотипа, и машина снова заработала. В цензуру были посланы «очищенные» номера, и все кончилось благополучно.

На случай конфискации цензурой номера газеты были разработаны десятки различных мероприятий, преследовавших одну цель — не дать в руки полиции большого количества экземпляров. Товарищ Молотов об этом рассказывает:

«В Ленские дни спрос на «Звезду» страшно возрос. Чтобы доставить пораньше газету на заводы, она печаталась для быстроты на двух машинах.

Помню, вваливается в типографию пристав — конфисковать газету. Забирает по обыкновению мало.

У нас уже главное отправлено из типографии. Но приставу, видимо, об этом номере газеты были даны особенно строгие инструкции от начальства. Спрашивает, на какой машине печатаем «Звезду». Указываем одну машину, он требует вынуть стереотипы, сам бьет по ним палкой и разбивает на куски. Сделав свое дело, уходит с видом исполнившего свой долг верного служаки. Однако, на этот раз мы действуем в «союзе» с управляющим и рабочими типографии. Вслед за вышедшим из двора приставом ставим караул на улице, во дворе и в самой типографии. Цель — уведомить типографию при новом появлении полиции. И когда охрана установлена, пускается в ход *вторая* машина, где все осталось в порядке. Так неожиданно прекрасная ротационная машина превращается на несколько часов как бы в нелегальную технику, выпускающую уже «арестованную» «Звезду». А затем осторожно, с оглядкой, вывозим нашу нелегальщину из-под носа торчащих со всех сторон днем и ночью у типографии шпиков. При полном произволе царских властей, при расставленных кругом западнях и ловушках наша газета находила щели, через которые проникала в рабочую гущу»[2].

Исключительно большое значение имела для «Правды» организация подписки на газету, а также денежные сборы среди рабочих. Подписка и сборы на газету имели значение не только как материальная поддержка рабочими своей газеты: они являлись вместе с тем прекрасным свидетельством роста авторитета и влияния большевистской партии среди широких пролетарских масс. Всем этим делом руководил товарищ Молотов во время своего секретарствования в «Правде».

«Мы страшно чутко следили за подпиской на нашу «Правду», — вспоминает товарищ Молотов. — Мы знали, какое это в то время имело громадное значение не только для газеты, но и для самой партии.

[1] В. Молотов. Из прошлого «Правды». «Правда» № 98 от 5 мая 1922 года.
[2] Там же.

Является подписчик с нового завода, и мы знали, что это значит в заводе организуется ячейка нашей партии. Вокруг «Правды» при одном рабочем всегда создавалась группа. «Правда» давала им ежедневные инструкции в статьях по политическим вопросам. В корреспонденциях с заводов и фабрик шла информация о жизни и борьбе рабочих. В них вскрывались язвы капиталистической эксплоатации. В них в каждом слове и примере — был живой призыв к объединению и борьбе. В «Правду» шло бесконечное количество приветствий от рабочих и забитых служащих. Почти с каждым приветствием рабочие направляли и какую-нибудь сумму денег (десятки рублей, рубли, а то и копейки), обыкновенно собранную между группой рабочих. Реже шли отдельные пожертвования. Чаще, почти всегда, групповые, а иногда и от целой мастерской и завода. Это была драгоценная и могучая связь и объединение рабочих» [1].

★

Товарищ Молотов находился в постоянной переписке с Лениным. Переписка с «Правдой» была для Ленина, руководившего революционным движением и деятельностью большевистской партии из-за границы, одним из немногих в тогдашних условиях источников информации о положении дел в российском большевистском подполье. В своих письмах к Ленину товарищ Молотов сообщал ему о получении «Правдой» его статей, запрашивал по поручению редакции мнение Ленина по важнейшим политическим вопросам, информировал Владимира Ильича о положении дел в «Правде», о тираже газеты, о подписке, бюджете «Правды», о настроении питерских рабочих и т. д.

30 июля 1912 г. товарищ Молотов писал Ленину: «Уважаемый товарищ! Ваша статья «Итоги полугодовой работы» уже началась печатанием сегодня. Она будет помещена в 4 последовательных номерах. Статья «Об избирательной платформе» пойдет, но несколько времени спустя. К ней, между прочим, мы должны приготовиться, так сказать, «технически», ибо она по форме резко выходит за пределы цензурности. Статьи «О кадетах» отчасти идут у нас, отчасти в «Невской Звезде» [2].

В другом письме, от 1 ноября 1912 г., товарищ Молотов писал Ленину:

«Уважаемый товарищ! До нас попрежнему доходят вести о том, что вы жалуетесь на недостаток сведений отсюда. За последнее время я гораздо чаще посылаю вам письма и меня удивляет то, что сюда сообщают. Видимо, не все письма доходят до вас: не есть ли тому доказательство хотя бы в следующем: 1) вы спрашиваете о положении дел в «Луче» — тогда как я недавно писал вам кратко об этом, 2) мы просили вас прислать как можно скорее книгу Литвинова-Фалинского, и до сих пор ее не имеем. Думаем, что последнее напоминание о книге вы примете к сведению...

Недавно я писал вам еще о том, что для нас крайне важно выяснить отношение к варшавскому депутату Ягелло. Желательно, чтобы вы не замедлили с ответом и пополнили уже присланную вами статью о выборах в Варшаве.

Внутри редакции, как вам, вероятно, известно, произошли некоторые перемены в желательном для вас смысле. В общем нет коренных перемен, произошло некоторое пополнение редакции, а также некоторая перетасовка, а может быть, и более правильное распределение функций редакции, выпуска и непосредственно «редакция статей». На ближайшее время предстоит подписочная кампания и пришлось в контору устроить тоже особого человека (добавочно). О тираже «Правды» я писал: вот уже около месяца тираж, который до того времени падал, остановился на одной цифре: 22 тыс., по праздникам 24 тысячи. За последние два

---

[1] В. Молотов. Из прошлого «Правды». «Правда» № 98 от 5 мая 1922 года.

[2] Сборник. Из эпохи «Звезды» и «Правды», стр. 244, 245. Вып. III. Гиз. 1923.

месяца в «Правде» пошли убытки. Так, за прошлый месяц их было около полторы тысячи, в этот месяц еще не знаем, тогда как первые два месяца давали по нескольку сот рублей прибыли. Наше желание сократить штаты и другие расходы пока неосуществимо.

В Петербурге опять горячее время: рабочих, как говорят они сами, «держать нельзя — бастуют». Местами идет кампания против «Правды», в союзах замечается тоже недовольство обеими газетами. «Луч» эксплоатирует в свою пользу лозунг «единство».

Сообщите, на какой адрес можно послать кое-какой материал»[1].

Скромная «приемная» секретаря редакции «Правды» товарища Молотова была всегда полна народу. Приходили рабочие с фабрик и заводов, чтобы сообщить о начавшейся стачке, оставить заметку с описанием хода забастовки или издевательства администрации и т. д. Приносили собранные на заводах пятаки в фонд «Правды». Приходили деятели профессиональных союзов, больничных касс, рабочих клубов. Приходили подпольщики за явкой, для свидания с товарищами, для получения ответа на наболевшие, насущные вопросы пролетарской борьбы.

О своей деятельности в качестве секретаря редакции «Правды» товарищ Молотов рассказывает:

«Мне пришлось быть секретарем «Правды» в течение первых шести месяцев... Но эти первые месяцы наверно навсегда останутся одним из лучших моментов моей партийной работы.

Тогда в мою комнату секретаря редакции вливался поток людей и событий такой бодрой революционной силы и смелости, которые бывают только в такие знаменательные времена, как эпоха работы «Правды».

Вот вваливается рабочий с постройки на Лиговке, держа в руках огромные, криво ободранные куски обоев, на которых карандашные большие каракули описывают требования забастовавших рабочих на стройке. — Товарищ, помести, чтобы завтра в «Правде» все наши прочитали.— Нельзя не поместить — вести со стачечного фронта, и при том с нового, как будто далекого участка.

Вот опять трое рабочих металлистов с «Сименса и Гальске», где уже два месяца тянется стачка, за которой смотрит и которую поддерживает весь питерский пролетариат. Тут же эта тройка мне уже хорошо известных по ежедневным посещениям товарищей, фактически руководящий стачечный центр, обсуждает полушепотом в сторонке стратегию и тактику стачки. Они, обсудив свое положение, сейчас же оставят заметку, как держаться и на что есть надежда у сименцев. Мы и сами с ними обсуждаем каждый их шаг.— Завтра — в газету нужно, говорят они твёрдо. — Ладно, товарищи, будет сделано. — И знаем, что завтра на митинге забастовщиков в Гавани «Правда» будет жадно читаться у нескольких тысяч сименцев.

А вот и новый сотрудник газеты, робко передающий небольшую заметку о мастере, ненавистном в мастерской всем рабочим. Просит просмотреть, что нужно изменить, поправить и напечатать. Спрашивает еще, нельзя ли не печатать его фамилии. Соглашаемся. Уходит, знаю, что принесет еще и еще. А за ним и другие...

Обыкновенно только на рассвете (я имею в виду при этом главным образом весну, лето и осень 1912 года) мы расходились по домам только на несколько часов. Возвращаясь утром в редакцию, редко упустишь случай спросить по пути у газетчика — есть ли «Правда». И когда знакомый газетчик вытаскивает «Правду» у себя из какого-то далекого места — знаешь, что это номера конфискованной «Правды», которая все-таки живет»[2].

В ноябре 1912 г. царская полиция прервала «легальную» деятельность товарища Молотова. В связи с открытием IV государственной

---

[1] Сборник. Из эпохи «Звезды» и «Правды», стр. 244—245. Вып. III.

[2] В. Молотов. Из прошлого «Правды». «Правда» № 98 от 5 мая 1922 года.

думы на 15 ноября была назначена всеобщая забастовка петербургских рабочих. Накануне этого дня петербургская охранка произвела массовые обыски и аресты. В ночь на 14 ноября 1912 г. полицейские явились на квартиру товарища Молотова (Загородный проспект, д. № 17, кв. 17) с ордером на обыск и арест его. Товарища Молотова дома не оказалось. Избегнув ареста, товарищ Молотов перешел на нелегальное положение.

Охранка сообщала об этом: «Скрябин, Вячеслав Михайлов, мещ. Нолинска, Вятской губ., родился в 1890 году, студент императорского петербургского Политехнического института.

В 1909 году в Казани по делу об организации революционной группы в казанской духовной семинарии был выслан под гласный надзор в Вологодскую губернию на 2 года.

14 ноября 1912 года, в связи с организацией РСДРП в день открытия IV Государственной думы политической забастовки, в его квартире был произведен обыск, после чего Скрябин, опасаясь ареста, перешел на нелегальное положение...» [1].

Товарищ Молотов был не только практическим руководителем «Правды»; он являлся одним из основных сотрудников газеты, он откликался своими статьями на все большие и малые события этого замечательного периода — нового революционного подъема (1912—1914 гг.).

Товарищ Молотов написал десятки статей [2], которые вслед за статьями Ленина и Сталина сыграли исключительную роль в борьбе с врагами внутри рабочего класса — ликвидаторами и троцкистами,— в политическом просвещении и организации широких масс трудящихся вокруг ленинского знамени, знамени большевистской партии.

Статьи товарища Молотова в «Звезде», а затем в «Правде» охватывают огромный круг вопросов жизни и борьбы российского пролетариата: положение рабочего класса и рабочее движение, разоблачение либеральной буржуазии и ее троцкистско-меньшевистской агентуры, экономическое развитие России и т. д. Трудно назвать более или менее крупное событие в революционном рабочем движении, какой-либо из вопросов, интересовавших широкие пролетарские массы, которые не были бы затронуты в статьях товарища Молотова.

Его статьи полны глубокого содержания и вместе с тем популярны, просты и доступны пониманию массового читателя, для которого была предназначена «Правда».

4 апреля 1912 г., по приказу жандармского ротмистра Трещенкова, на Ленских золотых приисках в Сибири было убито и ранено более 500 рабочих. Вся страна всколыхнулась в ответ на зверскую расправу над безоружными рабочими. Свыше полумиллиона рабочих открыто выступили на борьбу против самодержавия и капитализма в ответ на кровавую расправу со своими братьями по классу.

Роль большевистской «Звезды» в апрельские дни 1912 г. была исключительно велика.

«В этот момент,— вспоминает товарищ Молотов,— вокруг «Звезды», как будто слышался гул рабочего возмущения против царизма. Стачки в Петербурге, стачки по всей России перекатывались какими-то волнами, все выраставшими, втягивавшими все большие сотни тысяч рабочих. «Звезда» твердо и беззаветно шла вместе с поднимавшимся рабочим классом, в передовых рядах которого уже слышались все громче прямые призывы к восстанию» [3].

---

[1] Материалы Ленинградского института истории ВКП(б).

[2] Статьи тов. Молотова печатались в «Звезде» и «Правде» под следующими псевдонимами: «А. Рябин», «А. Званов», «Вяч. Михайлов», «В. М-в», «В. М.»

[3] В. Молотов. Из прошлого «Правды». «Правда» № 93 от 5 мая 1922 года.

«Звезда» систематически печатала статьи Ленина и Сталина, разъяснявшие широким массам трудящихся истинные причины ленского расстрела. Развернувшееся массовое рабочее движение своими успехами было обязано в значительной степени организационной, агитационной и пропагандистской деятельности большевистской «Звезды».

Под давлением возмущенного общественного мнения, в первую очередь массового рабочего движения, царское правительство было вынуждено приступить к «расследованию» им же организованного кровавого побоища.

Вся черносотенная печать начала трубить о том, что виновниками расстрела являются сами рабочие... так как они напали на солдат, а, стало быть, солдаты были вынуждены стрелять, обороняясь от нападения рабочих. В доказательство этой версии черносотенные газеты сообщали, что следственные органы собрали большое количество «вещественных доказательств» ввиде камней, палок и т. д., свидетельствующих о том, что первыми напали рабочие.

Товарищ Молотов выступил в «Звезде» со специальной статьей, в которой он зло высмеивал эту черносотенную провокацию. Он писал:

«Убитых больше 250, раненых тоже, но это, оказывается, лишь первые жертвы. Еще много осталось живых.

Уже в землю зарыты трупы убитых, и теперь принялись за живых. Жандарм Трещенков и его товарищи обеспокоены подыскиванием для себя оправдания и поэтому приступили к «расследованию».

«В качестве вещественных доказательств», телеграфируют из Бодайбо «Киевской мысли», «собрано после бойни около воза камней и стяжков».

Целый воз «доказательств», набранных решительным ротмистром и прокурором... на ближайшей дороге, «хотя при желании»,— говорится в той же телеграмме, «можно было бы набрать несколько возов камней (не камней, а «вещественных доказательств», исправим мы) в любом месте шоссе, а стяжков (да не стяжки, а «вещественные доказательства» нужны!) в ближайших таборах леса».

И на этих «доказательствах» хотят построить обвинение в вооруженном нападении толпы рабочих на войска! С помощью таких средств хотят направить десятки, а может быть и сотни рабочих на каторгу!..

Здесь в Петербурге, в Таврическом дворце красноречиво распинаются в строжайшем расследовании, а там, на Лене «расследуют», собирают «доказательства», грозят каторгой.... Еще не окончилась ленская трагедия: она лишь ушла только в тихие кабинеты дознаний...» [1].

Одной из важных политических задач большевистской агитации в связи с массовым движением протеста в стране в апреле 1912 г. являлось разоблачение перед трудящимися лжи и обмана политических партий российской буржуазии и их ликвидаторских союзников.

Ленин и Сталин с особой резкостью разоблачали клеветнические утверждения ликвидаторов и троцкистов о том, что «основой как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране» являлась борьба за свободу коалиций.

Ленин и Сталин на примерах апрельского движения протеста показали, что петиционная тактика ликвидаторов потерпела полный крах.

В статьях, в «Звезде» и «Правде», Ленин и Сталин подводили читателя к неопровержимому выводу о том, что все политические партии российской буржуазии и помещиков, от Пуришкевича до Милюкова, так или иначе, но оправдывали действия самодержавия и выступали то открыто, то скрытно единым фронтом в борьбе против пролетариата.

---

[1] А. Рябин (В. Молотов). Еще не кончилось. «Звезда» № 29(65) от 12 апреля 1912 года.

Товарищ Молотов также разоблачал истинное лицо черносотенной буржуазии и помещиков:

«Черные хищники, обнаглевшие в 3-й Думе до последних пределов, бесстыдно хохотали, когда трудовики внесли предложение: назначить из среды Гос. думы комиссию для расследования преступления на месте. Они взяли ленские расстрелы под свое высокое покровительство...

Раз отдано приказание: «патронов не жалеть!», так стоит ли жалеть сотни рабочих, павших жертвой этого приказания.

Для них не существует законной стачки, справедливых требований рабочих — все это «бунт», который нужно усмирить, а «зачинщиков» перевешать.

Это они, истинно-русские мракобесы, считают жандармов Трещенковых и всех больших и маленьких азефов «своими» или своими «сотрудниками».

О каком же запросе для них может быть речь? Разве лишь о таком, в котором они обвинили бы своих министров, жандармов и прочих сотрудников в недостатке энергии.

— Значит, стрелять можно? — Даже должно...— говорит Замысловский, а вместе с ним и вся черная сотня» [1].

Мало чем, по существу, отличались от черносотенцев кадеты и октябристы. Они на словах признавали действия жандарма Трещенкова «незакономерными», они даже требовали строжайшего расследования, но на деле это был лишь обман народа. На деле кадеты и октябристы скорбели не о расстрелах, а лишь о том, что, расстреливая рабочих, правительство действовало слишком открыто.

«Но в Гос. думе,— писал товарищ Молотов,— есть и красноречивые либералы. Что они сказали русскому пролетариату?

О! Тут было много благородного негодования, много «критики», а больше всего ссылок на статьи закона. Действия Трещенкова были признаны «незакономерными», даже преступными, требовалось строжайшее расследование, даже (о, ужас!) «вся система» была подвергнута нападению, и в конце концов, как подсказала кадетская «Речь», все дело в том, что рабочие не произвели серьезного бунта, оправдывающего решительное действие войск. Да и может ли иначе говорить кадет, всегда боящийся самодеятельных народных масс?

К кадетским ораторам, Некрасову и Аджемову, поджимая хвост, пристал и октябристский краснобай, Гучков.

«Мы ждем, мы ждем, — декламировал по привычке октябристский трибун. Ждем, говорил он, расследования событий, ждем наказания виновных...» [2].

Все эти статьи в «Звезде» и «Правде» преследовали одну цель: показать широким массам трудящихся, что только российская социал-демократическая рабочая партия на деле является единственным подлинным защитником всех трудящихся.

Исключительное внимание уделял товарищ Молотов в своих статьях в «Правде» забастовочному движению. В те месяцы, когда он бывал на свободе, он из номера в номер давал обзоры стачечного движения.

Годы подъема рабочего движения отличались колоссальнейшим размахом массовой революционной стачки.

В 1912 г. в России бастовало, по официальным отчетам, 725 тыс., а по более полным данным — свыше миллиона рабочих. В 1913 г. бастовало, по официальным данным, 861 тыс., а по другим, более полным све-

[1] А. Рябин (В. Молотов). Три точки зрения. «Звезда» № 29 (65) от 12 апреля 1912 года.

[2] Там же.

дениям — 1 млн. 272 тыс. За первые 6½ месяцев 1914 г. бастовало, по официальным отчетам, около полутора миллионов рабочих, а по другим, более полным данным — свыше 1 млн. 900 тыс. рабочих.

«...Великое, незаменимое оружие,— писал Ленин,— выковал себе социал-демократический пролетариат в революционную эпоху для агитации в массах, для пробуждения их, для привлечения их к борьбе. Революционная массовая стачка не давала неприятелю ни отдыха, ни сроку. Она била врага и по карману, она топтала в грязь перед лицом всего мира политический престиж якобы «сильного» царского правительства. Она давала все новым и новым слоям рабочих возможность вернуть назад хоть частичку завоеваний пятого года и привлекала к борьбе новые слои трудящихся, захватывая наиболее отсталых. Она не исчерпывала сил рабочих, будучи сплошь и рядом кратковременным, демонстративным выступлением,— и в то же время подготовляя новые, еще более внушительные и более революционные открытые выступления масс в виде уличных демонстраций»[1].

В процессе руководства массовым рабочим движением и в первую очередь политическими стачками расширялись связи большевиков с широкими пролетарскими массами, укреплялись и закалялись в боях большевистские партийные организации.

Впереди российского пролетариата шли петербургские рабочие. Так например из общего количества участников забастовочного движения в 1913 г. на долю петербургских рабочих приходилось 56,1%. Некоторые стачки в Петербурге продолжались целые месяцы. Это были образцы героизма и выдержки.

В забастовочном движении российского пролетариата большевистская «Правда» выступала как коллективный организатор широких пролетарских масс. Статьи Ленина и Сталина в «Правде» давали политическое направление рабочему движению в целом, формулировали лозунги борьбы рабочего класса.

«...Особенно велика была роль «Правды»,— пишет товарищ Молотов,— в развертывавшемся тогда стачечном движении. Стачки происходили всюду, во всех отраслях промышленности, но впереди шли металлисты. Стачки росли и числом, и количеством участников, и длительностью. Экономическая стачка переходила в политическую. Меньшевики, непрошенные могильщики (ликвидаторы) партии, кричали о «стачечном азарте». Обвиняли «Правду» в том, что она разжигает у рабочих «стачечный азарт». Эти политические слепцы не видели, что стачки в этот момент были главной могучей формой революционного движения пролетариата.

Что делала «Правда»?

«Правда» не останавливалась перед тем, чтобы в периоды подъема стачечного движения превращаться, так сказать, в стачечный листок. Ежедневно в такие моменты, как фронтовые сводки, «Правда» печатала отчеты об идущих стачках. Хроника стачечной борьбы в это время была пульсом газеты. И именно поэтому «Правда» была душой борющихся рабочих. Именно поэтому «Правда» сыграла исключительную роль в подготовке революции...

Так вместе с поднимавшимся рабочим классом закладывался, после нескольких лет тюремного режима в стране, фундамент для могучего расцвета нашей партии»[2].

Статьи о забастовочном движении имели колоссальное значение не только потому, что они вооружали рабочий класс революционными, большевистскими лозунгами: их значение заключалось еще и в том, что они

---

[1] Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 485—486.

[2] В. Молотов. Из прошлого «Правды». «Правда» № 98 от 5 мая 1922 года.

широко информировали своих читателей о гигантском размахе забастовочного движения в стране.

Под этим углом зрения особое значение имели обзоры стачечного движения в «Правде», составлявшиеся товарищем Молотовым[1].

Каждый рабочий, читая в «Правде» обзоры товарища Молотова о забастовочном движении, чувствовал, что он не одинок, что сотни тысяч его братьев по классу борются вместе с ним против произвола и насилия, за свержение ненавистного режима.

В своих статьях о стачечном движении товарищ Молотов давал политическую оценку развернувшимся выступлениям российского пролетариата. А кроме того сообщаемые в этих статьях фактические данные о ходе забастовок служили прекрасным материалом для ленинских обобщений и выводов, для разработки рабочей печатью своей статистики стачек впротивовес официальной статистике фабричной инспекции.

В своих статьях тов. Молотов на фактах и примерах отдельных забастовок подводил рядового рабочего к пониманию необходимости организованной борьбы, к пониманию того, что пролетарская организация является основной гарантией успеха рабочего движения.

«Русский пролетариат мужественно встречает удары своих врагов. И каждый новый удар снова и снова напоминает рабочему классу о необходимости организованной борьбы за элементарные политические и экономические права»[2],— писал товарищ Молотов.

И тут же товарищ Молотов сразу напоминал, что речь идет не о каких-либо реформах, а о коренном изменении существующего строя.

«И они же доказали (речь идет о ленских событиях.— *М. Л.*),— писал товарищ Молотов, — что эта борьба будет возможна лишь тогда, когда п о л и т и ч е с к и е   у с л о в и я   и з м е н я т с я   к о р е н н ы м   о б р а з о м (разрядка моя.— *М. Л.*), когда на экономические требования рабочих не будут отвечать расстрелами...

В глухую пору общественной жизни эти бодрые протесты рабочих, диктуемые пролетарской солидарностью, вселяют надежды на будущее.

Они заставляют твердо верить, что проходит темная эпоха реакции, что рабочий класс встает на путь организованной борьбы, которая приведет его к победе»[3].

Не меньше внимания уделял товарищ Молотов в своих статьях в «Правде» профессиональному движению и деятельности профессиональных союзов.

Осенью 1913 г. товарищ Молотов, уже будучи на нелегальном положении, вел партийную работу в петербургских профессиональных союзах и руководил в «Правде» отделом профессионального движения. Много

---

[1] См. В я ч. М и х а й л о в (В. Молотов). Союзы капиталистов. «Правда» № 10 от 4 мая 1912 г.; В я ч. М и х а й л о в (В. Молотов). Последние стачки. «Правда» № 20 от 23 мая 1912 г.; В. М-в (В. Молотов). Стачечное движение. «Правда» № 31 от 5 июня 1912 г.; В. М-в (В. Молотов). Стачечное движение. «Правда» № 38 от 13 июня 1912 г.; В. М-в (В. Молотов). Стачечное движение. «Правда» № 43 от 19 июня 1912 г.; В. М-в (В. Молотов). Стачечное движение. «Правда» № 51 от 28 июня 1912 г.; В. М-в (В. Молотов). Стачечное движение. «Правда» № 58 от 6 июля 1912 г.; В. М-в (В. Молотов). Стачечное движение. «Правда» № 68 от 18 июля 1912 г.; А. З в а н о в (В. Молотов). Торговля штрейкбрехерами. «Правда труда» № 14 от 26 сентября 1913 г.; А. З в а н о в. (В. Молотов). Победа москвичей «Правда труда» № 15 от 27 сентября 1913 г.; А. З в а н о в (В. Молотов). Четыре стачки. «Путь правды» № 57 от 10 апреля 1914 г. Здесь, как и дальше, мы приводим лишь о с н о в н ы е статьи тов. Молотова.— *М. Л.*

[2] А. Р я б и н (В. Молотов). К организации. «Звезда» № 31 (67) от 17 апреля 1912 года.

[3] Т а м ж е.

статей было напечатано товарищем Молотовым на эти темы в большевистской «Правде»[1].

Завоевание легальных организаций и в первую очередь профессиональных союзов являлось одной из основных политических задач большевистской партии в годы революционного подъема.

«Это был период, — писал товарищ Сталин, — решительной борьбы большевиков за изгнание ликвидаторов (меньшевики) из легальных форм организаций рабочего класса. Лозунг «снятия с постов» меньшевиков был тогда популярнейшим лозунгом рабочего движения. Страницы «Правды» пестрели сообщениями об изгнании из страховых организаций, больничных касс и профессиональных объединений засевших было там одно время ликвидаторов... без завоевания легальных организаций партия не смогла бы при тогдашних политических условиях протянуть щупальцы к широким массам и сплотить последних вокруг своего знамени, она оторвалась бы от масс и превратилась бы в замкнутый, варящийся в своем собственном соку, кружок»[2].

В ожесточенной борьбе с ликвидаторами и троцкистами большевики завоевали легальные рабочие организации: больничные кассы, профессиональные союзы, страховые и культурно-просветительные организации.

За годы революционного подъема происходил рост и укрепление профессионального движения в России. По данным рабочей печати, в начале 1912 г. в России насчитывалось 63 союза с общим количеством членов до 15 тыс. человек. К концу 1913 г. было 118 союзов, объединявших до 45 тыс. человек. За два года — 1912 и 1913 — число членов профессиональных союзов выросло в три раза.

Исключительно большой рост членов профессиональных союзов мы наблюдаем в Петербурге. Так например петербургский союз металлистов насчитывал в июле 1913 г. 3353 члена, а к 1 января 1914 г.— 10 273 члена; петербургский союз печатников насчитывал к началу 1913 г. 2168 членов, а в начале 1914 года — 5 тыс. членов.

Легальное рабочее движение ликвидаторы считали своей особой неприступной крепостью. Но рабочее движение жестоко посмеялось «над этими надеждами людей, бежавших из подполья». Ликвидаторы были изгнаны из руководства профессиональным движением.

Исключительно велика была роль «Правды» в завоевании большевиками руководства профессиональным движением. Немалая доля в этих успехах падает на революционную деятельность товарища Молотова, работавшего тогда в петербургском профессиональном движении и освещавшего деятельность профессиональных союзов на страницах большевистской «Правды».

---

[1] См. В. Михайлов (В. Молотов) Общее собрание портных. «Правда труда» №№ 7 и 8 от 18 и 19 сентября 1913 г.; В. Михайлов (В. Молотов). Общее собрание приказчиков-хозяйственников. «Правда труда» №№ 13 и 14 от 25 и 26 сентября 1913 г.; В. Михайлов (В. Молотов). В союзе текстильщиков. «Правда труда» № 15 от 27 сентября 1913 г.; В. Михайлов (В. Молотов). Чрезвычайное собрание конторщиков. «За правду» № 3 от 4 октября 1913 г.; В. Михайлов (В. Молотов). Поправка к отчету об общем собрании конторщиков, состоявшемся 1 октября. «За правду» № 11 от 16 октября 1913 г.; В. Михайлов (В. Молотов). Общее собрание союза кожевников. «За правду» №№ 11 и 12 от 16 и 17 октября 1913 г.; В. Михайлов (В. Молотов). Общее собрание кожевников. «За правду» № 17 от 23 октября 1913 г.; В. Михайлов (В. Молотов). Общее собрание текстильщиков. «За правду» №№ 17 и 20 от 23 и 26 октября 1913 г.; А. Званов (В. Молотов). Уроки жизни. «За правду» № 29 от 6 ноября 1913 г.; А. Званов (В. Молотов). Поход на союзы. «За правду» № 33 от 12 ноября 1913 г.; В. Михайлов (В. Молотов). Служащие трактирного промысла. «За правду» № 41 от 21 ноября 1913 г.; В. Михайлов (В. Молотов). Общее собрание приказчиков-съестников. «За правду» №№ 45 и 46 от 27 и 28 ноября 1913 г.; В. Михайлов (В. Молотов). Общее собрание рабочих-портных. «Пролетарская правда» № 2 от 8 декабря 1913 года.

[2] И. Сталин. К десятилетию «Правды» (воспоминания). «Правда» № 98 от 5 мая 1922 года.

Статьи товарища Молотова о деятельности петербургских профессиональных союзов, печатавшиеся в «Правде», имели особую ценность. Почти каждая статья товарища Молотова, почти каждая его заметка о собрании членов того или иного профессионального союза являлась результатом его личного руководства или участия в мероприятиях, о которых шла речь в этих статьях или заметках.

Особое значение имело завоевание большевиками петербургского союза металлистов и изгнание из правления союза ликвидаторов.

21 апреля 1913 г. на учредительном собрании вновь открытого петербургского союза металлистов при выборах временного правления металлисты отдали большинство своих голосов большевикам. 25 августа 1913 г. при перевыборах правления подавляющее большинство собрания в 3 тыс. человек голосовало за большевиков. Петербургский пролетариат в лице металлистов показал подлинную волю пролетариата России.

Товарищ Молотов принимал активное участие в борьбе за союз металлистов. Он участвовал на собраниях членов союза, он на страницах большевистской «Правды» разоблачал ликвидаторов. В статье «Уроки жизни» товарищ Молотов писал:

«Сколько было угроз, что марксисты ведут союз к гибели, что, встав на линию марксизма, большинство толкает союз к расколу, что и борьба направлений разрушит союз. И все это оказалось трижды «жалкие слова!»

Союз растет не по дням, а по часам, союз крепнет и завоевывает все новые симпатии широких рабочих масс, а ликвидаторство тонет в этой массе, безнадежно хватаясь за соломинку.

Грозили гибелью, а союз растет, с 5000 за два месяца он увеличился до 8000, пугали расколом, обвиняли в партийности во имя нейтрализма, а союз крепнет, живет кипучей жизнью; большинство союза с негодованием встречает яростные нападки на правление.

Воскресное собрание против жалкой группы в 10 человек единодушно проголосовало доверие марксистскому правлению. Вопреки всяким предсказаниям гг. Ф. Д. и К° рабочее движение избирает себе испытанный путь последовательного марксизма. И пусть гг. ликвидаторы кричат: Пожар, пожар! Сознательные рабочие дадут им простой и ясный совет: господа ликвидаторы, вам больше пристало кричать: «горим!»[1].

В ноябре 1913 г. начались массовые гонения на профессиональные союзы. Ряд союзов был закрыт, много активных профсоюзных работников подверглось аресту. Товарищ Молотов выступил в большевистской газете «За правду» со специальной статьей «Поход на союзы». Он призывал рабочий класс к сплочению и солидарности:

«Над союзами собираются темные тучи. Реакция начинает «ликвидировать»... тушить огоньки в очагах рабочего движения. И об этом не должен, не может забыть ни один сознательный рабочий. Нужно быть готовыми ко всяким ударам и сплачивать ряды, искать опоры в рабочей массе, в ее солидарности»[2].

Десятки других политических вопросов освещал товарищ Молотов в своих статьях на страницах «Звезды» и «Правды».

В середине 1912 г. кончался срок полномочий черносотенной III государственной думы. Предстояли выборы в IV государственную думу.

В статьях Ленина и Сталина «Правда» давала точный и ясный ответ на все вопросы избирательной кампании.

---

[1] А. Званов (В. Молотов). Уроки жизни. «За правду» № 29 от 6 ноября 1913 года.

[2] А. Званов (В. Молотов). Поход на союзы. «За правду» № 33 от 12 ноября 1913 года.

Товарищем Молотовым было написано для «Звезды» и «Правды» немало принципиальных статей по вопросам избирательной кампании [1].

Задача большевистской агитации в избирательной кампании заключалась в том, чтобы на примерах и фактах повседневной жизни и борьбы трудящихся масс показать рабочему классу и трудящемуся крестьянству, с кем они должны идти на выборах, представителям какой политической партии они должны отдать свои голоса. Надо было использовать избирательную кампанию для распространения лозунгов большевистской партии не только среди рабочего класса, но и среди трудящегося крестьянства.

Статьи товарища Молотова по вопросам избирательной кампании, печатавшиеся в «Звезде» и «Правде», вслед за статьями Ленина и Сталина блестяще выполняли эту задачу.

В статье «Голодный вопрос», напечатанной в «Звезде», товарищ Молотов, подвергая анализу причины систематических голодовок крестьянства, показывал, что «голодный вопрос» теснейшим образом связан с крестьянским вопросом вообще и что разрешение его возможно только при демократизации всего государственного строя.

«Искать решение «голодного вопроса», — писал товарищ Молотов,— умалчивая о том, что решение его есть решение крестьянского вопроса в целом, могут лишь те, кто не желает или не может решить этого вопроса.

Ибо не миллионы и общественные работы, не кооперативы и народные банки, а только демократизация всего государственного строя в России и наделение крестьян землей без выкупа даст решение крестьянского вопроса вообще и вместе с ним решит «голодный вопрос».

Пусть же на выборах в 4-ю Думу крестьянская демократия скажет сама: оправдывает ли она расчеты правительства, верит ли либеральным разглагольствованиям или же поддерживает требования избирательной платформы «третьего лагеря» [2].

Каждый сознательный рабочий и крестьянин, читая в статье товарища Молотова о том, что решение «голодного вопроса», как и крестьянского вопроса в целом, возможно только при демократизации всего государственного строя в России, прекрасно понимал, что под демократизацией государственного строя понимается свержение самодержавия.

Товарищ Молотов мастерски пользовался всяким случаем для разоблачения черносотенных борзописцев.

Так например, когда черносотенец Меньшиков выступил в газете «Новое время» со статьей, в которой он скорбел за Россию по поводу того, что на происходившем в Стокгольме состязании по стрельбе Россия оказалась на девятом месте, товарищ Молотов напечатал в «Правде» статью «О «девятом» и о «первом» месте», в которой он разоблачал меньшиковскую скорбь.

«Разве во всем Россия отстала от передовых стран? — писал товарищ Молотов.

Сам нововременец говорит, что Россия по войне и по холере наиболее уважаемая страна. И в самом деле, разве найдется какая-нибудь страна соперница России по холерным заболеваниям?

Если по стрельбе Россия стоит на девятом месте, то разве, с другой стороны, не она стоит на первом месте по количеству неурожаев и крестьянских голодовок?...

---

[1] См. Рябин (В. Молотов). Дорогое наследство. «Звезда» № 19 (55) от 18 марта 1912 г.; Рябин (В. Молотов). Голодный вопрос. «Звезда» № 26 (62) от 5 апреля 1912 г.; А. Рябин (В. Молотов). Новое «разъяснение». «Правда» № 40 от 15 июня 1912 г.; А. Рябин (В. Молотов). Близко выборы! «Правда» № 41 от 16 июня 1912 г.; А. Рябин (В. Молотов). Евреи и выборы. «Правда» № 73 от 21 июля 1912 г.; А. Рябин (В. Молотов). Верим! «Правда» № 138 от 9 октября 1912 года.

[2] Рябин (В. Молотов). Голодный вопрос. «Звезда» № 26 (62) от 5 апреля 1912 года.

А тюрьмы, переполненные заключенными? а постоянные преследования евреев и иноверцев? а интендантские хищения? а преследования рабочих организаций и рабочей печати? Разве во всем этом Россия не занимает первого места среди культурных стран?

Девятое место по стрельбе, но зато первое место по общей культурной отсталости — разве второе не служит возмещением первого?»[1].

Много интересных статей было написано товарищем Молотовым во время избирательной кампании и после нее[2].

Статьи товарища Молотова в «Правде» имели одну цель — мобилизовать широкие народные массы вокруг ленинско-сталинского знамени борьбы за революцию в России. Каждое более или менее значительное событие в рабочем движении товарищ Молотов использовал в своих статьях для того, чтобы показать десяткам тысяч трудящихся, что единственным выходом из кабалы и нищеты, из капиталистической каторги является революционное свержение царизма, а затем и капитализма.

Особая ирония чувствуется в строках товарища Молотова, посвященных разоблачению ликвидаторской демагогии о наступлении новой эры... эры борьбы за свободу коалиции путем петиций.

В статье «Важная поправка» товарищ Молотов писал:

«Марксисты не раз указывали и продолжают указывать на то, как либеральные рабочие политики, т. е. ликвидаторы урезывают, укорачивают пролетарские требования, стараются втиснуть решительные выступления рабочего класса в прокрустово ложе либеральных формулировок и идеек.

Чтобы не ходить далеко за примерами, укажем хотя бы на один самый яркий: огромное ленское движение истолковывалось как борьба за свободу коалиций, т. е. из него старались выпотрошить самый дух его, поставивший основные требования пролетариата перед всей системой реакции.

То же самое силятся сделать ликвидаторы и теперь с последним грандиозным выступлением в связи с судом над стачечниками...

...Либеральные рабочие политики пытаются укоротить, умалить выступления рабочего класса, принизить этот грандиозный протест пролетариата против всей системы, в которой немыслима **н и к а к а я** свобода, в которой рабочий класс скован по рукам и ногам во **в с я к о й** самодеятельности...

И благо, что рабочий класс не зачарован пустыми словами либеральных рабочих политиканов, а идет по своему старому испытанному пути, которым он шел в «былые» годы. Ибо он помнит о том, **к о г д а**, **п р и к а к и х у с л о в и я х** возможны завоевания. Сознательные рабочие знают, что только **в д е в я т ь с о т п я т о м г о д у** государство, расшатанное движением рабочего класса, наполовину признало за ними право на забастовку...

Ликвидаторы говорят, борись за частичные требования, отстаивай «крупицу коалиционного права»! А марксисты — рабочие, сознательно участвующие в стачках-протестах, не перестанут указывать, что если кто

---

[1] А. Р я б и н (В. Молотов). О «девятом» и о «первом» месте. «Правда» № 45 от 21 июня 1912 года.

[2] См. А. Р я б и н (В. Молотов). Патриоты и рабочие. «Невская звезда» № 8 от 27 мая 1912 г.; А. Р я б и н (В. Молотов). Кто же «подстрекатели»? «Правда» № 3 от 25 апреля 1912 г.; А. Р я б и н (В. Молотов). «Патриоты» и народное образование. «Правда» № 23 от 26 мая 1912 г.; А. Р я б и н (В. М о л о т о в). Октябристы «считаются». «Правда» № 36 от 10 июня 1912 г.; А. З в а н о в (В. Молотов). День славянских флагов. «Правда» № 191 от 12 декабря 1912 г.; А. З в а н о в (В. Молотов). Государственные крепостники. «Правда» № 3 (207) от 4 января 1913 г.; А. З в а н о в (В. Молотов). Новые приемы. «Трудовая правда» № 13 от 12 июня 1914 года.

хочет свободы коалиций, тот не будет утешать себя частичными и крупичными уступками, а пойдет старой испытанной дорогой»[1].

3 марта 1913 г. «Правда» отмечала тридцатилетие смерти великого учителя пролетариата всего мира — Карла Маркса. Товарищ Молотов выступил в этом номере «Правды» со статьей «Манифест «Союза коммунистов».

В этой статье товарищ Молотов показал исключительное значение Коммунистического манифеста как программного документа научного социализма и изложил историю возникновения и деятельности Союза коммунистов под руководством Маркса и Энгельса.

«Манифест появился, — писал товарищ Молотов, — за несколько дней до начала февральской революции 1848 г.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — впервые провозгласил Коммунистический манифест.

Дальнейшая история поставила на место тайного «Союза коммунистов» сперва, в 1864 году, Международное Товарищество Рабочих, а затем Рабочий интернационал, сомкнувший вокруг себя до нашего времени миллионы организованных рабочих.

В отличие от различных направлений тогдашней социалистической мысли, основоположники современного научного социализма называли себя «коммунистами».

Ф. Энгельс в одном предисловии к Манифесту говорит по этому поводу: «Социализм в 1847 году означал буржуазное движение, коммунизм — рабочее». И дальше он поясняет, что «социалисты» того времени искали поддержки у «образованных» классов и желали только политического переворота, коммунисты требовали коренного переустройства всего общества.

Современные социалисты являются последователями и продолжателями идей и дела «коммунистов» 1847—48 гг., во главе которых стоял К. Маркс, поэтому они и называются марксистами»[2].

Каждый сознательный рабочий, читая статью товарища Молотова, понимал, что из современных социалистов подлинными последователями и продолжателями идей и дела коммунистов 1847—1848 гг. являются большевики, партия Ленина — Сталина.

«В четырех небольших главах,— заканчивал товарищ Молотов свою статью, — на 3—4 десятках страниц, ясным, точным языком, блестяще по форме, глубоко по содержанию набросаны основные идеи коммунизма, которые вошли и в учение современного научного социализма. Эти идеи были положены в основу последующих работ К. Маркса и его последователей. Современная общественная жизнь и марксистское рабочее движение подтверждает каждым своим шагом основные мысли «Коммунистического манифеста»[3].

В марте 1914 г. в связи с годовщиной Парижской коммуны товарищ Молотов выступил со статьей «Памяти Парижской коммуны»[4].

Товарищ Молотов в небольшой по размерам газетной статье вскрыл классовую суть правительства национальной измены, возникшего 4 сентября 1870 года. Он с особенной ясностью показал, почему правительство французской буржуазии, так называемое правительство народной обороны, неизбежно должно было превратиться в правительство народной измены.

---

[1] А. Званов (В. Молотов). Важная «поправка». «За правду» № 30 от 8 ноября 1913 года.

[2] А. Званов (В. Молотов). Манифест «Союза коммунистов». «Правда» № 52 (256) от 3 марта 1913 года.

[3] Там же.

[4] В. М. (В. Молотов). Памяти Парижской коммуны. «Путь правды» № 28 от 5 марта 1914 года.

«Для обороны Парижа, — писал товарищ Молотов, — нужно было вооружить национальную гвардию, состоящую в своем огромном большинстве из пролетариев. А пролетариев представители реакционной буржуазии опасались гораздо больше чем пруссаков. И вот, временное правительство, притворяясь, что заботится об обороне и повторяя пышные фразы о том, что оно не будет капитулировать, на самом деле ведет тайные переговоры с пруссаками, готовясь заключить с ними самый позорный мир и предать республику»[1].

Подвергая анализу деятельность Коммуны, товарищ Молотов в простых и ясных словах показал сильные и слабые стороны Парижской коммуны.

«Коммуна осуществляла возлагавшиеся на нее надежды, — писал товарищ Молотов, — и выполнила наиболее важные требования рабочего класса. Первым своим декретом она уничтожила постоянную армию и на ее место поставила вооруженный народ. И это было сделано в виду неприятеля, осаждавшего город; и город, оборона которого казалась безумием буржуазному правительству, сделался теперь неприступным.

Сама Коммуна состояла из ответственных и сменяемых муниципальных советников, избиравшихся всеобщей подачей голосов. Она совмещала в себе власть законодательную и исполнительную. Вознаграждение за общественную службу для членов Коммуны не превышало нормальной заработной платы. Таким образом исчезли крупные чиновники. Общественная служба сделалась не привилегией богатых людей, а тяжелой, серьезной обязанностью. Представителем полицейской службы тоже был один из ответственных агентов Коммуны, на обязанности которого было наблюдать за порядком в городе.

Дело религии и содержание церковного причта было объявлено делом частным; церковные тюрьмы были уничтожены. Все учебные заведения были открыты для народа бесплатно и в то же время освобождены от всякого вмешательства церкви или государства. Таким образом, образование стало доступно для всех и сама наука освобождена от влияния классовых предрассудков.

Все общественные должностные лица должны были быть выборными, ответственными и сменяемыми.

И никогда еще в Париже не царило такого образцового порядка, как в светлые дни Коммуны...

Но, занявшись переустройством своей жизни, коммунары не подумали о том, чтобы занять более выгодное положение и перейти в наступление, и не завладели французским банком, не помешали версальскому правительству взять из него деньги на их же собственное усмирение...»[2].

Несмотря на свирепую царскую цензуру товарищу Молотову удалось напечатать статью, в которой с большевистской страстностью было рассказано о зверствах версальцев при разгроме Парижской коммуны. Каждая фраза, каждая строка этого рассказа звучали призывом к борьбе.

«Целую неделю, — писал товарищ Молотов, — продолжалась эта кровопролитная битва на улицах Парижа. Солдаты брали приступом улицу за улицей, дом за домом и, наконец, 28 мая взята была последняя баррикада. Много пало здесь славных защитников народного дела. В течение двух недель посреди Сены текла другая красная река — река крови погибших парижан. Взятых в плен расстреливали сотнями и тысячами без всякого суда. Детский возраст не избавлял от солдатской пули. Зверски замучен и потом пристрелен был член Интернационала Варлен. «Да, я Варлен, — гордо ответил он своим судьям. — Да, я был членом Центрального Комитета Коммуны».

---

[1] В. М. (В. Молотов). Памяти Парижской коммуны. «Путь правды» № 28 от 5 марта 1914 года.

[2] Там же.

Но оставшимся в живых пришлось позавидовать участи тех, кто пал в борьбе. Толпы связанных пленных погнали в Версаль, где над ними надругались и издевались цивилизованные варвары. Затем начались военные суды и расстрелы... расстрелы... без конца.

Остальные пленные десятками тысяч населяли каторжные тюрьмы Новой Каледонии, Кайены и все французские тюрьмы.

Коммуна была разбита, восстание народа подавлено, но память об этих днях жива среди пролетариев всего мира»[1].

В 1914 г. исполнилось сто лет со дня рождения великого украинского поэта Тараса Шевченко. Царское правительство запретило чествование поэта. Вопреки этому товарищ Молотов напечатал в большевистской газете «Путь правды» статью «Памяти Т. Г. Шевченко». Отдавая должное могучему таланту Тараса Шевченко, товарищ Молотов писал:

«Проживши всю свою жизнь сначала под гнетом крепостных цепей, потом под гнетом солдатчины крепостных времен, Тарас Шевченко, — этот разносторонний, могучий талант, на многие годы лишенный возможности проявляться, все-таки не потерял веры в жизнь и жажды действия. Заброшенный в безводную, глухую пустыню, один, без друзей, он боялся только, как бы не застыло его сердце, не замерла в бездействии его душа. И в своей единственной молитве он просил бога только о том, чтобы он дал ему долю. Если жаль доброй доли, то пусть даст хоть злую. Но только, просит он,

«...Не дай спати ходячому,
Серцем замирати,
I гнилою колодою
По світу валятись,
А дай жити, серцем жити,
I людей любити,
А коли ні, то проклинать
I світ запалити!
Страшно впасти в кайдани,
Умирать в неволі;
А ще гірше — спати, спати
I спати на волі».

И злая доля была ему отмерена полной мерой, что еще больше дает великому украинскому поэту право на вечную славу и добрую память потомков, за благо и счастье которых он всю свою жизнь боролся»[2].

Мы не исчерпали и десятой доли многообразного круга вопросов, на которые откликался товарищ Молотов в своих статьях в «Правде». В этих статьях он показал себя как виднейший партийный литератор, обладающий энциклопедическими знаниями, беззаветно преданный партии Ленина—Сталина.

Большевистская «Правда» подвергалась тяжелым репрессиям, в первую очередь за статьи вождей нашей партии — Ленина и Сталина, — но также и за статьи их соратников. Ряд номеров «Звезды» и «Правды» был конфискован из-за статей товарища Молотова.

В № 26 (62) «Звезды» от 5 апреля 1912 г. была напечатана статья товарища Молотова «Голодный вопрос». Постановлением Петербургского комитета по делам печати этот номер «Звезды» был конфискован.

В донесении в Главное управление по делам печати Петербургский комитет сообщал:

---

[1] В. М. (В. Молотов). Памяти Парижской коммуны. «Путь правды» № 28 от 5 марта 1914 года.

[2] В. М. (В. Молотов). Памяти Т. Г. Шевченко. «Путь правды» № 21 от 25 февраля 1914 года.

«Статья эта (речь идет о статье товарища Молотова «Голодный вопрос».— *М. Л.*) имеет своей целью убедить читателей в том, что вопрос о причинах голода в России стоит в непосредственной связи с крестьянским вопросом вообще и что единственное средство к вполне правильному разрешению его заключается в «наделении крестьян землею без выкупа». Вместе с тем автор призывает «крестьянскую демократию» поддержать на предстоящих выборах в Государственную думу ту партию, которая ставит на своем знамени требование именно такого разрешения означенного вопроса.

Приняв во внимание, что в выражении «наделение крестьян землею без выкупа» разумеется, несомненно, принудительное и безвозмездное отчуждение частновладельческих и всяких иных, не принадлежащих крестьянам, земель, С.-Петербургский комитет по делам печати усмотрел в содержании названной статьи признаки преступного деяния, караемого п. 2 ст. 129 уг. ул. Ввиду этого комитет постановил: 1) возбудить, на основании приведенной статьи закона, судебное преследование против редактора газеты «Звезда», а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по сему же делу, и 2) наложить на № 26 (62) означенной газеты арест»[1].

В № 31 (67) «Звезды» от 17 апреля 1912 г. была напечатана статья товарища Молотова «К организации». Петербургский комитет по делам печати усмотрел в этой статье «явный призыв рабочего класса к революционной борьбе за коренное изменение существующего политического строя»[2]. Номер «Звезды» был конфискован.

В № 14 «Правды труда» от 26 сентября 1913 г. была напечатана статья товарища Молотова «Торговля штрейкбрехерами». Петербургский комитет по делам печати нашел, что «автор пользуется случаем, чтобы опозорить предполагаемых заместителей бастующих московских трамвайщиков, называя их презрительною кличкою «штрейкбрехеров», «штрейкбрехерскими душами», «штрейкбрехерскими молодцами», «штрейкбрехерским сбродом» и т. п.»[3]. Этот номер «Правды труда» был конфискован, а против редактора газеты и автора статьи было возбуждено судебное преследование.

Царская цензура систематически выступала против большевистской печати, в защиту ликвидаторов. Это особенно ярко видно по отзыву цензуры об одной статье товарища Молотова.

В № 30 газеты «За правду» от 8 ноября 1913 г. была напечатана статья товарища Молотова «Важная поправка». В этой статье, писал Петербургский комитет по делам печати, «автор, полемизируя с так называемыми «ликвидаторами», говорит, что борьба пролетариата должна вестись «не только для завоевания права коалиции, но для освобождения всей страны во имя основных неурезанных требований», причем рабочим следует помнить, что «только в 1905 г. государство, расшатанное движением рабочего класса», наполовину признало за ними право на забастовку и что поэтому надо идти «старой испытанной дорогой», т. е. путем «освобождения всего народа во имя основных неурезанных требований», как сказано выше в этой статье»[4].

Этот номер газеты «За правду» был конфискован, а против редактора газеты и автора статьи возбуждено судебное преследование.

Несмотря на все эти репрессии жандармов от цензуры, большевистская печать под руководством Ленина и Сталина и при активном участии их учеников и соратников — товарищей Молотова, Ольминского, Полетаева, Калинина, Серго Орджоникидзе и др.,— при поддержке всего

[1] Сборник «Большевистская печать в тисках царской цензуры», стр. 39—40. Лениздат. 1939.

[2] Там же, стр. 42.

[3] Там же, стр. 112.

[4] Там же, стр. 131.

рабочего класса продолжала наперекор врагам существовать и готовить народные массы к новой революции.

«Большевиков тогда называли «правдистами». С «Правдой» росло целое поколение революционного пролетариата, которое провело потом Октябрьскую социалистическую революцию. За «Правдой» стояли десятки и сотни тысяч рабочих. В годы революционного подъема (1912—1914) был заложен прочный фундамент массовой большевистской партии, которого не могли разрушить никакие преследования царизма в период империалистической войны.

«Правда» 1912 года — это закладка фундамента для победы большевизма в 1917 году» (Сталин)[1].

★

Одновременно с работой в «Правде» товарищ Молотов вел и партийную работу.

При активном участии товарища Молотова в Политехническом институте было создано несколько студенческих большевистских групп.

Революционная работа товарища Молотова не ограничивалась стенами Политехнического института. Вместе с группой большевиков-политехников: Лебедевым, Тихомирновым и др.—товарищ Молотов развернул большую работу среди студентов других высших учебных заведений Петербурга. В университете, Горном и Психо-неврологическом институтах, на Бестужевских курсах были созданы большевистские группы, которые в начале 1913 г. были организованы в Объединенный комитет социал-демократических фракций высших учебных заведений г. Петербурга. Объединенный комитет руководил работой студенческих большевистских ячеек.

13 января 1913 г. на заседании Петербургского комитета большевиков было заслушано сообщение о создании общегородской студенческой большевистской организации. Товарищ Молотов был выделен представителем Петербургского комитета большевиков в Объединенный комитет студенческой партийной организации.

Под руководством товарища Молотова Объединенный комитет создал ряд нелегальных студенческих кружков. Он руководил революционными выступлениями студентов, занимался изданием и распространением большевистских листовок.

Ко второй годовщине ленского расстрела Объединенный комитет выпустил специальную листовку к студенчеству с призывом к организации сходок протеста.

Студенческие большевистские группы использовались в значительной степени и для общепартийной работы. Основные силы для пропагандистской работы среди петербургских рабочих давали студенческие ячейки. Товарищ Молотов сам вел занятия в нескольких рабочих кружках в Выборгском районе и среди железнодорожников Николаевской железной дороги.

Товарищ Молотов являлся членом Петербургского комитета большевиков. Осенью 1913 г. товарищ Молотов проводил большую революционную работу среди петербургских профессиональных союзов. Уже будучи на нелегальном положении, товарищ Молотов довольно часто выступал на профсоюзных собраниях рабочих. Под его руководством протекала вся борьба с ликвидаторами в петербургском профессиональном движении.

Значительную помощь оказывал товарищ Молотов большевистской думской фракции, участвуя в ее работе, помогая и консультируя рабочих депутатов.

---

[1] «История ВКП(б)» Краткий курс, стр. 148.

Любопытную характеристику революционной деятельности товарища Молотова давала петербургская охранка. В одном из своих донесений петербургская охранка писала, что «Скрябин, определенный социал-демократ-большевик, исполнял поручения Ленина, с коим находился в переписке, вел партийную работу в Выборгском районе, принимал участие в создании социал-демократического кружка служащих Николаевской железной дороги, состоял членом социал-демократической фракции студентов-политехников и 14 марта 1913 года на сходке в Политехническом институте выступал с предложением объявить забастовку в виде протеста против реформ, введенных в Военно-медицинской академии.

В 1912—1913 гг. состоял секретарем рабочей газеты «Правда». В конце марта Скрябин был командирован в Москву Петроградским комитетом РСДРП для восстановления партийной работы в Москве и области. В Москве он при посредстве сестры Ленина Марии Ильиной Ульяновой связался с некоторыми особо активными социал-демократическими работниками. В Москве, с приездом Скрябина и других, агентура отметила подъем революционного настроения среди социал-демократического подполья» [1].

За свою революционную деятельность среди петербургских рабочих товарищ Молотов подвергался неоднократным арестам и ссылкам.

1 апреля 1913 г. товарищ Молотов был арестован петербургской охранкой. После трехмесячного тюремного заключения он был выслан из Петербурга с запрещением проживать в «64 пунктах». Но как только его освободили из тюрьмы, товарищ Молотов поселился в пригородах Петербурга, продолжая свою революционную деятельность.

7 декабря 1913 г. товарищ Молотов вновь арестовывается петербургской охранкой по обвинению в участии в деятельности Петербургского комитета большевиков. За недостаточностью улик товарищ Молотов был освобожден из-под стражи под особый надзор полиции. Так как над ним висело старое запрещение проживать в столичных городах, товарищ Молотов опять поселился в окрестностях Питера и продолжал нелегальную революционную работу.

В ночь на 22 апреля 1914 г. товарищ Молотов опять был арестован. После нескольких недель тюремного заключения его выслали из Петербурга. И опять, как и при прежних высылках, он, перейдя на нелегальное положение, продолжает свою революционную деятельность среди петербургских рабочих.

В Петербурге — крупнейшем пролетарском центре страны, — ведя революционную работу в рядах одной из лучших организаций большевистской партии — Петербургской организации, — товарищ Молотов стал мастером от революции, одним из крупнейших руководителей большевистской партии.

У Ленина и Сталина товарищ Молотов научился великому искусству руководства борьбой пролетариата, беспредельной преданности знамени и учению марксизма-ленинизма.

Жизнь и борьба товарища Молотова — яркий образец того, как надо бороться и побеждать под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

---

[1] «Материалы Ленинградского института истории ВКП(б)».

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

О. Л. Вайнштейн

Конец XIX и начало XX в., когда заканчивается период «свободного капитализма» и начинается период империализма, т. е., по определению Ленина, «паразитического или загнивающего капитализма»[1], период, в который «разница между республикански-демократической и монархически-реакционной империалистской буржуазией стирается именно потому, что та и другая гниет заживо»[2],— является также периодом развития и углубления кризиса буржуазной исторической мысли.

Уже в 70-х гг. прошлого столетия, после Парижской коммуны, оставившей неизгладимый след в буржуазном общественном сознании, появляются некоторые предвестники будущего перелома. К этому времени относятся такие реакционные явления в буржуазной историографии, как построения Фюстель де Куланжа, отвергавшего творческую роль революции в историческом процессе; резкий крен вправо либерального историка Якова Буркгардта, попытка Оттокара Лоренца ниспровергнуть гуманистическую периодизацию истории и поставить под сомнение закономерность выделения средних веков как особого этапа общественного развития[3] и т. д. В области философской мысли этому до некоторой степени соответствует выступление Курно (умер в 1877 г.), предшественника новейших спиритуалистов, выдвинувшего положение о господстве случайности в мире (le hazard gouverne le monde), а также историко-философские спекуляции Ницше, отрицавшего за историей значение науки[4].

Однако все это были только первые и в общем незначительные предвестники поворота в буржуазной идеологии. Можно утверждать, что до начала XX в. философской основой буржуазной историографии оставался либеральный, рационалистический позитивизм в том виде, в каком он был сформулирован Контом и Спенсером. Позитивистская историография рассматривала историческое прошлое как нечто объективно существующее вне и независимо от нашего сознания: она стремилась к объективному познанию исторического процесса и клала в основу понимания этого процесса принцип закономерного и прогрессивного развития. До начала XX в. господствовало убеждение, что важнейшая задача истории, как и всякой другой науки, состоит в выявлении законов и создании обобщений. Спор мог идти только по вопросу о том, является ли открытие законов исторического развития задачей «чистого» историка

---

[1] Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 302.

[2] Там же.

[3] Lorenz O. «Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben», S. 249 ff. Berlin. 1886.

[4] Nietzsche «Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben». 1874.

или же монополией социолога. Но, во всяком случае, и социологи (например Дюркгейм) и историки проникнуты в это время оптимизмом, верой в безграничный прогресс науки, техники, человеческого общества.

Классическим примером приложения принципов позитивизма к историографии является знаменитый труд Бокля — «История цивилизации в Англии»,— переведенный почти на все европейские языки и продолжавший оказывать влияние на буржуазную историческую мысль до начала XX века. В 1906 г. работа Бокля выходит на русском языке и сразу получает широкое распространение, хотя со стороны специалистов отношение к ней было очень сдержанным. Непосредственно следуя не только за Контом, но и за просветителями XVIII в., Бокль отожествлял прогресс общества с прогрессом знаний. Для него законы исторического развития были прежде всего законами развития человеческого интеллекта. Более характерными с точки зрения позитивистских основ познания прошлого являются позднейшие попытки исторического синтеза, принадлежащие Карлу Лампрехту и его ученику Курту Брейзигу.

Лампрехт поставил проблему истории как проблему обобщения всей исторической жизни, как всеобщий синтез социального, экономического, политического и интеллектуального развития, синтез, которому он присвоил название «Kutlur- und Universalgeschiechte». Исходя из общего позитивистского взгляда, что история — это вне нас находящаяся реальность и что жизнь общества есть непосредственное продолжение жизни природы, Лампрехт считал, что к истории можно применить тот же исследовательский метод, который выработан в естествознании,— установление, собирание, классификация фактов, приведение их в связь с помощью причинной зависимости и выведение неизменных законов развития. Конечно, будучи по своим философским убеждениям идеалистом, Лампрехт выдвигал на первый план духовную жизнь общества, а его «фазы развития» (символическая, типическая, конвенционная, индивидуалистическая и субъективная), соединенные между собой «законом причинности», сконструированы с помощью чисто психологических понятий. Однако прогрессивным для этого буржуазного историка было то, что он уделял значительное внимание явлениям материального развития и единственной движущей силой в истории считал народные массы. В своей «Истории немецкого народа» Лампрехт отводит сравнительно скромное место государству и «великим людям», выдвигая на первое место массы — народ.

Ученики Лампрехта: Курт Брейзиг, Вальтер Гец и другие — под некоторым влиянием новых течений историко-философской мысли (Риккерт, Виндельбанд, Зигварт и т. д.) отвергли «натурализм» своего учителя и стали противопоставлять мир истории миру природы, как подчиняющиеся различным закономерностям. Стихийно-материалистические черты, имевшиеся в творчестве Лампрехта, у его учеников вытесняются чистейшим спиритуализмом. Однако либеральный и прогрессивный характер всей этой школы не потерпел существенного ущерба. Брейзиг, подобно Лампрехту, рассматривает исторический процесс как процесс закономерный, пробегающий в своем развитии различные ступени или «культурные круги», и у Брейзига закономерность этого «пробегания через ступени» (Gesetzmässigkeit des Stufenverlaufs) ничем принципиально не отличается от закономерностей, устанавливаемых естественными науками. Отвергая реакционно-романтическое представление о «самобытности» каждой нации и об отсутствии единого всемирноисторического процесса, Брейзиг возвращается к учению просветителей о единстве человеческого рода, которое стоит выше всяких различий, пространства, времени, расы. Объективное познание прошлого представляется Брейзигу, как и всем позитивистам, вполне разрешимой задачей.

В своей работе «Задачи и масштабы всеобщей историографии» [1], вышедшей в качестве первого тома «Культурной истории нового времени», Брейзиг стремится доказать опасность партийной, религиозной и националистической предвзятости. Наибольшую опасность для объективной исторической науки представляет на данном этапе, по его мнению, узкий национализм, так как историк, стремящийся дать беспристрастную и правдивую картину развития собственного народа, подвергается сильнейшему давлению со стороны «общественного мнения», которое опасается, чтобы «беспристрастие историка в национальных делах не принесло вреда». «История,— убеждает автор своих соотечественников,— в состоянии оказать значительные услуги, но лишь в том случае, если она ничего иного не ищет, кроме правды. Как и всякий другой самообман, так и самообман в науке, может дать на один момент чувство удовлетворения, но длительного добра он не принесет» [2].

Брейзиг признает, что в Англии, Франции и Германии историки под влиянием тех или иных мотивов искажали историческую истину, но объективное существование этой истины и ее достижимость не вызывают у него никаких сомнений.

Можно ограничиться этими примерами, чтобы сделать общий вывод о характере исторических представлений, господствовавших на рубеже XX века: во-первых, исторические явления реально существуют и вполне доступны адэкватному познанию; во-вторых, существует закон причинности, соединяющий эти явления в исторический ряд или ряды; в-третьих, эти ряды причинно связанных явлений образуют единый исторический процесс, дающий картину закономерного развития (по терминологии романтической историографии) или эволюции (по терминологии позитивистов). С этим связано и унаследованное от просветительной историографии XVIII в. учение о прогрессе; в-четвертых, основной движущей силой развития является народ, а не отдельные личности; в-пятых, история есть наука, не ставящая перед собой никакой иной цели, помимо научного познания прошлого — «история для истории».

Система таких представлений, господствовавшая в буржуазной историографии и в широких кругах «образованного общества» около 1900 г., получила, с легкой руки Э. Трельча, название **историзма** и представляла собой буржуазно-ограниченное, но все же прогрессивное для своего времени течение исторической мысли.

Однако уже с конца XIX в. позитивизм, служивший философской базой историзма, подвергается с различных сторон ярестным атакам. Так например Пуанкаре, признавая реальность вне нас находящегося мира, подчеркивает коренное различие между ним и миром научных ценностей, отрицает возможность объективного научного познания; Леруа критикует понятие «научного факта»; реакционное бергсонианство и соответствующий ему в англо-саксонских странах прагматизм с позиций интуитивизма подвергают критике разум и рациональное познание, протаскивая в науку и научное мировоззрение мистику и религию; субъективно идеалистические учения Маха и Авенариуса стремятся ликвидировать позитивизм и материализм, в первую очередь, в области естествознания.

Однако субъективный идеализм и скептицизм из буржуазной философии первого десятилетия XX в. не сразу проникают в область историографии. В этом отношении показательна обобщающая работа крупнейшего французского историка Габриеля Моно — «Метод в исторической науке»,— вышедшая в 1909 г. в сборнике «De la méthode dans les sciences» (Paris, Alcan), покоящаяся еще на позитивистских философских предпосылках.

---

[1] Breysig K. «Aufgaben und Masstäbe einer allgemeinen Geschichtsschreibung». 1900.

[2] Ibidem, S. 47.

Теодор Лессинг в своей парадоксальной, но весьма симптоматичной книге «История как осмысливание бессмысленного» [1] отмечает тот факт, что история совершенно не заражена скептицизмом, уже давно господствующим в естественных науках. Он указывает на то, что одни и те же мыслители, представляющие в философии скептические или агностические взгляды, остаются в историографии на позициях наивного реализма. В качестве примера Лессинг приводит Юма и Канта. Первый из них был «самой скептической головой в философии и самым доверчивым человеком в истории»; второй в своих рассуждениях о построении истории забывает свое собственное учение о трансцендентности категорий пространства и времени. «Так идеализм двойственен,— заключает Лессинг,— неумолимый в теории, банальный в практике: так борется немец с наивным реализмом во имя философии и служит ему во имя истории» [2].

Лессинг по обыкновению сильно преувеличивает. Попытки изгнать позитивизм из историографии или, по крайней мере, вырвать у него из-под ног почву и расчистить путь для субъективно-идеалистической методологии делались уже в период довоенного империализма. Риккерт, Виндельбанд, Зиммель, Зигварт, у нас Лаппо-Данилевский и многие другие теоретики выдвинули положение о принципиальном отличии «наук о природе» от «наук о духе», к числу которых принадлежит и история; история была сверх того объявлена наукой идиографической, занимающейся описанием индивидуальных, неповторяющихся явлений и неспособной выявлять законы развития, в противоположность номографическим наукам о природе. Однако ни один из этих теоретиков не отрицал, что история все же является наукой и притом такой, которая имеет дело с некоторым реально существующим объектом, а именно — с конкретным, единичным, неразложимым на более простые элементы историческим фактом.

Более решительная и более последовательная атака на позитивизм и концепции историзма была предпринята только накануне и в период первой империалистической войны. Инициатива в этом отношении принадлежала итальянскому философу и вместе с тем историку Бенедетто Кроче, который в своей работе «Теория и история историографии», вышедшей в 1915 г. сначала в немецком переводе, а затем уже на итальянском языке, пытается утвердить в истории основные принципы субъективного идеализма. «Подобно тому как внешние вещи не существуют вне нашего духа,— пишет Кроче,— так не существуют для нас и документы и повествования о событиях, если они мертвы. Из вещи рождается не мысль, а вещь: история, исходящая из вещей, остается вещью, т. е. несуществующим. Но мертвая история оживает, когда этого требует развитие жизни. Римляне и греки лежали в своих гробницах, пока не были разбужены Ренессансом — эпохой новой зрелости европейского духа. Примитивные формы варварства были забыты или почти не обращали на себя внимания, пока новая фаза европейского духа — романтизм или реставрация — не «симпатизировалась» с ними, т. е. не признала их нашим актуальным интересом» [3].

Для Кроче история, как он выражается,— это «акт мысли», причем наша мысль творит историю так, как того хочет, сообразно своим интересам, современная историку жизнь. История, не связанная с настоящим,— это мертвая хроника, а не живая история. Объективной истории нет и быть не может [4].

Мысль о том, что история без отношения к современности невозможна, развивал независимо от Кроче и Э. Трельч в работе о значении протестантизма. «Мы всегда ставим ход событий,— утверждает он,—про-

---

[1] Lessing Th. «Geschichte als Sinngebung des Sinnlosen». 4-te Aufl. 1927.
[2] Ibidem, S. 66.
[3] Croce B. «Teoria e Storia della Storiografia». Цит. по английскому переводу, стр. 25. 1921.
[4] Ibidem, p. 24.

извольно или непроизвольно, в отношение к настоящему. Явления (Gegenstände), которые не поддаются такому отнесению, интересуют только антиквара; исследования, которые совсем или же в самых существенных вопросах оставляют в стороне связи с современностью, имеют значение только для любителя... Понимание настоящего является конечной целью всякой истории».

Аналогичную мысль, может быть в еще более резкой форме, выразил во время империалистической войны другой крупный немецкий историк — Адольф Гарнак. «Мы занимаемся историей,— заявляет он,— только для того, чтобы вмешиваться в ход событий. Отсюда следует, что всякая история ...в известном смысле должна быть современной историей. Только то, что служит настоящему, может претендовать на право сделаться объектом нашего познания». И далее мы читаем: «В историческом познании в конечном итоге все должно иметь целью подготовку будущего: ибо только та наука имеет право на существование, которая подготовляет подлежащее совершению (die ein Werdendes vorbereit); в противном случае она является излишней и вредной роскошью, отнимающей благородные силы от нужной работы» [1].

Таким образом, у истории отнимается уже не только задача открытия законов, но и возможность находить объективную истину, независимую от классовых и политических интересов буржуазии. Крупнейшие буржуазные теоретики и историки сами отказываются от прежних стремлений дать приближающуюся к истине картину прошлого. В истории утверждается откровенный субъективизм. И хотя Шмайдлер, как и многие другие поклонники Ранке в современной Германии, решительно протестовал против этой линии, она в конечном итоге сделалась господствующей.

Следующий шаг в борьбе против позитивизма был сделан в первые годы по окончании первой империалистической войны. Основа основ позитивистской историографии, завоеванная всеми прежними успехами общественных наук — идея развития,— была объявлена «результатом не строгонаучной мысли, а продуктом малоценного мифотворчества, фантастически извращающего и произвольно дополняющего фактическое содержание действительности» [2].

Флейшман и Грицмахер, которым принадлежит только что приведенная формулировка, утверждают, что идея развития не соответствует действительному движению общественной жизни. Если даже такое понятие, как «развитие позвоночных», представляет только «образное выражение», означающее последовательную смену различных состояний, то еще более искусственным является понятие «развитие государства» или «развитие церкви» и т. п., ибо слова «государство», «церковь» и прочие покрывают каждое весьма сложное содержание, но сложность эта возрастает, если это содержание мыслить в каком-то движении. Heussi, солидаризуясь с этим взглядом, приходит к выводу, что развитие — это лишь историком мыслимое понятие, или, иначе, устанавливаемая историком связь отношений между отдельными кусками, вырванными из огромного, мчащегося вперед потока жизни.

Итак, историческое развитие объективно не существует. Не только эта мысль, но даже и формулировки, в которых она преподносится, заимствованы из махистской философии. Подобно тому как Мах объявляет естественно-научные законы только обобщающим описанием данных нашего опыта, описанием, которое мы делаем сообразно принципу эконо-

---

[1] Harnack A. «Ueber die Sicherheit und die Grenzen geschichtlicher Erkenntniss». Reden und Aufsätze. Neue Folge 13 April 1923. Цит. у Schmeidler «Zur Psychologie des Historikers...» Preuss. Jahrbuch. Bd. 202, X—XII. 1925.

[2] Fleischmann und Grützmacher «Der Entwicklungsgedanke in der gegenwärtigen Natur — und Geisteswissenschaften». 1922. Цит. у Heussi «Die Krisis des Historismus».

мии мышления, с целью преодолеть хаотическую картину внешнего мира, так и идея развития в истории определяется как одна из гипотез, выдвинутых историками с целью преодолеть хаос общественной жизни.

Наиболее последовательно развивает идеи субъективного идеализма в применении к историографии Теодор Лессинг. В упомянутой выше работе — «Geschichte als Sinngebung des Sinnlosen» — он рассматривает понятие развития как «вспомогательное средство нашей мысли». «Представление о том,— говорит он,— что из аграрного коммунизма в доисторические или исторические времена вышел государственный союз, что из материнского права возник патриархат, а из полигамии — моногамия,— все это иллюзия или произвольная идея историка. Все эти воображаемые «ступени» фактически являются всегда существующими состояниями, и любое из них может вернуться, если того потребует жизнь» [1].

Идея развития, по его словам, перенесена в область истории из естествознания и не имеет с исторической действительностью ничего общего. Это правильно с его точки зрения и по отношению к любому причинному ряду, найденному в истории. Подобно тому как произведение искусства не порождает другого произведения и каждый создаваемый художником образ представляет собой нечто совершенно новое, содержащее в себе в то же время в с е искусство, так народ или культура, традиция или исторический образ не вытекают ни из чего предшествующего [2]. Когда в истории литературы или философии изображают дело так, что каждый новый писатель или философ стоит на плечах другого и все вместе они образуют какой-то восходящий ряд, то это не более как представление, незаконно перенесенное в область истории или механики [3]. Точно таким же образом мысль, что история Египта породила историю Греции, что из греческой культуры вышла римская, а из последней — германская,— это просто рабочая гипотеза нынешнего культурного круга, гипотеза, которая погибнет вместе с этим культурным кругом [4].

Таким образом, оказывается «ликвидированным» представление об истории как науке, открывающей законы, стремящейся к объективному познанию мира прошлого; понятия развития, прогресса, причинного ряда явлений объявляются только продуктом нашего упорядочивающего сознания. Но, может быть, сохраняется хоть объективный, конкретный исторический факт, который может явиться предметом научного изучения и описания? И этого нет. Представление махизма о конкретной вещи как об обобщенном выражении для известной нам из опыта закономерной связи наших восприятий переносится и на исторический факт. Прежде всего исторический факт перестает быть чем-то определенным, застывшим, раз навсегда. известным и не подлежащим сомнению. Для Heussi исторический факт, как и любой объект исторического изучения,— это не какая-то однозначная, раз навсегда данная величина, а неисчерпаемый стимул к все новым историческим концепциям. Таким образом, каждая новая эпоха будет видеть в одном и том же факте или в одной и той же личности нечто совершенно иное [5]. Здесь, по крайней мере, самый факт еще не уничтожается, но он существует подобно кантовской вещи в себе, оставаясь всегда недоступным для нашего однозначного и объективного познания.

Гораздо дальше идет в своем скептицизме Лессинг, для которого исторический факт есть только символ, вызванный к жизни работой нашего сознания и актом нашей воли. «Всякий исторический факт,— пишет

---

[1] Lessing Th. «Geschichte als Sinngebung des Sinnlosen»., S. 73.
[2] Ibidem, S. 107.
[3] Ibidem, S. 109.
[4] Ibidem, S. 164.
[5] См. Heussi «Krisis des Historismus», S. 56.

Лессинг,— это дитя случая или самой лживой условности (das Kind des Zufalls und der verlogensten Uebereinkunft)» [1].

В конце 1926 г. американский историк К. Л. Беккер выступил на конференции Американской ассоциации историков с докладом, в котором рассмотренные выше махистские взгляды преподносились в самой наглядной и популярной форме. Мы говорим о «неумолимых», «упрямых» и «холодных» фактах истории, рассуждает Беккер, и при этом предполагаем, что факты — это нечто солидное, материальное, подобно физическому веществу, нечто обладающее определенной формой. Такое представление является просто иллюзией, результатом упрощенческого подхода к прошлому. Оказывается, что даже такой простой факт, как переход Цезаря через Рубикон, состоит в действительности из бесконечного количества меньших фактов, для описания которых потребовался бы толстый том. Следовательно, этот простой с виду факт, насколько мы в состоянии его познать, является только символом, упрощенным обозначением бесконечно сложной исторической действительности. Но если, размышляет Беккер далее, такой солидный фундамент всего здания истории, как исторический факт, представляет только иллюзию, то мы, очевидно, должны утратить веру в прочность самого здания. Таким образом, все наше представление о прошлом, созданное с такой затратой труда и энергии целыми поколениями историков, должно быть рассматриваемо лишь как продукт человеческой фантазии.

Это последнее откровение буржуазной исторической мысли вызвало совершенно непонятный энтузиазм со стороны американского же историка Барнеса, автора новейшего общего труда по историографии [2]. Американцы Бирд и Вагтс [3] недавно с прискорбием констатировали тот факт, что новейшие идеи в общественных науках достигают Америки только лет через 50 после их появления в Европе, так что Кант сделался властителем дум в Америке в то время, когда в Европе он был уже ниспровергнут Гегелем. Гегель завоевал себе видное место тогда, когда за океаном он был уже вытеснен Марксом, а марксизм распространяется только теперь. Однако в лице Беккера американская историческая наука сделала, повидимому, гигантский прыжок вперед и стала в уровень с новейшими «достижениями» европейской исторической мысли. Нужно заметить, что Барнес, восторженно присоединяясь к мыслям Беккера, считает их продуктом оригинального американского творчества и даже не подозревает, что это только популяризация нигилистических идей европейских историков-махистов. «Соображения Беккера,— пишет Барнес,— аннулируют старую концепцию Ранке, подобно тому как Эйнштейн, Планк, Шредингер и Эйхенберг ликвидируют старую физику от Ньютона до Гельмгольца». Можно смеяться над попыткой Барнеса приписать мыслям Беккера такую же роль в исторической науке, какую в новейшей физике играют принцип относительности и квантовая механика, но остается несомненным, что проникновение махистских идей в историографию становится все более заметным явлением.

В результате скептического, точнее говоря, нигилистического отношения ко всем составным элементам исторического познания от истории как науки ничего не остается. Лессинг вполне последователен, когда он заявляет, что история — это вовсе не наука, это даже — не описание прошлого, сколько-нибудь соответствующее характеру этого прошлого. «История,— пишет он,— это освобождение человека от прошлого, это сон, миф, утешающая ложь, все, что угодно, только не изображение того, wie es eigentlich gewesen» [4]. Содержание прошлого, по Лессингу, пред-

[1] Lessing Th. Op. cit., S. 187 ff.
[2] Barnes «History of historical Writing», p. 267. 1937.
[3] Beard Ch. and Vagts A. «Current of thought in historiography».— «The American historical Review». Vol. XLII, № 3, 1937.
[4] Lessing Th. Op. cit, S. 192.

ставляет случайное и бессмысленное соединение фактов, не имеющих между собою никакой внутренней связи. Только вмешательство историка, акт его воли вводит в историю категорию причины и следствия, делает расы или культуры факторами исторического развития, другими словами, придает путем упрощенческих выдумок смысл тому, что само по себе не имеет никакого смысла.

При такой постановке вопроса история растворяется в поэзии. Она перестает быть наукой, чтобы сделаться насквозь субъективным искусством. В качестве особого вида искусства она проявляет себя главным образом в мастерстве психологического портрета. Возрождение в буржуазной историографии биографического жанра, связанного с культом «сильной личности», отвечает реакционным тенденциям буржуазии к установлению открытой диктатуры.

Позитивистская либеральная историография умаляла роль великих людей в истории, выдвигала значение коллектива, народных масс, сводила все развитие к социальным и экономическим факторам. Согласно новому представлению, с особенной силой выдвигавшемуся в 20-х гг. так называемой школой поэта-ницшеанца Стефана Георге, творцами истории и ее выразителями являются только герои, вожди. Масса, народ — лишь средство и материал для их творчества. Поэтому главным видом истории становится биография, но биография особого рода, в которой великая личность выступает сквозь призму субъективного восприятия, как некоторое художественное целое. Это биография ввиде романа — biographie romancée, которой в более широком плане соответствует история ввиде романа—histoire romancée. Итальянский ученый Вальсекки[1] справедливо замечает, что в период романтизма исторический роман не претендовал на то, чтобы быть историей. Это был прежде всего именно р о м а н, т. е. продукт художественного творчества, хотя фантазия поэта строила картину прошлой жизни на основе более или менее правдивых и точных данных истории. Наоборот, histoire romancée ставит ударение на и с т о р и и, причем под видом истории преподносится читателю субъективное восприятие прошлого. Автор такого произведения не чувствует себя связанным ни в малейшей степени требованиями исторической критики. Подобно романисту, он берет свой материал где попало, нередко из вторых рук. Он не изучает, не анализирует личность и эпоху, а стремится «вжиться», «вчувствоваться» в них: интуиция заменяет ему то, что историку дает исследование, проводимое по всем правилам научной техники.

Исторический роман в эпоху романтизма оказал значительное влияние на историографию; успех этого литературного жанра не только не вредил исторической науке, но, наоборот, содействовал повышению интереса к последней в самых широких кругах. В противоположность этому histoire romancée, или biographie romancée, стремится подменить собой историю, оставляя историку в лучшем случае возможность влиять на узкий круг специалистов.

Успех histoire romancée является только одним из следствий кризиса буржуазной исторической мысли. Вторжение в историографию субъективизма, иррационализма и мистики имело и другое важное следствие: оно открыло широко двери для самой беззастенчивой фальсификации прошлого. Конечно, и прежде буржуазные историки сознательно или бессознательно извращали прошлое либо путем соответствующего подбора фактов, либо с помощью неверного их освещения, либо путем введения тенденциозных оценок, в которых откровеннее всего обнаруживались их классовые, национальные, конфессиональные, политические или иные симпатии и антипатии. Тем не менее эти историки все же двигали историческую науку вперед, накопляя множество фактов, утончая все более

---

[1] V a l s e c c h i F r. «Di alcune correnti della più vecente storiografia tedesca» «Riv. storica italiana» Ser. IV. Vol. V. fasc. I 1934.

технику исторического исследования, привлекая все более широкий и разнообразный круг источников, устанавливая новые и ранее неизвестные связи и отношения. Сделав поправку на те или иные тенденции автора, отсеяв по возможности неизбежный субъективный элемент, мы могли получить нередко очень ценный материал, служивший отправным пунктом для дальнейшего развития науки. Махистская же методология объявляет бесплодной всю предшествующую работу историков и не сулит никаких перспектив в будущем. Махистская методология ликвидирует историческую науку, обращая ее благодаря нигилистическому отношению к историческим фактам либо в род поэзии либо в политическую публицистику, живущую интересами сегодняшнего дня.

Немецкий историк Беккер, бывший в 20-х гг. прусским министром народного просвещения, так формулировал описанный выше переворот в буржуазной исторической мысли: «Сознание эпохи по отношению к истории радикально переменило фронт»[1]. В чем же кроется причина этого явления?

Heussi ставит его в тесную связь с первой империалистической войной и ее непосредственными результатами. Во-первых, война вызвала будто бы утомление политическими и военными событиями, а неизмеримое обилие событий за короткий отрезок времени и обилие отражающих их источников породили пессимистическое сознание, что всю эту массу фактов уже невозможно преодолеть. С другой стороны, опыт военных лет показал, что официальным сообщениям и источникам нельзя доверять, настолько часто они извращали истину. (Это соображение в устах немецкого историка, воспитанного на традициях школы Ранке, сделавшей официальный документ краеугольным камнем исторического познания, звучит особенно убедительно!) И, наконец, послевоенные политические перевороты, например распадение «протестантской» Германской империи, приведшее к вытеснению «малогерманской» концепции и замене ее «великогерманской», поставили под знак вопроса старые политические оценки и вообще выдвинули проблему оценок в истории.

Приведенные объяснения относятся главным образом к кризису историзма в Германии, между тем как кризис исторической науки — явление характерное для всех капиталистических стран послевоенного периода. Вместе с тем эти объяснения не в состоянии истолковать первые проявления указанного кризиса уже в довоенные годы.

Причины идейного кризиса буржуазной исторической науки иные.

Прежде всего необходимо отметить резкое поправение ведущих слоев буржуазии уже в довоенный период, причем решающую роль здесь, несомненно, сыграл подъем рабочего движения. Буржуазный либерализм уже с конца XIX в. постепенно линяет и сходит на-нет. Одновременно сходит на-нет и позитивизм, это мировоззрение либерального буржуа. Таким образом, и так называемый историзм, являющийся порождением эпохи буржуазного либерализма, не мог сохранить сколько-нибудь продолжительное время свои позиции. Эта связь настолько очевидна, что ее констатирует даже буржуазный историк Нейман. В своей работе о Якове Буркгардте, вышедшей в 1931 г., он с удовлетворением отмечает, что «либерализм и его историческая концепция преодолены (der Liberalismus und seine Geschichtsauffassung überwunden sind)»[2].

Дальнейший рост революционного движения в Европе и в колониальных странах, победа Великой Октябрьской социалистической революции, гигантские успехи сталинских пятилеток — все это воспринималось буржуазным сознанием как неслыханная катастрофа, как вызов,

[1] Becker «Wandel im geschichtlichen Bewusstsein». «Neue Rundschau». Bd. XXXVIII. 1927.

[2] Neumann G. «Der unbekannte J. Burckhardt». «Dt. Vischr. Lit. und Geist». Bd. IX, H. 2. S. 215.

брошенный историей буржуазному традиционному представлению о прогрессе и «нормальном» историческом развитии. Ликвидация капитализма в СССР показала буржуазии ее ближайшее будущее. Это зрелище заставило ее окончательно отшатнуться от исторической концепции, в основе которой лежала идея прогрессивного, ступенчатого, закономерного развития. Всемирноисторическая победа пролетариата в СССР, одержанная под руководством партии Ленина—Сталина, не могла, в конце концов, не предстать как результат вполне закономерного развития, задолго предсказанного основоположниками марксизма. Но если закономерность исторического процесса идет не на пользу, а во вред интересам капитализма, тем хуже для закономерности,— и она была окончательно выброшена за борт вместе со всей позитивистской концепцией истории.

Вместе с тем реакционные тенденции буржуазной историографии, существовавшие и ранее, теперь все более приобретают господствующее положение. Одним из наиболее ярких проявлений реакционных тенденций буржуазной историографии была известная работа Альфонса Допша — «Экономические основы европейского культурного развития»,— обращенная своим острием против теории первобытного аграрного коммунизма и стремившаяся обосновать идею мирного, непрерывного развития от древности к средним векам. Однако сейчас реакционная конструкция Допша уже не удовлетворяет требованиям буржуазии. В 1938 г. новейший рецензент Допша англичанин Джолифф обвиняет Допша в том, что он сражается с ветряными мельницами. А. Допш, пишет он в своей рецензии, хвастается победой над «давно покинутой теорией коммунистической собственности и марковой организации, как общей основы всей германской жизни», но это «пустая победа». Уже 50 лет тому назад, уверяет Джолифф, теория марки утратила всякое научное значение. Вся работа Допша, вызвавшая такую сенсацию в 20-х гг., кажется ему ненужной и только свидетельствует, по его словам, о «негодности чисто экономической интерпретации истории (inedequacy of a purely economic interpretation of history)» [1].

Против другой основной идеи Допша — непрерывности развития — в 1935 г. выступил английский археолог Barger [2], а в 1938 г. на цюрихском историческом конгрессе — мюнхенский профессор Цейсс. Оба они доказывали, что между римскими и германскими поселениями в юго-западной Германии не было никакой реальной преемственности; Цейсс стремится, конечно, не восстановить старое представление о революционном переходе от античности к средним векам, а дискредитировать исследовательские приемы Допша как покоящиеся в общем на старой методологической основе.

Не менее характерны и те формы, которые принимает издавна и систематически ведущийся поход против трехчленной гуманистической периодизации истории. Если О. Лоренц довольствуется в 80-х гг. только отрицанием этой периодизации, то в конце XIX в. А. Дове договаривается до утверждения, что феодальная схема «четырех монархий» ничем не хуже гуманистической схемы [3], а в 1923 г. Фогель объявил феодальную схему даже несравненно более научной чем гуманистическая на том основании, что первая якобы учитывает «национальные факторы» развития. Выдвигая свою, очевидно, самую «научную» периодизацию, Фогель в качестве ее методологической предпосылки выставляет положение, что история должна заниматься не народными массами, а «общественно-ведущими слоями» (gesellschaftlich führende Schichten), ибо «народная

[1] «English historical Review». Vol. LIII, № 210.

[2] Barger E. «The problem of roman survivals in Germany». «English historical Review», № CC. October. 1935.

[3] Dove A. «Der Streit um Mittelalter».—«Historische Zeitschriften». B. 116. 1916.

масса — лишь дополнение и подоснова для деятельности ведущих слоев... Низшие слои народа обнаруживают лишь расово-растительную волю к жизни самым непосредственным и наивным образом»[1].

Проблема периодизации вызывала и вызывает к жизни множество других работ, пессимистические выводы которых о невозможности какой бы то ни было научной общеприемлемой периодизации лишний раз свидетельствуют об идейном разброде и кризисе буржуазной исторической мысли.

Источником реакционных тенденций буржуазной историографии являются также мировой экономический кризис со всеми своими особенностями, вытекающими из кризиса капитализма как системы. Нетрудно показать, что именно здесь лежит корень нового повышенного интереса к средневековью и основа попыток возродить реакционно-романтическую концепцию средних веков. Экономический кризис породил, как известно, ряд выступлений против машинизма и современной «механистической цивилизации». Уже в 1910 г. Гульельмо Ферреро («Entre les deux mondes») восхвалял ремесленную технику, отдавая ей преимущество перед «серийным производством» в США и одновременно подвергая критике либеральные и демократические тенденции его времени. Но в 20 и 30-х гг. XX в. подобные единичные высказывания превращаются в обширное и влиятельное течение буржуазной мысли. Так, Дюбуэн превозносит средние века, «которые мудро умели удерживать орудия труда в границах социального равновесия»[2], восторгается регламентацией производства в XVII—XVIII вв., когда сурово преследовали чрезмерные нововведения в технике, и предлагает ввести систему налогов на технические усовершенствования в производстве. Г. Ламброзо-Ферреро в книге «Le rançon du machinisme» выступает с настоящей апологией ремесленной средневековой техники: «Вера общества в крупную промышленность поколеблена. Оно начинает понимать, что нерешло границы, в которых крупная промышленность была полезной... Подлинная рационализация ведет к мелкой промышленности и мелкой индивидуальной сельскохозяйственной культуре»[3]. Наконец, Н. Бердяев сделался настоящим пророком «нового средневековья», требуя возрождения «органического и мистического католицизма». «Техника, — заявляет он, — поражает не столько ум, сколько сердце. Кайзерлинг вполне прав, указывая на разрушение механической цивилизацией эмоциональной жизни... Христианство в свое время освободило человека от страха перед бесконечностью, учение о первородном грехе освободило его от зависимости от природы и поставило в зависимость от бога. Но человек захотел до конца исследовать тайны, и вот теперь природа погружает его в механическую цивилизацию и лишает его человеческих черт. Человек использует технический прогресс, чтобы регламентировать жизнь и овладеть природой, но в силу чудовищного извращения он сам становится рабом созданной им машины и дегенерирует, обращаясь в машину».

Большое число подобных высказываний, собранных Жоржем Фридманом в его книге «Кризис прогресса», свидетельствует не только об утрате буржуазным обществом веры в технический прогресс. Для нас эти высказывания интересны и в том отношении, что они позволяют понять причину того нового поворота к средневековью и идеализации средневековья, который лежит в основе современного неоромантизма. Подобно тому как критика рационалистической схемы истории, апо-

[1] Vogel «Ueber der Rhytmus in geschichtlichen Leben». «Historische Zeitschriften». 1923.
[2] Цит. у Friedmann. G. «Le crise du progrès», p. 169.
[3] Lambroso-Ferrero G. «Le rançon du machinisme». p. 184 ff. 1931.

логия христианства, культ средневековья характеризовали собой ранний, реакционный период романтизма начала XIX в., так те же черты, только в новой, может быть, еще более мистической оболочке характеризуют неоромантизм 20 и 30-х гг. XX столетия.

Любопытно, что некоторые буржуазные историки, приветствуя неоромантизм, вполне реалистически объясняют его появление. Так, Эрих Кайзер указывает, что после многих десятилетий пренебрежения средними веками последние у современного человека снова пользуются живым вниманием. «Как и сто лет тому назад, в период освободительных войн,— пишет он,— мысль о великих личностях (Herrschergestalten) немецкого средневековья заставляет сердца биться сильнее. В эпоху механизации и обезличивания человека мощь их личности снова вызывает живой интерес». Кайзер указывает, далее, на ряд конкретных явлений, свидетельствующих об этом повороте к средневековью. Католическая церковь снова подняла на щит Фому Аквинского, с помощью которого она защищается от идей современности. Юбилеи св. Франциска, св. Елизаветы, св. Хильдегарды праздновали не только католики, но и протестанты. Цеховая организация ремесла рассматривается теперь как идеальная форма производства. Хозяйственную систему современных городов стремятся теперь поставить в связь с городским хозяйством XV—XVI вв. Даже между современным искусством и явлениями средневекового искусства обнаружены теперь связи. Все эти факты Кайзер объясняет тем, что «современный человек бежит от хозяйственного и технического рационализма в мистику и миф прошлого» [1].

Неоромантизм XX в. отличается не меньшей реакционностью чем романтизм начала XIX в. Но последний при всех своих реакционных чертах все же сумел выдвинуть немало плодотворных и ценных идей в области историографии, философии и в других областях знания. Эта сторона дела подчеркнута в известном высказывании Ленина о раннем романтизме. «Науку обогащали далее, в связи с ними, (экономистами-классиками. — *О. В.*), просветители XVIII века борьбой с феодализмом и поповщиной... науку двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды, историки и философы начала XIX века, разъясняя еще дальше вопрос о классовой борьбе, развивая диалектический метод и применяя или начиная применять его к общественной жизни».

«Если Маркс сумел воспринять и развить дальше, с одной стороны, «дух XVIII века» в его борьбе с феодальной и поповской силой средневековья, а, с другой стороны, экономизм и историзм (а также диалектику) философов и историков начала XIX века, то это только доказывает глубину и силу марксизма... Что в учениях реакционеров—историков и философов — были глубокие мысли относительно законосообразности и борьбы классов в смене политических событий, это Маркс указывал всегда с ясностью, не оставляющей места недоразумениям» [2].

Современный неоромантизм, наоборот, нигде и ни в чем неспособен создавать новые идейные ценности. Его идеалы лежат не впереди, а в историческом прошлом, и источников своего вдохновения он ищет в произведениях наиболее реакционных представителей буржуазной идеологии, которые с этой целью выкапываются из пыли забвения. Георг фон Белов в своей «Немецкой историографии» бросает лозунг: «Назад к Лео!» Э. Трельч в своей работе «Историзм и его проблемы» провозглашает: «Назад к Лейбницу!» Экономисты не уступают историкам: их лозунг — «Назад к Адаму Мюллеру!» Реакционные публицисты и философы вроде Кайзерлинга и Бердяева издают клич: «Назад к средневеко-

[1] Kayser. E. «Das Wesen des späten Mittelalters». «Deutsche Vierteliahrschrift für Literatur-und Ojeistesgeschichte». Bd. IX, H. 3. S. 363 ff.

[2] Ленин. Соч., Т. XVII, стр. 275.

вой мистике и ее «великим представителям» — св. Августину и св. Терезе!» На всем протяжении буржуазного идеологического фронта только и слышен клич: «Назад!»

Эти, всюду наблюдающиеся попытки возродить обветшалые и большей частью реакционные теории, воскресить давно забытые фигуры, вернуть к жизни давно осужденные историей общественные отношения свидетельствуют не только о реакционных тенденциях современной буржуазии, но еще более — о творческом оскудении буржуазной мысли.

Из сказанного отнюдь не следует, что буржуазная идеология и, в частности, буржуазная историография не имеют никаких достижений. Разрушительная работа теоретиков истории за последние десятилетия не прекратила выхода высокоценных исторических исследований, помогающих двигать историческую науку вперед. Современный кризис буржуазной исторической мысли вовсе не означает, что все или даже большинство буржуазных историков оставили испытанные методы исторической критики, отказались от высокой техники исторического исследования, перестали устанавливать новые факты, отыскивать новые их комбинации и связи. Подобно тому как вопли об опасности машинизма, серийного производства и крупной индустрии пока еще не заставили ни одно капиталистическое государство отказаться от крупного машинного производства и не приостановили прогресса техники, так и яростная атака против реалистической историографии и ее позитивистских методологических основ далеко еще не означает полного крушения всей буржуазной историографии. Но, с другой стороны, неправы американские историки Чарльз Бирд и Альфред Вагтс, когда они на этом основании делают оптимистический вывод, что кризис историзма — это поверхностное явление, лишь неглубоко затронувшее историческую науку.

Совершенно очевидно, что история, как и всякая другая наука, не может существовать, не опираясь на философию. Многие буржуазные историки нашего времени, разочаровавшись в старых историко-философских концепциях и поняв их недостаточность, тем не менее не сумели овладеть единственной передовой и научной философией современности — диалектическим материализмом. Они оказались в беспомощном состоянии и плетутся на поводу у реакционной философии истории. В результате все чаще можно констатировать явные признаки загнивания конкретной буржуазной историографии. За последние годы все чаще появляются исторические работы, обнаруживающие крайний субъективизм их авторов, равно как и неуважение к самой элементарной основе познания—к историческому факту. Французский историк Крепен в своей вышедшей в 1937 г. работе «Свобода труда в древней Франции» прославляет средневековые цехи, которые, по словам автора, «помогали удерживать в рабочей массе здравый образ мыслей (un sain état d'esprit) и добрые нравы», которые поддерживали «равновесие и здоровье экономического и социального организма», но были, увы! уничтожены «роковой работой эгалитарной революции» 1789 г.[1]. Историк средневековой инквизиции Жан Гиро[2], извращая и произвольно толкуя самые общеизвестные факты, объясняет кровавые крестовые походы против альбигойцев «упрямством и наглостью еретиков», лживо утверждает, что папство пользовалось в борьбе с катарами только духовным мечом, дает, подобно реакционному историку XIX в. Г. Лео, настоящую апологию деятельности инквизиции. Английский историк профессор Оксфордского университета Дэвис в книге «Золотой век Испании»[3] утверждает, что испанская инквизиция была «более гуманной и милосердной чем любой суд Европы», что она была «поборницей социальной

[1] Crepin «La liberté de travail dans l'ancienne France» Vezelay. 1937.
[2] Guiraud Jean. «Histoire de l'inquisition au moyen âge». 1935.
[3] Davies R. Trevor. «The golden century of Spain», 1937.

справедливости», а ее тюрьмы и застенки являлись чуть ли не домами отдыха для арестованных («prisoners awaiting trial were supported with every care for their material comfort»). Дэвис реабилитирует неумолимого фанатика и ханжу Филиппа II, приписывая ему «человечность, заботу о благосостоянии своих подданных, страсть к социальной справедливости», оправдывает жестокости по отношению к еретикам-кальвинистам на том основании, что «кальвинизм—это III Интернационал XVI века (Calvinism was the Third International of the XVI-th century)»[1], а «кальвинистская чума» ничем не уступала «марксистской чуме»; наконец, говорит, что костры, на которых жгли еретиков и евреев, были необходимы, так как таким путем «испанский народ очищал свою кровь от еврейства».

Весьма показательно также, что реакционное течение в английской буржуазной историографии, пытающееся поднять на щит Филиппа II Испанского, делает все возможное, чтобы очернить и смешать с грязью революционного деятеля — Оливера Кромвеля. Из многочисленных примеров этого рода, приведенных в книге F. H. Hayward «Unknown Cromvel», я возьму только высказывание историка Withaker-Wilson. «Оливер Кромвель, — говорит он, — был в лучшем случае скверной скотиной... фанатизма в нем немного, главное — он был морально нечестен»[2].

Субъективизм, принцип «отнесения к современности» — и отсюда безудержная модернизация прошлого, произвольное обращение с историческими фактами, тупой национализм, враждебное отношение к массам и их движениям — эти черты все чаще и чаще встречаются в самых серьезных научных работах. Р. Груссэ, автор очень ценной трехтомной истории крестовых походов, сравнивает движение крестьян накануне первого крестового похода с Жакерией, с сентябрьскими убийствами и движением волонтеров в 1792 г. Он питает ненависть ко всякому народному движению. Резню евреев в Иерусалиме, учиненную крестоносцами в 1099 г., он оправдывает тем, что евреи в 966 г., т. е. за 130 лет перед крестовым походом, участвовали с мусульманами в разрушении одной христианской церкви. Эрколе, очень серьезный, крупный итальянский медиэвист, в работе «От коммуны к принципату», изложив известное у нас каждому студенту «пророчество» Жана де Мена («Роман о розе») о том, что понятие «твое и мое» когда-нибудь исчезнет, иронически восклицает: «Настолько ново и оригинально теоретическое содержание коммунизма! (tanto è nuovo e originale il contenuto teorico del comunismo!)»[3]. Особенно комичное впечатление производит его ликование по поводу разгрома восстания Чомпи в 1378 г.: «Нельзя думать без содрогания,— пишет он,— что произошло бы с современной цивилизацией, если бы восстание Чомпи победило во Флоренции XIV в.». Эта победа, по его мнению, остановила бы культурное развитие Возрождения.— Американский историк Томпсон в свой «Социально-экономической истории Европы в средние века» обнаруживает антипатию к Этьену Марселю на том основании, что этот вождь парижского восстания 1358 г. якобы и поныне в большом почете у коммунистов, которые ежегодно возлагают цветы на его памятник! Не приходится и говорить, что это сообщение буквально высосано из пальца. Солидный исследователь экономической истории средневековой Европы Sayous в своих в общем очень ценных работах с самым серьезным видом говорит по отношению к XIII столетию о «торговом капитализме», о «финансовом капитализме», о картелях и трестах. Подобные примеры можно приводить без конца. Их совокупность заставляет придти к выводу, что

---

[1] Davies R. Trevor. «The golden century of Spain», p. 139. 1937.
[2] Hayward F. H. «Unknown Cromwel», p. 38. 1934.
[3] Ercole «Dal Comune al Principato», p. 42. 1929.

в буржуазной историографии в настоящее время не существует почти ни одного твердого положения, что самые общепризнанные оценки исторической науки стали неустойчивыми и пришли в хаотическое движение. Произвольный, субъективный характер новых оценок настолько бросается в глаза, что начинает внушать беспокойство самим буржуазным историкам.

В этом отношении чрезвычайно показательна речь, произнесенная недавно председателем «Общества французской истории» графом де Манневиль на годичном собрании членов Общества (1937). «Истина по сю сторону Рейна считается заблуждением по ту сторону Рейна,— меланхолически замечает он.— Следует ли на этом основании говорить об относительности исторической истины?» Манневиль пытается обойти этот «мучительный вопрос», предлагая различать в истории две вещи: факты и объяснения фактов. «Что касается первых, то здесь налицо несомненная абсолютная истина. Карл Великий был или не был коронован императором в таком-то году и в таком-то месте? Наполеон победил или не победил 2 декабря 1805 г. при Аустерлице? Вот вопросы, в отношении которых можно безошибочно установить истину... Мы в состоянии таким образом строить на солидном фундаменте и по возможности сберечь свои работы от всякой будущей ревизии. Конечно, нужно остерегаться делать из фактов выводы, которые из них не вытекают с необходимостью, или поддаваться в вопросе о достоверности свидетельств влиянию чувств и страстей, которые, будучи патриотичными, тем не менее могут ввести в ошибки. Необходимо также отказаться от претензии проникнуть в тайны сердца и совести, необходимо предоставить богу право судить о мотивах и намерениях людей»[1]. В заключение Манневиль восхваляет Школу хартий, воспитанники которой мудро ограничивают свою задачу изучением источников и отказываются от общих синтетических построений.

Приведенная речь — это голос современного буржуазного «здравого» смысла в вопросе об истории. Нужно изучать факты, воздерживаться от объяснений, считать, что мотивы человеческих действий известны только богу. Все это весьма не ново, тривиально, даже убого, но чрезвычайно любопытно в двух отношениях: во-первых, как стремление конкретного историка, поскольку методология обанкротилась, обойтись без всякой методологии, с помощью обыкновенного здравого смысла; во-вторых, как попытка повернуть историческую науку назад, к временам средневековых хронистов, которые также регистрировали факты и при объяснении мотивов человеческой деятельности не могли обойтись без бога.

Советской исторической науке, как и советской экономике, неизвестны никакие кризисы. Советская историческая наука стоит на твердом фундаменте марксистско-ленинской методологии. Она опирается на прошлое для того, чтобы понять настоящее и двигаться вперед, к сияющим вершинам коммунизма. Подлинный смысл и задачи советской историографии недавно определены тов. Молотовым в следующих замечательных словах: «Мы, большевики, вышли из самой гущи народа, ценим и любим славные дела истории своего народа, как и всех других народов. Мы хорошо знаем, что настоящий прогресс, который возможен только на базе социализма, должен опираться на всю историю народов и на все их достижения в прошлых веках, должен раскрыть подлинный смысл истории жизни народов, чтобы полностью обеспечить славное будущее своего народа и, вместе с тем, светлое будущее всех народов»[2].

---

[1] «Annuaire Bulletin de la Société de l'histoire de France», p. 89. Paris. 1938.
[2] «Правда» от 7 ноября 1939 года. № 309 (7994).

РУССКО-ЭСТОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В IX—XIV вв.

Я. Зутис

Эсты и русские — издавна ближайшие соседи. Однако до сих пор в работах по истории народов и Прибалтики и Советского Союза русско-эстонские отношения освещались крайне недостаточно[1]. С точки зрения буржуазной науки история Прибалтики, как и всякой другой колониальной страны, начинается со времени ее покорения метрополией. Поэтому внимание буржуазных историков больше всего привлекал вопрос о том, следует ли считать первыми завоевателями Эстонии русских князей или немецких крестоносцев. Решение вопроса о «ливонской дани», начиная со времен Ливонской войны в XVI в., определялось сугубо практическими соображениями, ибо служило теоретическим обоснованием для притязаний на политическое господство в Прибалтике. Спор о первых завоевателях Прибалтики продолжается вплоть до наших дней и, повидимому, не прекратится до тех пор, пока вопрос о Балтике будет оставаться одним из пунктов разнообразных программ империалистического передела мира.

I. Международное положение Эстонии в IX—XII веках

Русско-эстонские отношения в средние века поражают беспристрастного исследователя своим многообразием и разносторонностью экономического, культурного, политического и военного сотрудничества. В рассказе летописца о начале Русской земли повествуется об общей политической участи, постигшей эстонские племена и ильменских славян. В IX в. все они в одинаковой степени оказались данниками варягов. «Имаху дань Варязи из заморья на Чуди и на Словенах, на Мери и на всех Кривичах»[2], или в переводе С. М. Соловьева[3]: «Брали дань варяги из-за моря на чуди, славянах новгородских, мери, веси, на кривичах». Правда, С. М. Соловьев как будто склонен понимать под чудью не эстонские племена, а родственные им племена воти, или води,— «жителей древней Вожской пятины в Новгородской области»[4], но в дальнейшем изложении он опровергает это свое первоначальное утверждение и в полном соответствии с терминологией новгородских летописей именно

---

[1] Наиболее полный обзор русско-эстонских отношений дан в следующих работах: Кейслер Ф. «Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII ст.». СПБ. 1900; Сапунов А. «Разбор исследования Кейслера» в «Отчете о 38-м присуждении наград графа Уварова», стр. 79—132. СПБ. 1898; Taube M. «Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands» в журнале «Jahrbuch für Kultur und Geschichte der Slaven», N. F. Bd. XI, H. 3—4, S. 373—502. 1935. Сжатый перечень событий с указанием литературы и источников дан С. Аннинским в его комментариях к русскому изданию 1938 г. «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского (стр. 514—517).

[2] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I, стр. 8.

[3] Соловьев С. «История России с древнейших времен». Кн. 1-я, столбец 98. СПБ. 3-е изд.

[4] Там же, примечание 3.

эстов называет чудью[1]. В позднейшей литературе уже никто не высказывает сомнений относительно тождества чуди и эстов[2], и можно считать доказанным, что рассказ русских летописей о платеже дани варягам относится также и к эстонским племенам. Данные русских летописей дополняются преданиями скандинавских саг о военных походах варягов в Эстонию и в соседние русские земли в период с VII по X век[3]. С. М. Соловьев предполагает, что господство иноземных завоевателей способствовало установлению тесной связи между чудью, весью, славянами ильменскими и кривичами, которые сначала объединились для изгнания варягов, а потом совместно призвали князей[4]. Также и, по мнению Таубе, эстонские племена активно участвовали в призвании Рюрика и его братьев в 862 году[5]. Вполне возможно, что в данном случае под эстами, или чудью, следует понимать лишь некоторые эстонские племена, жившие в районе Изборска или р. Наровы и Пейпуса.

В распоряжении исследователя имеются лишь отдельные отрывочные данные о положении эстонских племен в IX—X вв. и об их отношениях к «империи Рюриковичей». С одной стороны, есть указания, что русско-варяжские князья и дружинники иногда самостоятельно, а порой, возможно, в союзе со скандинавскими викингами пытались завладеть опорными пунктами в Прибалтике[6], чтобы обеспечить за собой господство над торговыми путями и право сбора дани с местных племен. По данным летописи [6390 (862)][7], Олег заставил новогородцев снова платить дань варягам, что продолжалось до смерти Ярослава (1054 г.). Тогда же (например в 70-х гг. X в.) варяги и русские из Новгорода и Изборска собирали дань среди эстонских племен, которые временами вынуждены были платить дань также датчанам[8]. С другой стороны, следует отметить военное сотрудничество между варягами и эстами, например участие эстов в походе Олега на Киев (882). В договоре Олега с греками 907 года упоминаются дружинники, имена которых звучат совершенно по-эстонски[9]. В 950 г. эсты участвовали в военном походе Владимира против Полоцка[10]. Но имеются также указания на вооруженные столкновения между русскими и эстами в X—XI веках. Так например в 997 г. киевский князь вынужден был организовать военный поход против эстов, которых он заставил снова платить дань. В продолжение XI—XII вв. русские князья неоднократно пытались покорить эстонские племена, которые в начале XI в., возможно, после смерти Владимира (1015) восстановили свою независимость. К этому же времени — вероятно, даже к концу X в.— прекратилась их зависимость от датчан и шведов[11].

В XI и XII вв. эстонские племена постоянно посещали с торговыми целями остров Готланд и приобрели всеобщую известность как опас-

---

[1] Соловьев С. «История России с древнейших времен». Кн. 1-я, стб. 346, 357, 378, 571, 572, 616, 619, 835, 836 и 850.

[2] Taube M. Op. cit., p. 373. В литературе по данному вопросу исключением является гипотеза Н. И. Костомарова (см. его «Севернорусские народноправства». Соч. кн. 3-я, стр. 23. СПБ. 1904 (о тождестве чуди из летописи Нестора с русскими).

[3] Hermann B. «Die Verbindungen zwischen Skandinavien und den Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit». Bd. II, S. 46, 52. Stockholm. 1938; Arne T. «Schweden in Russland in der Wikingerzeit» в сборнике «Congressus secundus archaeologorum Balticorum. Riga, 1930». Riga. 1931; Arne T. «La Suède et l'Orient». Upsala. 1914; Arne T. «Der Stora Svitjod». Stockholm. 1917.

[4] Соловьев С. «История». Т. I, стб. 101—103.

[5] Taube M. Op. cit., p. 373.

[6] Ibidem, S. 374.

[7] ПСРЛ. Т. I. стр. 10: «Се же Олег... устави Варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето... еже до смерти Ярославле даят Варягам». По мнению Taube (Op. cit., S. 375), новгородцы платили дань заморским варягам.

[8] Taube M. Op. cit., S 373: «Chronicon Lyvoniae», hrsg. von Hansen, S. 215.

[9] Kanizar, Iskusewi, Pubjinksar; Taube M. Op. cit., S. 377.

[10] ПСРЛ. Т. I, стр 10, 12.

[11] Предположение, защищаемое Л. Арбузовым в его работе «Frühgeschichte Lettlands», S. 39. Riga. 1933.

ные морские разбойники, часто грабившие побережья Скандинавии и Дании. Эсты участвовали также в военных предприятиях варягов. Во всяком случае, Саксон Грамматик, известный датский хронист XII в., считает вполне возможным, что легендарный предводитель викингов Старкадер был эстом и уроженцем острова Руно (Trunö). Около середины XII в. эсты совместно с курами завладели островом Эланд и сделали его своей опорной базой у южных берегов Скандинавии, затруднив этим торговлю датчан с островом Готланд. Вальдемар I с большими трудностями очистил в 1171 г. остров от опасных пиратов.

Скандинавия и Дания в XI и XII вв. неоднократно делали попытки возобновить утерянное господство над Эстонией[1]. Около 1100 г. датский король Эрик Эйегод принял титул герцога Эстонии. Лундские архиепископы во второй половине XII в. направляли своих миссионеров к финским и эстонским племенам. Французский монах Фулько из монастыря Мутье был посвящен папой в качестве особого епископа эстов и с 1171 по 1178 г. предпринял три поездки к язычникам[2]. Миссионерская деятельность и на этот раз оказалась лишь глубинной разведкой, за которой последовал крестовый поход, предпринятый в 1185 г. из Швеции. Инициатором крестового похода против финнов, эстов и карел был папа Александр III. Но укрепление господства крестоносцев на Финском заливе угрожало также торговым интересам Новгорода, который внимательно следил за военными действиями шведов в Финляндии и начиная со времени военного похода Эрика IX (в 1156 или 1157 г.), в союзе с местными племенами, пытался организовать вооруженное сопротивление завоевателям. Как известно, в ответ на крестовый поход 1185 г. эсты, карелы, куры и другие восточные племена и народности в 1187 г. предприняли военный поход в Швецию, разграбили и разрушили до основания богатый торговый город Сигтун[3].

Оставался ли Новгород пассивным зрителем происходившей в 80-х гг. XII в. борьбы на Балтийском море? Во внутренней истории Новгорода 80-е годы XII в. отмечены голодом и продолжительной смутой, последняя была связана с переменой князей и продолжалась вплоть до 1187 г., когда окончательно победил Ярослав Владимирович[4]. Естественно, что эти обстоятельства мало благоприятствовали активности внешней политики Новгорода, и нет никаких данных, позволяющих предполагать, что официальные военные силы Новгорода участвовали в походе 1187 г. против шведов. Но не исключена возможность, что новгородские повольники действовали на свой риск, участвуя в разорении Сигтуна[5], хотя предание о вывезенных оттуда в Новгород церковных вратах оказалось вымыслом. Отношения между Новгородом и шведами в 1187 и 1188 гг. были враждебными. По рассказу летописи, варяги убили новгородцев на Готланде, и поэтому весною следующего года новгородские купцы воздерживались от торговых путешествий по Балтийскому морю: «а на весну не пустиша из Новагорода своих ни одного муж за море»[6]. Та-

---

[1] Taube M. Op. cit., p. 379. Oldekop H. «Die Anfänge der katholischen Kirche bei den Ostfinnen». S. 34 ff. Reval. 1912.

[2] Арбузов Л. в цитированном сочинении (стр. 7) считает более вероятным, что в данном случае миссионерская деятельность ограничивалась финскими племенами.

[3] Беляев И. «История Новгорода Великого», стр. 241, 250. М. 1866.

[4] Беляев И. «История Новгорода Великого», стр. 258; Соловьев С. «История». Т. I, стб. 573—574. По мнению В. Ключевского («Курс русской истории». Т. II, стр. 109. 1916), «борьба княжеских партий, наполнявшая смутами историю Новгорода до XIV века, была собственно борьбой новгородских торговых домов, соперничавших друг с другом».

[5] Прежние шведские историки, например Далин О. «История шведского государства». Ч. 2-я. Кн. I, стр. 185, говорят об участии русских. Далин ссылается на Wallin G. «Sigtuna Stans et Cadens aetate». Новгородская летопись под 1186 г. упоминает поход повольников под руководством Вышатры Васильевича в южную Финляндию (ПСРЛ. Т. III, стр. 19; Т. IV, стр. 17).

[6] ПСРЛ. Т. III, стр. 20.

ким образом, есть основание предположить, что в 1187—1188 гг. эсты, карелы и другие племена действовали в контакте с Новгородом.

II. Русско-эстонские войны XI—XII веков

Более подробные сведения имеются в летописях о военных действиях, происходивших в XI—XII вв. между эстами с одной стороны Новгородом и Псковом — с другой. Главным объектом вооруженной борьбы был г. Юрьев, основанный или вновь укрепленный в 1030 г. русским князем Ярославом[1] на месте раньше существовавшего эстонского укрепления — города бога Тара[2]. В 1054 (1057?) — 1061 гг. новгородский князь Изяслав Ярославич пытался распространить власть Новгорода на другие эстонские племена и взял замок Кеденпэ (Кедипив). Племя «сосол» (сакала?) обещало платить ему дань по 2 тыс. гривен ежегодно. Но дальнейшие военные действия оказались неблагоприятными для Новгорода. В 1060—1061 гг. эсты взяли Юрьев и опустошили окрестности Пскова. Хотя эстов было убито бесчисленное множество, но и потери новгородцев и псковичей оказались очень тяжелыми[3]. Военные походы Новгорода и Пскова против эстов возобновились лишь 50 лет спустя. Князь Мстислав Владимирович, выполняя постановление Новгородского веча, в 1111, 1113 и 1116 гг. ходил воевать в Эстонию[4]. Во время последнего похода он завладел эстонской крепостью Оденпе (Медвежья голова), но Юрьев оставался в руках эстов до 1134 года. Новый князь, Всеволод Мстиславич, в 1130 и 1131 гг. воевал в Эстонии, но во время последнего похода чудь устроила ему «пакость великую», т. е. «много добрых мужей избиша новгородцев»[5]. Зато в 1134 г. (1133?) Всеволод Мстиславич вернул город Юрьев, потерянный русскими за 73 года до этого[6]. Однако новгородцы не надолго удержали Юрьев. Продолжительный период ожесточенной борьбы княжеских партий в Новгороде дал возможность эстонским племенам восстановить свою политическую независимость.

В 60 и 70-х гг. XII в. Новгород и Псков были вынуждены придерживаться оборонительной политики по отношению к эстам. Эстонские племена несколько раз (например в 1177 г.) опустошали окрестности Пскова и другие новгородские владения[7]. В 1179 г. князь Мстислав Ростиславич, собрав 20-тысячное войско, завоевал Эстонию вплоть до моря, но его целью было лишь отомстить эстам за обиды, нанесенные Новгороду и Пскову. Повидимому, подобный же характер имели военные походы князя Ярослава Владимировича в 1190—1192 годах[8]. Он ограничился опустошением юговосточной Эстонии и сжег Юрьев и Оденпе. По словам И. Беляева, «об удержании же взятых городов за собою ни новгородцы, ни псковичи не думали, им в то время было вовсе не до завоеваний в этой стороне, они могли только отбиваться и наказывать нападающих, и притом наказание большей частью было позднее и более или менее случайное, когда выйдет удобное время»[9].

---

[1] См. Лаврентьевскую и Псковскую летописи под 6538 годом.

[2] Кейслер Ф. «Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII ст.», стр. 56. Примечание 122.

[3] Соловьев С. «История». Т. I, стб. 312; Псковская летопись под 6568 годом.

[4] Новгородская I и Псковская I и II летописи под 6621 и 6624 годами. Соловьев С. «История». Т. I, стб. 357; Беляев И. «История Новгорода», стр. 219.

[5] Соловьев С. «История». Т. I, стб. 365; Новгородская I, II, IV и Лаврентьевская летописи под 6638 и 6639 годами.

[6] Кейслер Ф. (цит. соч., стр. 56) считает, что Юрьев был взят 9 февраля 1134 г.; см. также Новгородскую I и IV летописи под 6641 г.; Соловьев С. «История». Т. I, стб. 378.

[7] Беляев И. «История Новгорода», стр. 70; его же «История города Пскова», стр. 193; см. Новгородскую I летопись под 6684 г.; соответственно этому Соловьев С. («История». Т. I, стб. 571—572) датирует события 1176 годом.

[8] Новгородская I и IV летописи под 6698 и 6699 годами.

[9] Беляев И. «История Новгорода», стр. 271.

М. Таубе, работа которого уже многократно упоминалась, изучая международные отношения в Прибалтике, выступил с оригинальной концепцией: занимаясь главным образом генеалогическими исследованиями, он устанавливает родство русских князей со скандинавскими и датскими феодалами, а также пытается установить генеалогическую связь некоторых прибалтийских дворянских фамилий с Рюриковичами. Мстислав Владимирович, руководитель военных походов новгородцев против эстов в 1111 — 1113 гг., в первом браке был женат на Христине Шведской. Поэтому князья Всеволод Мстиславич (походы против эстов в 1130—1133 гг.) и Ярослав Владимирович (экспедиции против эстов в 1191—1192 гг.) как потомки Мстислава Владимировича находились в той или иной степени родства с датскими королями. Из них Вальдемар I (1131—1182), женатый на русской княгине Софии, в 70-х гг. XII в. посылал в Эстонию миссионеров и военные экспедиции; Кнут VI (1163—1202) известен своими военными походами против эстов в 1194—1197 гг., а его брат Вальдемар II (1170—1241) воевал с эстами в 1194, 1206, 1219 годах[1]. На основании перечисленных фактов Таубе пытается доказать, что начиная с образования «империи Рюриковичей» в IX в. и особенно с конца X в. и до начала XIII в. существовала тесная связь и согласованность между военно-политическими мероприятиями русских князей, датских королей и скандинавских варягов, которые совместно стремились к завоеванию Прибалтики[2]. Поэтому эсты в продолжение XI — XII вв. как бы находились под двойным ударом — с запада и востока. Династические связи подкреплялись политическими и экономическими мотивами — необходимостью ликвидировать опасных эстонских пиратов на Балтийском море и обеспечить безопасность торговых путей, проходивших через территорию Латвии и Эстонии.

Концепция немецко-русского барона М. Таубе объясняется, несомненно, его политическими симпатиями, которые нас в данном случае не интересуют. Но приводимые им факты красноречиво говорят о политических связях русских князей со Скандинавией и Северовосточной Германией в XI—XII вв. и в этом смысле заслуживают внимания. В средние века политические соглашения обычно скреплялись брачными союзами между феодалами или представителями царствующих династий. Родственные связи русских князей с династией датских королей в XI—XII вв., несомненно, могли иметь некоторое влияние на политические отношения в Прибалтике. Но Таубе преувеличивает значение родственных связей, выдвигая их на первый план при объяснении причин и характера военных походов Новгорода и Пскова против эстов. В аристократических торговых республиках, какими были Псков и Новгород, власть князя была незначительной и оказывала лишь слабое влияние на внешнюю политику. В этом нетрудно убедиться, если принять во внимание всем известные события как в истории Новгорода, так и Пскова.

Военные походы Мстислава Владимировича в 1111—1116 гг. являются наиболее выдающимися событиями в истории борьбы за Эстонию в XII веке. Между тем они были предприняты по постановлению Новгородского веча, а Мстислав Владимирович согласился руководить военным походом новгородцев ввиде особой благодарности за услуги, оказанные ему горожанами в борьбе за Суздальскую землю. Учитывая подобные факты, следует сделать вывод, что торговые интересы новгородских бояр и купцов были главной причиной военных походов против эстов. Повидимому, военные походы в 1130 — 1134 гг. были предприняты также по постановлению веча, так как начиная с 1132 г. новгородский князь Всеволод Мстиславич все свое личное влияние использовал на то, чтобы склонить Новгород к войне против суздальского князя Юрия Дол-

---

[1] Taube M. Op. cit, p. 381, табл. I.
[2] Ibidem, p. 375 и 379.

горукого. Следовательно, война Новгорода с эстами являлась помехой к осуществлению личных планов князя Всеволода. Из-за суздальских дел он окончательно поссорился с Новгородом в 1136 г. и, по постановлению веча, был арестован и отдан под суд, окончившийся изгнанием его[1]. После изгнания из Новгорода князь Всеволод нашел поддержку в Пскове, где надеялись снова использовать его в войне против эстов. Как видно, и в данном случае инициатива исходила от заинтересованных торговых кругов Новгорода и Пскова, а родственные связи князей и личные их интересы могли иметь лишь второстепенное значение.

Также следует отметить, что мы ничего не знаем о военных походах датчан против эстов в первой половине XII в. и поэтому не имеем оснований говорить о согласованности или совпадении русской и датской политики в Прибалтике. Напротив, в летописи под 1134 г. упоминается об избиении русских купцов в Дании[2]. Только в 70 и 90-х гг. XII в. наблюдается некоторое хронологическое совпадение военных походов из Новгорода и Пскова (1178, 1191 и 1192 гг.) с перечисленными выше миссионерскими и военными поездками датчан в Эстонию. Однако Новгород и Псков, как уже было отмечено, тогда ограничивались мероприятиями оборонительного характера. Активность же датчан обусловливалась соперничеством их с северогерманскими городами, начавшими обосновываться на нижнем течении Западной Двины и угрожавшими торговому преобладанию Дании и Готланда на Балтийском море. Конечно, покорив Эстонию, датчане заняли бы господствующее положение и в торговле с Новгородом и другими русскими землями. В этом отношении соперничество с ними немецких купцов было наруку новгородцам и псковичам. Повидимому, этим и объясняется сравнительно малая активность военных действий Новгорода и Пскова в Прибалтике.

III. Характер политического господства русских в Эстонии

С 90-х гг. XII в. до 1210 г. все племена, населявшие территорию Эстонии, временно освободились от платежа дани Пскову и Новгороду. «Из источников можно только вывести, что к началу XIII в. ни Дерпт, ни Оденпе не были подвластны русским»[3]. Можно сказать, что и с IX по XII в. не было случаев, когда бы одновременно все эсты считались подвластными варягам или русским князьям. Сбор дани всегда вызывал сопротивление воинственных эстонских племен и поэтому носил спорадический характер, как и вооруженные поездки варягов, предпринимавшиеся в целях сбора дани с зависимых племен[4]. Ни Новгород, ни Псков не имели в Эстонии сильно укрепленных опорных пунктов, и обычно их военные силы удалялись после изъявления покорности со стороны местных племенных старейшин и знати. Единственным исключением был город Юрьев, где содержался русский гарнизон, конечно, в тех случаях, когда город находился под властью Новгорода или Пскова. Обычно же Изборск оставался самым отдаленным форпостом Пскова на его западной границе. Со стороны р. Наровы, на севере Псковской земли, пограничной крепостью служил пригород Гдов[5].

---

[1] Беляев И. «История Новгорода», стр. 226; о классовой сущности событий 1136 г. в Новгороде см. статью Б. Грекова «Древняя Русь» в Энциклопедическом словаре Гранат. Т. 36—III, стр. 373—375. 7-е изд.

[2] Новгородская I летопись, стр. 12; Беляев И. «История Новгорода», стр. 231.

[3] Кейслер Ф. Цит. соч., стр. 57; А. Сапунов в «Отчете о 38-м присуждении наград графа Уварова» без достаточного основания пытался оспаривать данные выводы Кейслера. С. Аннинский в своих комментариях к русскому переводу «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского (стр. 514) напрасно упрекает Кейслера в противоречиях: дань, платимая Пскову в 1216 г. унгаунийцами была установлена, или, правильнее, восстановлена, в 1210 г., после взятия Мстиславом Мстиславичем крепости Оденпе, но нет никаких данных о платеже дани между 1192 и 1210 годами.

[4] Taube M. Op. cit., p. 390.

[5] Беляев И. «История города Пскова», стр. 13.

Псков был связан в торговом отношении с Западной Европой через Новгород, но к началу XIII в. имел также выход к Финскому заливу в районе р. Наровы, на которой псковичи впоследствии имели много рыболовных слобод[1]. Другой торговый путь из Пскова проходил вдоль юговосточных границ Эстонии, направляясь через землю подвластных Пскову латышей (Талава) к реке Гауя (лифляндская Аа) или к Западной Двине. Вполне естественным было стремление Пскова и Новгорода обеспечить себе более прямой водный и сухопутный путь через Юрьев, овладение которым в продолжение XI—XII вв. было главной целью организуемых ими военных походов против эстов. Заморская торговля всегда занимала видное место в хозяйственной жизни Новгорода и Пскова; поэтому они использовали свое политическое и военное влияние или господство в Эстонии в первую очередь для того, чтобы обеспечить себе наиболее благоприятные условия в торговых сношениях с Готландом, Данией и Любеком.

Автор «Хроники Ливонии» с удивлением отмечает своеобразные черты русской политики в Прибалтике. По его словам, русские князья отнюдь не стремились к тому, чтобы насильственным крещением закрепить свое господство над местными племенами, окончательно уничтожая их политическую самостоятельность, а требовали от них лишь «покорности в смысле уплаты податей и денег»[2]. Повидимому, в Прибалтике в начале XIII в. уплата дани была не особенно тяжелой формой зависимости от победителя; в некоторых случаях дело ограничивалось изъявлением покорности и уплатой своего рода символической дани. Нечто подобное наблюдалось в отношениях Пскова к латышам Талавы и в отношениях Полоцка к ливам. Князья Пскова и Полоцка не вмешивались во внутреннюю жизнь зависимых от них племен Ливонии; они даже не сочли нарушенными свои права, когда ливы и латыши были крещены и стали подданными других завоевателей, лишь бы им по-старому продолжали уплачивать дань и гарантировали свободу торговых сношений. Только позднее, начиная с Ливонской войны, право на дань стали толковать в публично-правовом смысле, т. е. как признак политического господства над территорией и ее населением[3].

Как уже в XIII в. отметил Генрих Латвийский, основным признаком власти русских князей в Прибалтике следует считать право сбора дани, поэтому при исследовании вопроса о характере господства Пскова и Новгорода над отдельными районами Эстонии необходимо выяснить размеры уплачиваемой дани и способ (организацию) ее сбора. В древней Руси варяги и русские князья во время объездов покоренных племен собирали дань, которая называлась «полюдье». Но полюдьем назывался и самый способ сбора дани[4]. Место же остановки князя или сборщиков дани называлось «погостом»[5]; впоследствии этим словом обозначалась совокупность крестьянских дворов, составлявших податную единицу и обязанных по раскладке между собой уплачивать дань, содержать и снабжать всем необходимым князя или сборщиков дани во время их пребывания в погосте, а также предоставлять им необходимое количество подвод. В летописи погост упоминается под 947 г., когда княгиня Ольга «устави по Мьсте погости и дани»[6]. Погосты были распространены и во владениях Пскова и Новгорода, а также в землях Смолен-

---

[1] Беляев И. «История города Пскова», стр. 188.

[2] Генрих Латвийский «Хроника Ливонии». XVI, 2.

[3] Хотя Иван IV попрежнему продолжал называть Ливонию и Литву своими «вотчинами», но в первую очередь он этим подчеркивал свои наследственные права на их территории.

[4] Срезневский Н. «Материалы для словаря древнерусского языка». Т. II. стр. 1153. СПБ. 1902.

[5] Там же, стр. 1017.

[6] Там же; ПСРЛ, летопись Нестора под 947 годом.

ского и Суздальского княжеств. Возникновение погоста М. Владимирский-Буданов[1] относит ко времени, предшествовавшему принятию христианства, хотя потом понятие о погосте и церковном приходе слилось. В русской историко-правовой литературе горячо оспаривались изложенные взгляды о происхождении и значении погоста в землях, заселенных русскими, но в данном случае нас интересует организация сбора дани с зависимого нерусского населения. Финский ученый А. Корхонен[2] и латвийский историк права А. Швабе[3] привели ряд доводов в пользу тезиса, будто скандинавские и русские завоеватели в Прибалтике для сбора дани ввели систему погостов, организация которых была распространена на Карелию, Ингерманландию и восточную часть Латвии. Латышское слово «pagasts», в дошедших до нас документах впервые упоминаемое в 1295 г. («Рижская долговая книга»), явно происходит от русского «погост». В эстонском языке ему соответствует одно из многочисленных значений слова «vakk» (финское — «vakka»). В документах начиная с XIV в. и в словарях XVIII в. русское и латышское слово «погост» («pagasts») полностью отождествляется с эстонским и финским словом «вака»[4]. Совпадение смысла двух терминов «погост» и «вака», по мнению А. Корхонена, доказывает, что они возникли в одинаковых исторических условиях, т. е. при организации сбора дани в пользу русских или скандинавских завоевателей. Впрочем, сам А. Корхонен вынужден признать, что в Карелии и Ингрии погост появился под русским влиянием[5]; следовательно, нет основания отрицать русское влияние и в той части Эстонии, население которой в различные периоды находилось в политической зависимости от русских князей и платило дань Пскову и Новгороду. Известно, что еще в XII в. новгородские князья ежегодно весной и осенью ездили на полюдье[6]. Судя по известным отношениям Пскова к латышам Талавы (начало XII в.), сбор дани с зависимых племен Прибалтики происходил при помощи вооруженного отряда даньщиков.

Из-за отсутствия источников нет возможности определить различные статьи и повинности, входившие в состав дани, уплачиваемой натурой. Повидимому, одной из главных статей дани были меха. На основании разрозненных данных, встречающихся в летописях, можно лишь догадываться, что дань, уплачиваемая деньгами или серебром, была распространенным явлением. Так например в середине XI в. одно из эстонских племен обязывалось ежегодно платить по 2 тыс. гривен. Завоеватели в XIII в. находили у эстов большие запасы серебра. Очевидно, запасы серебра в Эстонии накапливались не только в результате морских набегов, но имели своим источником также торговлю. В связи с этим приобретает особое значение вопрос о русско-эстонской торговле до немецкого завоевания.

IV. Русско-эстонские торговые отношения

И. Беляев относит к псковским владениям опорные пункты «в землях летголы и чуди, по всему вероятию незначительные и поддерживае-

[1] Владимирский-Буданов М. «Обзор истории русского права», стр. 79.

[2] Korhonen A. «Vakklaitos». Helsinki. 1923.

[3] Schwabe «Pagasta vesture». Riga. 1926.

[4] «Liv-Esth-und Curlandisches Urcundenbuch». Bd. II, S. 806: «in proxima pagasta, quode proprie vacke dicitur». Lange J. «Vollständiges deutsch-lettisches Lexikon». Bd. I. S. 222. Mitau. 1777: «Pagasts — eine Wakke gewisser an einander wohnenden Bauerschaften»; Stender G. («Lettisches Lexikon». Bd. I—II. Mitau. 1789) указывает другое значение погоста-вака: «Pagasts-Wacke, was die Bauern ihrem Herren als eine Gerechtigkeit geben müssen» (Bd. I, S. 184); ср. Schwabe. Op. cit., S. 39; Korhonen объясняет происхождение прихода эстонского «kihelkund», также влиянием скандинавских завоевателей, которые с каждой территориальной единицы — kihelkund — брали заложников с целью обеспечить исправность платежа дани.

[5] Korhonen A. Op. cit., p. 216.

[6] Рожков Н. «Русская история». Т. II, стр. 324.

мые собственно для того, чтобы иметь влияние на соседей, вести с ними торговлю и при случае собирать с них дань»[1].

На основании анализа географических названий некоторые исследователи пытаются установить ряд варяго-русских поселений на южном побережье Финского залива, например Кабернеме (от имени Габриель) и Ягеваль-Якевалде, предполагаемое место ссылки известного по летописям новгородского посадника Якуна в 1139 году[2]. Имеются также попытки отождествить Линданис (Ревель—Таллин) или Колывань с городом Леденец из русской былины о Соловье Будимировиче. Подобные гипотезы подкрепляются археологическими данными, нахождением кладов монет X в. в окрестностях Кегель[3]. По мнению К. Штрассера, восточное побережье Балтийского моря было усеяно множеством небольших торговых поселений и укрепленных замков, бывших опорными пунктами шведских викингов и местом их зимних стоянок[4]. В Новгороде существовало наряду с другими чудинцевское купеческое товарищество, упоминаемое в «Рижской долговой книге» 1295 года[5].

Ошибочно было бы думать, что только русские купцы посещали Эстонию. По всей вероятности, еще в большем количестве посещали эсты Псков и Новгород. В последнем имелась Чудинцева улица и Чудинцовские ворота[6], расположенные по соседству с Прусской улицей[7], а возникновение Неревского конца Новгорода связывают с поселенцами из района р. Наровы. В новгородских и псковских источниках Чудинов или Чудов — постоянно встречающееся имя, притом среди самых различных классов общества. Многие из высших административных и военных должностных лиц в Новгороде и других городах носили это имя. Так например под 1072 г. известен Чудин в Вышгороде при князе Изяславе[8].

И. Беляев, один из первых исследователей истории Новгорода и Пскова, отмечая пестроту этнического состава новгородского общества, после славянских считает финские, точнее, эстонские, элементы преобладающими. К ним примешивались скандинавские и литовские переселенцы. Новгород, один из самых крупных торговых городов средневековой Европы, к XII—XIII вв. приобрел международное значение и стал экономическим и культурным центром, притягивающим к себе различные племена и народности Северо-восточной Европы. «В Новгороде был один общий порядок для всех пришельцев, по которому каждый пришелец, откуда бы он ни происходил, без всякого препятствия принимался в члены новгородского общества и получал одинаковые права со всеми другими членами общества, под одним только условием, чтобы пришелец подчинился новгородским порядкам, и это одно условие сглаживало все разноплеменности в новгородском обществе и было одной из главных причин могущества господина Великого Новгорода, тянувшего к Новгороду людей со всех сторон, и богатых и бедных, и знатных и безвестных»[9]. Академик Б. Д. Греков также указывает на пестрый этнический состав древнерусских торговых городов: «Внешняя торговля, если она проходила через эти города, клала на них свой отпечаток. В Киеве, Новгороде, Пскове, Ростове мы рано можем наблюдать купцов разных национальностей»[10].

---

1 Беляев И. «История города Пскова», стр. 3.
2 Taube M. Op. cit., p. 386—387.
3 «Beiträge zur Kunde Estlands». T. XVIII. S. 13. 1932.
4 Strasser K. «Wikinger und Normannen», S. 198. Hamburg. 1933.
5 Рожков Н. Цит. соч. Т. II, стр. 294.
6 Соловьев С. «История». Т. I, стб. 1021; Т. II, стб. 999.
7 Беляев И. «История Новгорода», стр. 44.
8 Соловьев С. «История». Т. I, стб. 314.
9 Беляев И. «История Новгорода», стр. 43—44.
10 Греков Б. Указ. статья, стр. 353.

К началу XIII в. коренным образом изменилось направление торговых путей в Европе. После взятия крестоносцами Константинополя в 1204 г. восточные товары направлялись по Средиземному морю в Италию и Южную Францию. Ярмарки Шампани и города Италии и Фландрии стали торговыми центрами, в которых товары из Азии обменивались на изделия европейских ремесленников. Они же стали снабжать промышленными изделиями Скандинавию и другие страны, расположенные в бассейне Балтийского моря. Торговля на Балтийском море с каждым годом все больше ориентировалась на Западную Европу, а прежние экономические связи со странами Азии ослабевали или вовсе прекращались. Великий водный путь из варягов в греки после взятия Константинополя в 1204 г. «на юге уперся в коммерческий тупик»[1]. Однако Новгород нисколько не пострадал от изменения торговых путей. Наоборот, в экономическом и политическом отношениях именно Новгород после Киева унаследовал «старейшинство во всей Русской земле».

Коренным образом изменилась также международная обстановка на Балтийском море, что в свою очередь оказывало влияние на русско-эстонские отношения в XIII веке. Город Висби на Готланде стал крупнейшим торговым центром на Балтийском море. Однако ключи от выхода из Балтийского моря на запад находились в руках Дании, вследствие чего датчане могли рассчитывать на первое место в торговле с прибалтийскими странами. Но Дания оставалась чисто земледельческой страной, которая свои собственные потребности в промышленных изделиях могла удовлетворять лишь ввозом из Западной Европы. В Германии же благодаря росту городов и расцвету ремесла были созданы все экономические предпосылки к ее торговому и политическому преобладанию на Балтийском море. Ко второй половине XII в. обострилось датско-немецкое соперничество. На Готланде с 1163 г. существовало объединение немецких купцов, совершенно независимое от датчан. В 1184 г. в Новгороде появился особый немецкий двор св. Петра; он начал конкурировать с существовавшей до этого факторией готландских купцов, патроном которых считался св. Олаф.

V. Русско-эстонский военный союз 1215—1224 годов

Немецкие купцы, действуя в обход Дании и Готланда, добивались установления прямых торговых сношений не только с Новгородом, но и с другими русскими землями. В том же 1184—1185 г., когда немецкие купцы основали в Новгороде свой двор, появилась немецкая церковь и строились каменные замки на нижнем течении Западной Двины, а несколько лет спустя, в июле 1198 г., там же высадились первые отряды немецких крестоносцев. Немецкое господство в Ливонии было установлено епископом Альбертом (1199—1229), в 1201 г. основавшим город Ригу. Умный политик и искусный дипломат, Альберт в первое время старался поддерживать мирные отношения с русскими князьями и по возможности избегал вооруженных столкновений с воинственными эстонскими племенами. Но после подчинения ливов и латышских племен, живших вдоль Западной Двины и по реке лифляндской Аа, Альберт решился начать борьбу с эстами, продолжавшуюся с 1208 по 1224 год. В первые же годы войны с эстами Альберт убедился, что крестоносцам и рыцарям ордена меченосцев предстоит долгая и упорная борьба. Поэтому необходимо было либо получить помощь от русских князей, либо обеспечить их нейтралитет. В первую очередь пришлось договариваться с полоцким князем, интересы которого были задеты тем, что ливы перестали платить дань, а также взятием Кокенгузена и разорением Герсики—замков, в которых сидели зависимые от Полоцка русские князья. В то же время полочане имели все основания опасаться, что немецкие рыцари и Рига за-

[1] Греков Б. Указ. статья, стр. 333.

кроют для них выход к морю по Западной Двине. Но Альберт сумел в 1210 г. заключить «вечный мир» с Полоцком, обещая платить попрежнему дань за ливов и не стеснять торговлю Полоцка. На обещания Альберт не скупился, так как договор 1210 г. с Полоцком был ему необходим, чтобы направить против эстов все свои главные силы. Генрих Латвийский, официозный историограф Альберта, не скрывает этого: «И рады были все, что теперь безопаснее могут воевать с эстами и другими языческими племенами. Так и оказалось» [1].

Покорение Эстонии угрожало вооруженным столкновением с Новгородом и Псковом. В 1210 г. Псков и Новгород воспользовались тем, что силы эстов были подорваны в войнах с немцами, и, овладев Оденпе, восстановили свою прежнюю власть над Угаунией [2]. После ухода русских войск рыцари ворвались в Оденпе и подожгли замок [3]. Альберт не только сумел ликвидировать конфликт, но в том же году договорился с Псковом о совместных военных действиях против эстов, которые и начались под рождество 1210 года. Генрих Латвийский говорит, что «явился очень большой отряд русских на помощь нашим» [4] (т. е. крестоносцам). Повидимому, военный союз епископа Альберта со Псковом продолжался до февраля 1212 г., когда псковичи за союз с немцами прогнали временно своего князя Владимира Мстиславича, который «отдал дочь свою замуж за брата епископа рижского» [5]. Новгород, повидимому, придерживался иной политики. Новгородский князь Мстислав с 15 тыс. войск зимой (в феврале) 1212 г. вторгся в Эстонию, чтобы русской оккупацией страны приостановить дальнейшее продвижение крестоносцев [6].

В Новгородской летописи указывается, что в походе Мстислава участвовал также псковский князь Всеволод Борисович [7]. Однако эсты нашли возможным ответить контрнабегом и под руководством старейшины Лембита разорили город Псков [8]. Кроме того эстам удалось заключить мир с ливами и латышами, к которому потом присоединились рыцари и епископ. Военные действия возобновились в 1214 г., но обстановка изменилась не в пользу Альберта. В Новгороде, Пскове и Полоцке убедились, что русско-эстонская война оказалась лишь наруку крестоносцам и рыцарям, которые в 1215 г. окончательно завладели Угаунией и подходили к границам Псковской земли.

К 1215 г. намечается русско-эстонский военный союз, угрожавший ликвидировать все военные достижения крестоносцев и разрушить планы епископа Альберта. По рассказу Генриха Латвийского, в 1215 г. «эсты послали к королю полоцкому Владимиру просить, чтобы он с многим войском пришел осаждать Ригу, а сами обещали в это же время теснить войной ливов и леттов, а также запереть гавань в Дюнамюнде. И понравился королю замысел вероломных, так он всегда стремился разорить ливонскую церковь, и послал он в Руссию и Литву и созвал большое войско из русских и литовцев» [9]. Эсты никогда не платили дани Полоцку, поэтому юридически обе договаривающиеся стороны были равноправными участниками военного союза, направленного против Риги.

---

[1] Генрих Латвийский «Хроника Ливонии». XIV, 9. Сговорчивость полоцкого князя объясняется тем, что он был занят борьбою с литовцами. См. Грацианский Н. «Немецкая агрессия в Прибалтике». «Историк-марксист» № 6 (70) за 1938 г., стр. 91.

[2] «Хроника Ливонии». XIV, 2.

[3] Там же, XIV, 6.

[4] Там же, XIV, 10.

[5] «Хроника Ливонии». XV, 13; ПСРЛ. Т. III, стр. 32.

[6] «Хроника Ливонии». XV, 8; ПСРЛ. Т. I, стр. 211.

[7] ПСРЛ. Т. IV, стр. 184.

[8] «Хроника Ливонии». XV, 10; в ПСРЛ, Т. III, стр. 32. говорится о нападении на Псков «Литвы безбожной».

[9] «Хроника Ливонии». XIX, 10.

Неясной остается правовая сторона договора эстов со Псковом и Новгородом. Возможно, что отдельные эстонские племена за военную помощь против крестоносцев вынуждены были согласиться на возобновление той дани, которую они некогда платили Пскову и Новгороду. Но к общему союзу присоединились и даже заняли в нем одно из первых мест эсты с Эзеля и других островов, которые никогда не находились в политической зависимости от русских князей. К этому следует добавить, что Новгород и Псков, находясь в довольно стеснительных политических обстоятельствах, не могли выделить для военных действий в Прибалтике особенно крупные силы и в значительной степени сами зависели от военных сил союзников, поэтому с их стороны едва ли ставились особо тяжелые требования к эстонским племенам.

Скоропостижная смерть полоцкого князя Владимира расстроила военный поход полочан против Риги, а первые вооруженные столкновения псковичей с рыцарями относятся к 1216 году[1]. В начале 1217 г. военные действия возобновились по инициативе рыцарей, которые совместно с угаунийцами, окончательно перешедшими на сторону епископа Альберта, вторглись в Новгородскую землю и произвели значительные опустошения. Со своей стороны, Новгород и Псков собрали свои военные силы «и послали звать по всей Эстонии, чтобы шли эсты осаждать тевтонов и унгаунийцев в Оденпе»[2]. Наряду с остальными племенами явились также эсты с острова Эзель, и общее количество союзных войск под стенами Оденпе будто достигало 20 тыс. человек.

Крепость была взята, и Альберт оказался вынужденным просить мира у Новгорода и эстов. Однако новгородцы «пренебрегли и просьбами епископа и миром с тевтонами, а сговаривались с эстами, обдумывая способы, как бы раздавить тевтонов и уничтожить ливонскую церковь»[3]. Союзники наметили совместный военный поход на Ригу летом того же, 1217 года. Новгородский князь Мстислав Романович оказался занятым военным походом в Галицию, но его преемник, Святослав, «отправив послов в Эстонию, обещал притти с большим войском вместе с королем Владимиром (псковским князем.— *Я. З.*) и множеством других королей. И обрадовались эсты и послали людей по всей Эстонии и собрали весьма большое и сильное войско и стали у Палы в Саккале»[4]. Рыцари, получив подкрепление со стороны крестоносцев, сумели опередить соединение военных сил эстов с русскими и разбили войска, стоявшие у Палы. Но Альберт понимал, что победа над эстами еще не предрешает благополучного исхода войны, что она лишь временная отсрочка перед неизбежным решительным столкновением с главными силами русских и эстов.

«Великая война русских и эстов против ливонцев»[5] заставила епископа Альберта напрячь все свои дипломатические способности, чтобы укрепить международное положение молодой немецкой колонии в Ливонии и получить дополнительно в помощь ей крупные военные подкрепления из Западной Европы. Отряды крестоносцев, ежегодно весною прибывавшие из Германии, и рыцари ордена меченосцев не в состоянии были выдержать совместного натиска русско-эстонских военных сил. Папство и императорская власть в одинаковой мере оказались бессильны помочь Альберту, которому поэтому пришлось искать спасение у Дании. Датский король Вальдемар потребовал компенсацию, размеры которой неизвестны, но в 1221 г. он настаивал на том, «что не только Эстония, но и Ливония должна быть передана под власть короля дат-

---

[1] «Хроника Ливонии». XX, 5.
[2] Там же, XX, 7.
[3] Там же, XXI, 1.
[4] Там же, XXI, 2.
[5] Там же, XXII, 1.

ского»[1]. Очевидно, заключая соглашение с датчанами в 1218 г., Альберт надавал обещания, которые потом не смог и не хотел выполнить. Но в 1218 г. рижский епископ достиг своей цели и добился того, что датчане, самые опасные соперники немцев на Балтийском море, выступили на защиту Риги и ордена меченосцев.

В продолжение 1218 г. обе стороны готовились к решительной схватке. Русские и эзельцы отправили гонцов в Эстонию, чтобы предупредить эстов о подготовке совместного выступления против Риги[2]. Русские войска в количестве 16 тыс. опустошали подвластные немцам области вплоть до Вендена, но воздерживались от продолжительной осады укрепленных замков[3]. Возможно, что нападение литовцев на Псков в 1218 г.[4] помешало осуществить задуманное русско-эстонское наступление на Ригу. Промедление оказалось гибельным для союзников. В 1219 г. в Эстонии высадились крупные военные силы датского короля Вальдемара и зависимых от него немецких и славянских князей. Ревель, основанный в 1219 г. на месте разрушенного эстонского укрепления Линданиса, стал опорной базой датских войск на севере Эстонии. Эсты и русские были вынуждены в дальнейшем вести борьбу на два фронта: против Риги и Ревеля — и всегда находились под угрозой нападения с тыла. Правда, делались попытки привлечь литовцев на сторону русско-эстонского союза. Совместные с литовцами военные действия под Венденом и в Угаунии отмечаются в 1221 году[5].

Инициатива военных действий в 1222 г. исходила от эстов острова Эзель, которые разрушили построенный датчанами замок, применяя патереллы, или осадные машины, для метания больших камней. Военные неудачи русских и эстов под Венденом в 1218—1221 гг. отчасти объясняются неуменьем пользоваться машинами для разрушения каменных стен рыцарских замков. К 1221 г. некоторые эсты научились у датчан строить и применять патереллы. По словам Генриха Латвийского, эзельские эсты одни из первых «начали строить патереллы и иные машины, уча тому же других, и стали все у них строить себе машины»[6]. Осада и разрушение датского замка на Эзеле были первым опытом применения эстами осадных машин. Ободренные успехами, эзельцы «послали по всей Эстонии весть о том, что взяли замок короля датского и выгнали христиан из своих владений. Они по всем областям уговаривали эстов сбросить с себя иго датчан и уничтожить в стране христианство, утверждали, что датский замок взять легко, и учили людей строить осадные машины, патереллы и прочие военные орудия. И пришла беда в страну»[7].

В 1223 г. во всей Эстонии шла подготовка к войне. «Русских же и из Новгорода и из Пскова эсты призвали себе на помощь, закрепили мир с ними и разместили — некоторых в Дорпате, некоторых в Вилиендэ, а других в других замках, чтобы сражаться против тевтонов, латинян и вообще христиан; разделили с ними коней, деньги, все имущество братьев-рыцарей и купцов и все, что захватили, а замки свои весьма сильно укрепили. Выстроили по всем замкам патереллы и, поделив между собою много балист, захваченных у братьев-рыцарей, учили друг друга пользоваться ими»[8]. Двадцатитысячное русское войско, по совету эзельцев, направилось к Ревелю, считая его менее укрепленным нежели

[1] «Хроника Ливонии». XXV, 1.
[2] Там же, XXII, 2.
[3] Там же, XXII, 3, 4, 5.
[4] Там же, XXII, 6. Литовцы разграбили даже часть города Пскова.
[5] Там же, XXV, 3. По гипотезе E. Bonnell «Russisch-livländische Chronographie von der Mitte des 9. Jahrhunderts bis zum Jahre 1410». S. 30. СПБ. 1862), еще весною 1213 г. был заключен союз между литовским князем Даугерутом в Мстиславом новгородским о совместной борьбе с крестоносцами.
[6] Там же, XXVI, 3.
[7] Там же, XXVI, 4.
[8] Там же, XXVI, 8.

Рига. Осада Ревеля длилась целый месяц, но русские и эсты попрежнему уступали датчанам и немцам в применении машин. Генрих Латвийский объясняет неудачу союзников под Ревелем именно техническим превосходством датчан: «В замке было много балистариев, убивавших немало русских и эстов... А было то большое, сильное войско и пыталось оно взять датский замок тевтонским способом, но нехватило сил»[1].

После неудачной попытки овладеть Ревелем русские и эсты укрепляли Юрьев[2], ставший последним опорным пунктом союзников в Ливонии. Падение Юрьева[3] в 1224 г. было концом русско-эстонского союза, существовавшего 10 лет (1215—1224), а покорение крестоносцами Эзеля в 1227 г. ликвидировало последние остатки независимой Эстонии.

Неудачный исход русско-эстонского военного сотрудничества объясняется не только технической отсталостью союзников: причинами военного поражения были и политическая раздробленность эстов и нападения литовцев и татар на русские земли, что отвлекало у Новгорода и Пскова значительные силы.

Кроме того Псков и Новгород по чисто экономическим причинам были вынуждены примириться с господством датчан и немцев в Прибалтике. Псков и Новгород нуждались в привозимых с Запада соли и промышленных изделиях, а также в хлебе, когда подвоз его из Суздальского княжества или из других русских земель по той или иной причине становился затруднительным. В 1224 г. новгородцы были заняты войной с суздальским князем Юрием Всеволодовичем и не могли оказать серьезной помощи Пскову и эстам. В то же время в Новгороде ощущался недостаток хлеба. Продолжительные войны в Ливонии нарушали торговлю с Западной Европой, что и заставило новгородских и псковских бояр стремиться к миру с немцами.

В 1228 г. псковичи отказались присоединиться к военному походу в Ливонию. Новгородскому князю Ярославу Всеволодовичу, пришедшему из Переяславля-Залесского, они прямо заявили: «Тебе, князь, кланяемся и вам, братья новгородцы, но в поход нейдем, и братьи своей не выдаем, а с рижанами мы помирились; вы к Колываню (Ревелю) ходили, взяли серебро, и возвратились ничего не сделавши, города не взявши, так же и у Кеси (Вендена) и у Медвежьей Головы (Оденпе) и за то нашу братью немцы побили на озере, а других в плен взяли; немцев только вы раздразнили, да сами ушли прочь, а мы поплатились». Новгородцы присоединились к мнению псковичей: «Мы без своей братьи, без псковичей, найдем на Ригу»[4]. Таким образом, лозунгом торговых кругов Пскова и Новгорода была скорая победа над немцами или немедленный мир. Опыт войны 1216—1224 гг. показал, что на скорую победу над крестоносцами нечего рассчитывать, поэтому партия бояр, враждебная суздальским князьям, настаивала на заключении мира с немцами. Когда в Новгороде победили сторонники суздальской ориентации и был приглашен князь Ярослав Всеволодович, их противники в Пскове заключили военный союз с рыцарями. В 1240 г. партия бояр отдала немцам даже Изборск и впустила их как своих союзников в Псков, откуда они были прогнаны Александром Невским в 1242 году. Поддерживая союз с ливонскими рыцарями, новгородские и псковские бояре преследовали не только свои коммерческие интересы: их политика в такой же мере определялась ненавистью к классовым врагам торгово-землевладельческой аристократии.

---

[1] «Хроника Ливонии», XXVII, 3.

[2] Там же, XXVII, 5. Hausmann («Das Ringen der Deutschen und Dänen», S. 49) правильно считает, что от исхода русско-эстонской военной кампании 1223 г. зависела судьба не только датской колонии в Эстонии, но также и господство ордена в Ливонии.

[3] «Хроника Ливонии». XXVIII, 5 и 6.

[4] Соловьев С. «История». Т. I, стб. 622.

VI. Великое восстание эстов в 1343 г. и военная помощь русских

Военные успехи Александра Невского приостановили дальнейшее продвижение рыцарей на восток, но эсты остались под властью завоевателей. В широких массах эстонских крестьян сохранялось воспоминание о совместной с русскими борьбе против рыцарей и датских феодалов. Несмотря на неуспех этой борьбы они верили, что при поддержке великого русского соседа смогут добиться своего освобождения. Это всецело подтверждается событиями, сопутствовавшими великому восстанию эстов в 1343 г., по своему характеру и размерам напоминающему крестьянские войны XIV в. в Италии, Франции и Англии.

Эстонские крестьяне, большинство которых находилось под властью Дании, оказались в худших условиях нежели остальные крестьяне Ливонии. В продолжение XIII в. королевская власть в Дании переживала глубочайший упадок. Этим воспользовались вассалы датского короля, чтобы присвоить себе различные экономические и политические привилегии. Отдаленная датская колония — Эстония — фактически превратилась в дворянскую республику, в которой рыцари захватывали земли крепостных, а также судебную и всякую иную власть над местным населением. По так называемому Вальдемаро-эриковскому ленному праву 1315 г., эстляндское рыцарство закрепило наследственное право (по мужской линии) вассалов на ленные держания. Но всякое расширение дворянских прав означало умаление прав крестьян при одновременном увеличении их повинностей в пользу землевладельцев. К середине XIV в. каждый рыцарь в Эстонии обзавелся имением и господские поля обрабатывались трудом зависимых крестьян. По развитию крепостничества впереди шла Гария, которая и оказалась очагом эстонского восстания 1343 года.

Ночью с 22 на 23 апреля (Юрьев день) 1343 г. на одном из холмов Гарии запылал костер: это был условный сигнал к всеобщему восстанию. Восставшие крестьяне избивали захваченных врасплох датчан и немцев. В первую же ночь число убитых достигло 1800. Оставшиеся в живых рыцари, их жены и дети прятались по лесам и болотам, тайком пробираясь к укрепленным Ревелю и Вейсенштейну. Десятитысячный отряд эстов приступил к осаде Ревеля. Вскоре восстание распространилось на остальные районы Эстонии (Вирландия и Вик). В конце июня восстали крестьяне на Эзеле и уничтожили все имения дворян и замок Пейде[1]. Дания оказалась совершенно беспомощной перед лицом крестьянской войны в Эстонии, принявшей характер всеобщей национально-освободительной борьбы. На помощь датчанам спешил Ливонский орден, а восставшие эсты обратились к шведам и русским за вооруженной поддержкой. Шведские корабли появились у Ревеля лишь после того, как силы крестьян были уничтожены, но расчеты восставших на поддержку русских полностью оправдались.

Псков уже несколько лет воевал с Ливонским орденом и дерптским епископом, которые на границе Псковской земли начали строить замки Мариенбург и Нейгаузен. Княживший тогда в Пскове Александр Всеволодович[2] охотно принял предложение эстов и вторгся в юговосточную часть Эстонии, но ему не удалось проникнуть в районы восстания на севере страны, где были сосредоточены главные силы эстов. Этим обстоятельством воспользовался Ливонский орден, который к середине мая уничтожил главные силы восставших под Ревелем. Дерптский епископ

---

[1] Основными источниками являются: Balth. Russow «Chronica der Prouintz Lyfflandt Rostock gedreicket dörch Augustin Ferber. 1578», а также «Joh. Renner's Livländische historien». Göttingen. 1876.

[2] Предположение И. Беляева. См. его «Историю Пскова», стр. 247.

совместно с военными силами Ливонского ордена выступил против русских войск, которые под Оденпе потерпели поражение и вскоре были вытеснены из пределов Ливонии. Но русские и после этого продолжали оказывать эстам военную помощь. Подвергая эстонских крестьян массовым казням (русские летописи определяют число убитых в 14 тыс.)[1], рыцари вторглись даже в псковские владения (в Островскую землю), преследуя укрывающихся там эстов, но, по словам летописца, «их же не взяша, но сами биты отыдоша». Повидимому, речь идет о массовой эмиграции эстов в Островскую землю, начавшейся после неудачного для них исхода восстания 1343 года. Иначе трудно допустить, чтобы рыцари организовали большую военную экспедицию для поимки отдельных беглецов. Восставшие на Эзеле эсты продержались до 1345 г., но из-за дальности расстояния ни Новгород, ни Псков не могли им оказать серьезную помощь. По всей вероятности, господствующий класс в Пскове и Новгороде, живший за счет эксплоатации крестьян и народностей Севера, не мог питать особых симпатий к восставшим крестьянам в Эстонии, но рассчитывал на то, что при их помощи удастся восстановить утерянное господство над Прибалтикой. После подавления восстания крупные землевладельцы Пскова и Новгорода охотно воспользовались рабочей силой эстонских эмигрантов, которым они дали убежище и защиту.

Разнородность классового состава и различие целевых установок уменьшали эффективность военного сотрудничества восставших эстонских крестьян с псковичами и новгородцами в 1343 году. Но та̀к как в Новгородской и Псковской землях развитие крепостничества значительно отставало от Ливонии, то на всем протяжении средних веков не прекращался поток беглых эстонских крестьян, которые устремлялись на восток в поисках лучшей жизни. Сюда же уходили и эстонские ремесленники, преследуемые на родине немецкими цеховыми уставами. Поэтому русско-эстонские отношения после восстания 1343 г. значительно изменились и в таком виде продолжались вплоть до начала XVIII в., когда Эстония была присоединена к царской империи.

VII. Культурные отношения русских и эстов по данным языка

Подводя итоги русско-эстонским отношениям в средние века, следует указать, что продолжительные хозяйственные, политические и культурные связи с русскими нашли известное отражение и в эстонском языке. Конечно, среди многочисленных общих слов, встречающихся в языках обоих народов, есть немало слов, которые в свою очередь были позаимствованы из языков других народов (древнескандинавские наречия, немецкий, татарский и другие языки). Но независимо от происхождения встречающиеся в эстонском и русском языках общие термины являются живыми свидетелями отдельных этапов русско-эстонских культурных отношений в средние века.

В эстонском и русском языках встречаются общие слова, относящиеся к торговле и обмену. Они красноречиво говорят об оживленном характере русско-эстонской торговли в средние века. Эстонское «kost» (в современном значении — гостинец, подарок) по своему происхождению родственно русскому слову «гость». Эстонские «turg», «turu» (рынок, базар), а также «tavar» и «vara» (в современном значении — сокровище, клад, состояние, благо) вполне соответствуют русским «торг» и «товар», хотя некоторые исследователи допускают, что эти слова проис-

---

[1] ПСРЛ. Т. III, стр. 82. По данным Руссова, только на одном Эзеле число казненных крестьян достигало 9 тыс., а под Ревелем почти весь десятитысячный отряд восставших был полностью уничтожен.

ходят из древнескандинавского языка (в современном шведском языке «torg» — площадь, «salutorg» — рынок, базар, «vara» — товар). Эстонское «porkapund» (берковец), «päsmer» (безмен), «määr» (мера), «pud», «put» (пуд), «teng» (деньга), «rubl» (рубль), «sool» (соль), «vaha» (воск), «lodi» (лодка, баржа) и другие слова являются прямыми позаимствованиями из русского языка или возникли у обоих народов одновременно и в одинаковых исторических условиях.

Предметы украшения, включая дорогие раскрашенные ткани, были распространенными объектами средневековой торговли. Этим также объясняется наличие в эстонском языке ряда слов, в звуковом отношении и по смыслу совпадающих с соответствующими русскими словами, например «prees» (пряжка). Возможно, что торговали не только окрашенными тканями, но также и красками, предназначенными для окрашивания домашних тканей. Эстонское «vaap» (краска, окраска) совершенно совпадает с древнерусским «вап», эстонское «sinine» с русским «синий», эстонское «kold» (kollakas, kollanes) с русским «желтизна» (желтый).

Торговля предметами вооружения и военные действия, в которых участвовали эсты и русские в качестве врагов или союзников, также нашли свое отражение в общих словах: например эстонское «tapper» (секира) и русское «топор», эстонское «look» и русское «лук», эстонское «tubli», «tublius» (доблесть, молодецкий, ловкий) и русское слово «доблесть» и другие.

Культурное влияние русских на эстов сказывается также в наименовании сельскохозяйственного инвентаря; в качестве примеров укажем эстонское «saha», «sahk» (плуг) и русское «соха», эстонское «kabli» (мотыка) и славянское (белорусское) «скабла»; эстонское «saan» и русское «сани»; эстонское «taper» и русское «топор» и другие слова. Не менее многочисленными являются общие термины, относящиеся к домашнему промышленному производству и промышленным изделиям: эстонское «värten» и русское «веретено», эстонское «saabas», «saapa» и русское «сапог», эстонское «tulup» и русское «тулуп», эстонское «lusikas» и русское «ложка» и ряд других слов.

Из названий культурных растений можно отметить эстонское слово «kapust» и русское «капуста», эстонское «visnapun» и русское «вишня». Задолго до прихода крестоносцев и распространения католичества эстонские племена восприняли от русских слова, относящиеся к христианскому культу и церковным обрядам: эстонское «rist» от русского «крест», эстонское «papp» от русского «поп», эстонское «ristima» от русского «крестить», эстонское «pagan» (язычник) от русского «поган», эстонское «raamat» (книга, священное писание) от русского «грамота», эстонское «nädal» от русского «неделя», эстонское «räästool» от русского «престол» (в церкви).

Возможно, что ко времени политического господства Пскова и Новгорода над отдельными эстонскими племенами относится возникновение ряда эстонских слов в звуковом отношении и по смыслу аналогичных соответствующим русским словам, обозначающим различные формы и способы внеэкономического принуждения и наказания. Эстонское «sundima» (принуждать, заставлять) и русское слово «судить», эстонское «kari» (строгий надзор, присмотр, строгое приказание, наказание) и русское «карать», эстонское «roosk» (кнут, плеть) и русское «розга».

Из области социальных и политических категорий можно отметить эстонское слово «raja» (граница, предел) и русское «край»; эстонское «ige» и русское «иго»; эстонское «vabadus» и русское «свобода»; эстонское «voli» (воля, право) и русское «воля»; эстонское «pobul» и русское «бобыль» и др.

Хотя мы можем лишь более или менее приблизительно установить время происхождения или позаимствования отдельных слов, общих или

родственных в эстонском и русском языках, но нет никакого сомнения, что экономическое и культурное взаимодействие русских и эстов не прекратилось и после того, как Эстония оказалась под властью датчан, ливонских рыцарей или шведских завоевателей. Например эстонское «kuht» (кофта), «jupka» (юбка), «jaam» (станция), от русского «ям», «arsi», «arsin» (аршин), «kabak», (кабак), «parisnik» (барышник), «aken», «akna» (окно) и ряд других слов, несомненно, происходят от русских слов, получивших распространение сравнительно поздно (XIV—XVII вв.). Количество эстонских слов, перешедших из русского языка, во много раз увеличилось в XVIII—XX вв., когда Эстония входила в состав Российской империи[1].

История русско-эстонских отношений начиная с XIII в. не совпадает с распространенным представлением о международных отношениях, в которых участвуют самостоятельные государства. Эсты рано потеряли свою политическую независимость и в продолжение 700 лет находились под властью иноземных завоевателей, но несмотря на эти неблагоприятные исторические условия, на протяжении всего тысячелетнего периода, доступного изучению, беспрерывно продолжалось культурное взаимодействие и сотрудничество между народами Прибалтики и их восточным соседом — русским народом. Пора окончательно расстаться с традиционным, но, по существу, нелепым мнением, будто отношения между народами и государствами сводятся к войнам и дипломатическим сношениям. Приведенные сравнительно немногочисленные примеры из эстонского языка показывают, что, помимо деятельности полководцев и государственных деятелей, а часто против их воли и через их головы, народные массы творят свою самостоятельную международную политику.

---

[1] Даже финские и эстонские буржуазные ученые, обычно замалчивающие культурное влияние русского народа в Прибалтике, вынуждены отмечать сравнительно большое количество слов, позаимствованных эстами из русского языка. В этом отношении заслуживают внимания: Веске М. П. «Славяно-финские культурные отношения по данным языка». Казань. 1890 (автор — видный деятель эстонского национального движения и крупный финновед); Mikkola J. «Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen sprachen». Helsingfors. 1894. В обеих работах собран огромный материал, частично использованный и в данной статье, хотя метод исследования Веске и Миккола устарел с точки зрения современных достижений советской науки о языках народов Восточной Европы, и поэтому их выводы требуют осторожного отношения, а в отдельных случаях и коренного пересмотра.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГРУЗИИ К РОССИИ В 1801 ГОДУ

О. Маркова

С возрождением мусульманской агрессии в XV в. Грузия, в силу географического положения на границе Европы и Азии, между двух морей, сделалась объектом беспрерывных нападений извне. Вместе с тем она являлась ареной и постоянных феодальных конфликтов внутри. Истерзанная этой двойной борьбой, Грузия ищет поддержки у соседней России, что в конечном счете приводит ее к потере своей суверенности. Понять причины перемен в политической судьбе Грузии на пороге XIX в., выяснить, почему поддержка России приняла форму присоединения Грузии — задача данной статьи[1].

Наибольшее внимание вопросу о присоединении Грузии к России уделяли военные историки в своих работах о завоевании Кавказа и его административном устройстве. Официальная историография (Дубровин, Берже, Потто, Иваненко, Вейденбаум, Эсадзе, Романовский и др.) рассматривала присоединение Грузии как акт, вызванный исключительно интересами Грузии и обусловленный человеколюбием царской России, выступавшей якобы в роли спасительницы и благодетельницы Грузии. Либеральные грузинские историки (Авалиани[2], Хаханашвили[3], Хелтуплишвили[4], Цагарели[5] и др.) считали, что хотя присоединение Грузии произошло и по желанию грузинского народа, но условия присоединения не соответствовали его интересам, так как обещанной автономии Грузия не получила.

Некоторые из либеральных историков, как например Хаханашвили, не склонны считать положение Грузии к концу XVIII в. критическим; наоборот, они много распространяются на счет ее цветущего состояния. Если бы это было так, то следовало бы признать, что присоединение Грузии к России не имело исторических оснований и было продиктовано лишь захватническими стремлениями царизма. Другие либеральные историки, как например Цагарели, склонны источником всех несчастий Грузии считать ее сближение с Россией; так, лишь в этом сближении Цагарели видит причину персидско-турецких вторжений в Грузию.

---

[1] Основными источниками служили: «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией». Архив Главного управления наместника Кавказского. Под ред. А. П. Берже. Т. I. Тифлис, 1866 (в дальнейших ссылках указываются сокращенно «Акты»); изданные А. Цагарели «Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до Грузии». Т. II, вып. 2. СПБ. 1902 (в ссылках сокращенно: Цагарели А. «Грамоты»); использованы также материалы Центрального военно-исторического архива (ЦВИА), Государственного архива феодально-крепостной эпохи (ГАФКЭ) и Управления центральными государственными архивами Ленинграда (УЦГАЛ).

[2] Авалов З. «Присоединение Грузии к России». СПБ. 1906.

[3] Хаханов С. «Столетняя годовщина присоединения Грузии к России». «Вестник Европы». Кн. I за 1901 г., стр. 340—366.

[4] Хелтуплишвили М. «Вступление Грузии в состав Российской империи». Кутаис. 1901.

[5] Цагарели А. «Грузия». Статья в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

Взгляды феодально-дворянской грузинской историографии на прошлое грузинского народа сближаются со взглядами либеральных историков. Князь Эристов-Шервашидзе[1], например, утверждает на основании якобы обстоятельного изучения тогдашней эпохи, что Грузия искала протектората не в силу своей слабости, а в силу широты стоявших перед нею задач по созданию наступательного и оборонительного союза против Турции.

Точка зрения грузинского историка-марксиста Ф. Махарадзе[2] по данному вопросу является наиболее правильной. Махарадзе говорит: «Разумеется, для тогдашней Грузии иного пути, кроме присоединения к России, не существовало; без этого ее ожидало лишь физическое вырождение». По мнению Махарадзе, присоединение Грузии к России означало «конец или, во всяком случае, начало конца общественно-правового и экономического строя старой Грузии и подготовку почвы для новой Грузии»[3]. Вместе с тем Махарадзе считает, что присоединение было насилием, аннексией, которая, однако, в силу диалектичности исторического процесса имела для Грузии положительные результаты.

Точка зрения М. Н. Покровского и его «школы» сводится к отрицанию исторической неизбежности присоединения Грузии к России; последнее рассматривается как аннексия, как кровавый захват, совершенный в интересах царизма, которому нужен был плацдарм для борьбы с Турцией[4]. «Школа» Покровского, развивая взгляды своего учителя, рассматривала этот захват как колониальный грабеж, в результате якобы победоносного наступления русского торгового и промышленного капитала на рынки Передней Азии и Закавказья. Нужно сказать, что сам М. Н. Покровский далеко не был так категоричен в этом вопросе, как представители его «школы». Высказывания М. Н. Покровского на этот счет весьма противоречивы. В статье «Россия, Турция и Персия в Закавказье (1800—1829)»[5] Покровский говорит, что «Закавказье завоевывала не буржуазная, а еще дворянская Россия», что отношение к завоеваниям в Закавказье было в высокой степени феодальным, что Закавказье имело исключительно стратегическое значение для России в ее борьбе с Турцией. Однако, в другой статье: «Российский империализм в прошлом и настоящем»[6] — М. Н. Покровский объясняет завоевание Закавказья экономическими причинами. Исходя из магического, в его представлении, значения «континентальной системы» для бурного роста русской промышленности, М. Н. Покровский говорит о победоносном наступлении молодого русского капитализма на рынки Передней Азии и Закавказья и полной победе его над английским конкурентом, фабрикаты которого были вытеснены русскими промышленными изделиями. М. Н. Покровский утверждает, что экономическое завоевание Закавказья началось со второго десятилетия XIX в., а В. И. Ленин считал, что «экономическое «завоевание» его (Кавказа.— *О. М.*) Россией совершилось го-

---

[1] Эристов-Шервашидзе Н. «Памятная записка о нуждах грузинского народа». М. 1906.

[2] Махарадзе Ф. «Грузия в XIX столетии». Закнига 1933, см. также его доклад на эту же тему на 1-й конференции историков-марксистов и статью (Махарадзе Ф. и Хачапуридзе Г. «Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии». М. 1932, стр. 1—12).

[3] Махарадзе Ф. «Грузия в XIX столетии», стр. 9—10.

[4] Выступление М. Н. Покровского и других сторонников его «школы» на 1-й конференции историков-марксистов. «Труды 1-й всесоюзной конференции историков-марксистов». Т. I, стр. 492.

[5] Покровский М. Н. Сборник «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии», Статья «Россия, Турция и Персия в Закавказье (1800—1829)», стр. 184. М. 1928.

[6] Покровский М. Н. «Внешняя политика». Сборник статей (1914—1917), стр. 153—161. М. 1918.

раздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне»[1].

Действительно, русские купцы и промышленники до окончательного завоевания Закавказья (в конце 20-х годов) не устремлялись в Грузию. Никакого захвата поэтому русской буржуазией рынков Закавказья и Передней Азии не только во втором десятилетии XIX в., но и много позднее не произошло. Вследствие слабости и неорганизованности капитала в крепостной России для завоевания им закавказских рынков потребовался определенный исторический процесс. По отношению к первым десятилетиям можно говорить поэтому лишь о попытках проникновения русского капитала в Закавказье и проектах превращения его в выгодную колонию. Присоединяя Грузию к России, имели в виду и экономические выгоды. Но эти выгоды не стояли на первом плане и трактовались пока как «дальние выгоды».

Общая методологическая ошибка либеральных историков и «школы» Покровского в вопросе о присоединении Грузии заключается в противопоставлении Грузии как «единой Грузии», как единого народа российскому самодержавию как агрессору, хищнику и разбойнику. При такой точке зрения акт насилия, учиненный над Грузией, представляется оголтелым захватничеством. Между тем, для того чтобы понять события, происходившие в Грузии на рубеже XVIII—XIX вв., помимо рассмотрения экспансии самодержавия, необходимо обратиться и к внутренней истории Грузии, а также и к внешнеполитическому ее положению. Никакой «единой Грузии» в момент присоединения к России, как мы увидим далее, не было, несмотря на единство культуры, т. е. единство языка, нравов и обычаев. Политическая расчлененность, феодальная рознь и антагонизм классов, полное отсутствие единства давали повод к агрессивным шагам российской дипломатии и делали безнадежными попытки к сохранению прежнего положения.

Царское правительство, рассматривая вопрос о присоединении Грузии с точки зрения укрепления своих позиций в Передней Азии, действовало безусловно агрессивно. При проведении своего агрессивного плана оно искало поддержки в самой Грузии, так как сами же грузины были заинтересованы в ликвидации кризиса, охватившего страну. Однако, пути разрешения этого кризиса мыслились по-разному. Добиваясь поддержки России, бо́льшая часть феодального дворянства Грузии стремилась к сохранению власти грузинского царя и своих феодальных привилегий. Российское же правительство, исходя из расчетов трезвой, реальной политики, далеко не полностью и лишь внешне шло навстречу этим стремлениям.

I. Борьба Грузии с агрессорами — угроза «быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией». Ориентация на Россию. Характеристика закавказской политики царской России до XIX века

«...Перед Грузией стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России; равно как перед Украиной стояла тогда альтернатива—либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России»... «вторая перспектива была все же наименьшим злом»—так определяется положение Грузии в конце XVIII в. в решении Жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник[2].

---

[1] Ленин. Соч. Т. III, стр. 463.

[2] Постановление Жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР. Сборник «К изучению истории», стр. 38. 1937.

Почему же переход под власть России был для Грузии «все же наименьшим злом»? Чем вызывалась постоянная, в течение столетий, ориентация Грузии на Россию? Ответ на вопрос, что представляла собой история Грузии с момента утверждения турок в Европе и возникновения кровавого соперничества Ирана и Турции, будет ответом и на первый вопрос. История Грузии, начиная с середины XV в. и до присоединения к России,— это история войн, длящихся столетиями, история политического расчленения страны и отторжения отдельных ее областей, причем войны внешние осложнялись постоянной внутренней борьбой, сопровождавшейся взаимным истреблением борющихся сторон и исключавшей возможность внутреннего роста страны.

В агрессии Ирана и Турции по отношению к Грузии были свои приливы и отливы в зависимости от внутреннего состояния самих агрессоров и сложности международной обстановки. Наиболее страшные нашествия Ирана на Грузию вызывались продвижением в Закавказье более воинственной Турции. Так, завоевание турками к концу XVI в. почти всего Кавказа и Закавказья вызвало сокрушительный отпор со стороны Ирана при шахе Аббасе I (из династии Сефевидов) в первой четверти XVII века. Новые завоевания Турции в Закавказье в первой трети XVIII в. вызвали в 30-х годах того же века не менее страшный отпор шаха Надира, совершившего затем со своими грузинскими вассалами знаменитый индийский поход.

В XVII в. как Иран, так и Турция стали применять по отношению к Грузии инкорпорацию, насильственную исламизацию и денационализацию, не говоря уже о постоянных требованиях заложников, оказания военной помощи, уплаты дани. В результате нашествия шаха Аббаса I на Кахетию и Картлию (Тбилиси был взят в 1616 г.) Кахетия была полностью опустошена: она лишилась более 200 тыс. душ населения, большинство которых было уведено во внутрь Ирана, а часть перебита. В Кахетии были поселены туркменские кочевники, составившие авангард мусульманских поселений в Грузии. Культурные ценности были уничтожены; церкви, монастыри, дворцы разорены. Жестокость была методом шаха Аббаса в управлении Грузией. Кахетинский царь Луарсаб по приказанию шаха Аббаса был утоплен, его два сына были кастрированы, мать их Катевана замучена в тюрьме. Картлией и Кахетией стали управлять ставленники Ирана из грузинских царевичей, воспитывавшихся в Иране и принявших мусульманство. Эти грузинские цари фактически были шахскими чиновниками; управление мусульманских царей продолжалось почти сто лет. Грузинская культура, язык и быт феодалов и государственные учреждения в это время подверглись сильнейшей иранизации.

Во время правления в Иране знаменитого завоевателя Надира, регента, потом шаха (убит в 1747 г.), захваченные турками области, в том числе и Грузия, вновь вошли в состав Иранской монархии, Грузия была вконец истощена тяжелыми и многочисленными налогами, что привело к общему крестьянскому восстанию в Кахетии; это было время «дикого отчаяния» в Грузии. С 20-х годов XVIII в. Восточная Грузия начинает подвергаться систематическим опустошительным набегам леков (лезгин) Дагестана. Эти набеги носили характер стихийных бедствий; они совершенно расстраивали хозяйственную жизнь страны.

Югозападная Грузия, Месхетия, была объектом постоянных нападений Турции. По миру 1578 г. с Ираном, который также стремился к захвату этой области, Месхетия окончательно отошла к Турции. Жители княжества подверглись насильственной исламизации и с течением времени забыли даже свой родной язык. Такова была участь этой древней области, колыбели грузинской народности, родины величайшего поэта Грузии Шота Руставели.

Если Грузии все же удалось отстоять свое национальное лицо, свою национальную индивидуальность, то это оказалось возможным благодаря

исключительной сопротивляемости грузинского народа и изворотливой политике многих ее правителей, пользовавшихся соперничеством Ирана и Турции, а также благодаря укреплению связей с русским народом. Еще в конце XV в. грузинские цари обращались в Москву за поддержкой, регулярные же дипломатические сношения Москвы с Иверской землей начались с середины XVI века. Инициатива этих сношений иногда исходила и от московского царя. С течением времени русско-грузинские связи ширились, укреплялись, становились разнообразнее. Обращение к России подсказывалось общей политической обстановкой и идеологически обосновывалось единством веры.

После захвата турками Константинополя (1453), Северного Причерноморья (Крым), Подолии и Правобережной Украины борьба России с турками становилась неизбежной. Попытка Москвы в начале XVII в. в союзе с Кахетией и Кабардой отбросить турок с Северного Кавказа и смирить сильный шамхалат (Северовосточный Кавказ), тяготевший к Турции, потерпела поражение. Лишь к концу XVII в. русское государство собралось с силами для контрнаступления против турок, под знаком которого прошел весь XVIII век. Ряд кровавых войн, в особенности, при Екатерине II (1768—1774 гг., 1787—1791 гг.), изменил положение. По миру в Кучук-Кайнарджи (1774), Черное море было открыто для русских судов. По миру в Яссах (1791), Турция признала присоединение Крыма к России, фактически совершившееся в 1783 году. Границей России и Турции стал Днестр. Закавказские дела в это время приобрели особенное значение в русско-турецких отношениях. Объявляя в 1787 г. войну России, Турция требовала возвращения Крыма и отказа России от верховенства над Грузией. Однако в результате поражений и территориальных потерь непримиримость турок была сломлена, начавшиеся же в Турции в конце XVIII в. внутренние неурядицы еще более способствовали ее окончательному ослаблению. Впрочем, не имея сил для решительной борьбы одновременно и в Европе и на Кавказе, царское правительство предпочитало в закавказских делах действовать путем дипломатии: оно не упускало случая напоминать султану о покровительстве российских монархов единоверной Грузии.

14 декабря 1784 г. канцлер кн. А. А. Безбородко писал русскому послу в Константинополе Я. И. Булгакову: «Содержание прилагаемых при сем писем, без сомнения, не обойдется без хлопот; но здесь так привыкли надеяться на ваше рвение и искусство, что всякое почти дело, хотя и трудное, считают не невозможным, когда оно через ваши руки делается. Дело состоит в том, чтобы поправить ошибку трактата кайнарджиского о Грузии, где о ней вовсе небрегли, да и поправить хотя не письмом, но de fait. Край тамошний для нас очень важен; но жаль, ежели бы из-за сего безвременно война загорелася». Далее Безбородко пишет о необходимости наблюдать за деятельностью французов в Константинополе [1].

Из записки Остермана и Безбородко об условиях предполагаемого мира с Турцией [2], зачитанной в заседании Государственного совета 16 декабря 1788 г., видно, что позиция царских дипломатов по вопросу о Грузии далека была от непримиримости. Авторы записки прямо указывают, что «самый затруднительный пункт споров с Портой есть дело о части Грузии, владеемой царем Ираклием», что Порта «привязывала» к трактату 1783 г. (о протекторате России над Грузией) «верховную важность, так что все употребленные с здешней стороны старания не довольны были ее отвратить от оного». Остерман и Безбородко полагают, что разрывать мирные переговоры из-за неуступчивости Порты в

[1] Цит. по публикации писем Безбородко в приложении к работе Григоровича Н. «Канцлер кн. А. А. Безбородко в связи с событиями его времени». Т. I, стр. 455. СПБ. 1879.
[2] Там же. Т. II, стр. 520—525.

этом пункте не следует. Чтобы успокоить Порту относительно видов России на Грузию и Азербайджан, они предлагали оговорить в трактате, что границы в Закавказье определены последним трактатом с Персией, а царь Ираклий остается в таком же положении, в каком был при заключении мира в 1774 году.

Более реальное значение имели для Грузии к концу XVIII в. отношения России с Ираном, которые с XVII в. развивались под знаком дружбы. В первой четверти XVII в. были заключены торговые договоры, обеспечивавшие интересы русско-иранской торговли. Неоднократные обращения грузинских царей к русским царям за помощью против насилий Ирана имели своим результатом лишь дипломатические представления русских послов в Иране в пользу Грузии. Торговля с Ираном интересовала Россию более чем отношения Закавказья с Ираном. Но в XVIII в., в связи со стремлением царской России прочно обосноваться на берегах Черного и Каспийского морей, ее закавказская политика активизируется. Этому благоприятствует слабость Ирана в XVIII в., в особенности в первой и последней его четверти. Неизбежность вооруженной борьбы с Ираном обозначилась, однако, лишь к концу XVIII в., в связи с непримиримой позицией, занятой последним в отношении Грузии. Иран встречал при этом поддержку со стороны своих западных «друзей».

Напомним об успехах иранской политики Петра, о заключении им выгодного торгового договора в 1718 г. и еще более выгодного договора в 1723 г.[1], когда Ираном были уступлены России Дербент, Баку и провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад. Этот договор был подготовлен походом Петра в Закавказье в 1722 г., предпринятым под знаком дружбы с шахом, в целях оказания ему помощи к утверждению его власти в Иране, на самом же деле — с целью захвата иранских провинций и путей в Индию. Одновременно этот поход способствовал оживлению связей с грузинскими и армянскими феодалами, мечтавшими об избавлении от иноземного владычества. Как известно, сочувствие Петра обоим угнетенным народам — сочувствие постольку, поскольку диктовалось «собственными пользами»,— не имело для них никаких реальных положительных результатов, так как дальнейшему развитию успехов Петра в Закавказье помешала Турция, бывшая в войне с Ираном, и ее «покровительница» Франция. К Турции отошли Грузия, Ширван, Ганджа, Ереван, Карабаг и часть иранского Азербайджана. Трактатом, заключенным в Константинополе 12 июня 1724 года[2], российским правительством была признана гегемония турок в Закавказье. Грузия была признана владением турецкого султана, «...отправлены туда (в Закавказье.—*О. М.)* войска для отобрания всех потребных Высокой Порте порубежных мест, как и взята вся Георгия, провинция области персидской». «Понеже вся провинция Георгия остается под властью Высокой Порты и везде там находятся гарнизоны и коменданты со стороны Высокой Порты, и ежели потребно будет отправить многие войска в тамошнюю сторону для утишения непорядков — где бы те войска через реку Кур (sic) переправляться не будут, то имеют прежде того переправления, для отнятия подозрения, причину того марширования комендантам помянутого (российского. — *О. М.)* царя сообщить, которые на берегу Каспийского моря определены будут»,— так определялись по трактату взаимоотношения России и Турции в Закавказье.

Напомним, что выступление на сцену знаменитого завоевателя шаха Надира и необходимость иметь свободу действий для дальнейшей борь-

---

[1] Полное собрание законов (ПСЗ). Т. VII, стр. 110—112, № 4298, 1723 г., 12 сентября. Трактат между императором Петром I и шахом Тахмаспом, заключенный в С.-Петербурге.

[2] ПСЗ. Т. VII, стр. 303—308, № 4531, 12 июня 1724 года. Трактат, заключенный в Константинополе между российским резидентом Неплюевым и великим визирем Ибрагимом-пашой.

бы с турками на европейском фронте заставили российское правительство поддерживать с Ираном мирные отношения и возвратить ему захваченные провинции, удержать которые, к тому же, оно не имело теперь возможности. По договору в Реште (1732), Ирану были возвращены Гилян, Мазандеран и Астрабад, по договору в Гандже (1735), — Дербент и Баку.

Успех екатерининской политики в Закавказье — заключение договора о протекторате с Грузией в 1783 г.,— так же как и успехи петровской политики, был обусловлен моментом чрезвычайной внутренней слабости Ирана, именно, анархией, наступившей в Иране после смерти правителя Керим-хана в 1779 году.

В это время развивает усиленную деятельность многочисленная русская агентура в Закавказье и в Иране, как вербуемая на местах, так и посылаемая из центра [1]. Переговоры князя Григория Потемкина, вдохновителя и руководителя восточной политики, с испаганским ханом Али-Муратом должны были привести, при условии поддержки Россией кандидатуры последнего на шахский престол, к добровольному выделению из иранских владений части древней Армении. Таким путем предполагалось положить начало восстановлению древнего армянского царства под протекторатом России. Неожиданная смерть Али-Мурата в 1785 г. расстроила эти планы.

До конца XVIII в. закавказская политика царской России не всегда носила определенно наступательный характер против государств, угнетавших Грузию: эта политика была осторожной и компромиссной, так как все внимание царской России в это время было поглощено борьбой с турками на европейском фронте. По мере развития этой борьбы и усиления соперничества западноевропейских держав в Передней Азии, создание сильного барьера на Ближнем Востоке стало основной задачей закавказской политики царской России в XVIII веке. Планы Петра I, дипломата Волынского, Екатерины II и братьев Орловых, братьев Потемкиных, братьев Зубовых о создании сильных и независимых от Ирана и Турции Грузии и Армении имели в виду эту задачу. Трактат 1783 г. о протекторате, заключенный в Георгиевске между Ираклием II, царем Картлии — Кахетии, и Екатериной II, положил начало выполнению этой программы. Правда, в дальнейшем, на пороге XIX в., в силу изменения внутренней и внешней обстановки, программа эта сама подверглась изменению. Заключение трактата 1783 г. для Грузии было первым шагом на пути присоединения ее к России. Почему же Грузия стала на этот путь?

II. Социально-экономический и политический кризис в Грузии во второй половине XVIII века

Глубокий социально-экономический и политический кризис, охвативший Грузию в последний период ее самостоятельного политического су-

[1] Мы не имеем возможности останавливаться здесь на рассмотрении периода подготовки трактата 1783 г.,—проектов кн. Гр. Потемкина и деятельности русской агентуры в Закавказье в это время. Напомним лишь о разведках, организованных в Грузии правительством Екатерины II: собирались сведения о естественных богатствах страны, о числе, составе и быте населения, о доходах грузинских царств, о путях сообщения и т. д. Мы имеем в виду донесения и записки целого ряда русских агентов в Грузии как из грузин, так и из русских: кн. Моуравова, кн. Амилахвари, кн. Кобулова, митрополита Максима, статского советника Бакунина, капитана Языкова, поручика Львова. Тогда же был организован Академией наук на берега Каспийского моря, на Кавказ и в Закавказье ряд экспедиций, в которых принимали участие знаменитые путешественники и натуралисты: академики Гюльденштедт, Гмелин, Паллас. Насколько мало до того знали в Петербурге о Грузии, можно судить по опросным пунктам Екатерины II Коллегии иностранных дел (в 1768 г.); она спрашивает, где истинное положение Тифлиса — на берегу Черного моря, Каспийского или «посреди земли», так как разные карты показывают по-разному (Цагарели А. «Новые архивные материалы для истории Грузии XVIII столетия». «Журнал министерства народного просвещения» за январь 1883 года, стр. 124).

ществования, недостаточно изучен. В современной историографии сделаны лишь первые попытки серьезного изучения этого столь важного в истории Грузии периода. Мы коснемся лишь некоторых сторон кризиса.

Грузия была страной развитого феодально-аристократического строя. Восточная Грузия, или царство Картлия — Кахетия, о котором только и будет речь в данной статье, представляла собой весьма небольшую территорию (около 40 тыс. кв. км) с населением в конце XVIII в. приблизительно в 160 тыс. человек. Эта территория была разделена на ряд областей, друг с другом почти не связанных: Картлию — область крупного помещичьего землевладения, по преимуществу; Кахетию (Телавский уезд) — область главным образом мелкого помещичьего землевладения; Кизикию (Сигнахский уезд), где было крупное церковное землевладение и остатки крестьянской общины; ряд маленьких территорий по долинам и ущельям северной нагорной Грузии, населенных грузинскими и осетинскими племенами; наконец, ряд небольших областей к юговостоку от Тбилиси, по реке Куре, населенных мусульманско-туркменскими кочевыми племенами.

Верхушка феодального общества: царский дом (около 70 членов к концу XVIII в.), родовая знать — дидебулы и представители высшего духовенства: митрополиты, епископы и архимандриты (13 епископий и 9 архимандрий) — была немногочисленна. Однако удельный вес этой верхушки был очень значителен, так как азнауры (дворяне) находились в подавляющем большинстве в вассальной от нее зависимости. По спискам царя Ираклия, относящимся к 1783 г., всего дворянских фамилий в Восточной Грузии насчитывалось 317. Общее количество их членов с точностью неизвестно, однако несомненно, что дворяне в Грузии составляли огромный процент населения; это было характерной особенностью социального строя Грузии. Дворянская масса была бедна: в среднем это были владельцы 10, 20, 30 десятин земли и до 10 крестьянских дворов. Но чем мельче и беднее был помещик, тем, конечно, тяжелее жилось его крестьянам. Это факт общеизвестный.

Средней городской прослойки, т. е. класса купцов, торговцев, ремесленников, среди грузин в то время почти не было. Городское население — граждане, или мокалаки,— было преимущественно армянским. Так, в Тбилиси в конце XVIII в. армянского населения было более 70%.

Дидебулы и азнауры сами хозяйством не занимались: они жили исключительно за счет своих крестьян. К концу XVIII в. крестьянская масса в Грузии была почти сплошь закрепощена. Крепостных могли иметь все: купцы, ремесленники, вообще горожане (мокалаки) и даже крестьяне. Сельское духовенство происходило по большей части из крепостных крестьян и само было в крепостной зависимости. Некогда свободные крестьяне — «кма» — превратились в «глехов» — прикрепленных к земле и лично несвободных. Были и привилегированные крепостные: некогда свободные — «мсахури», т. е. слуги, — они имели собственное хозяйство и обязаны были, в отличие от остального крепостного населения, отбывать военную службу и обслуживать двор феодала. Низший разряд зависимых людей составляли дворовая челядь, холопы, рабы (мона), не имевшие собственного хозяйства. Кроме того существовал весьма значительный слой бродячих безземельных и бесхозяйственных батраков (богано); о их количестве дают приблизительное представление следующие данные, относящиеся к концу XVII в.: у одного из самых крупных и богатых феодалов Картлии, князя Гиви Амилахвари, из 400 крестьянских дворов 64 двора были богано, а из 501 двора, принадлежавшего мелким помещикам (в том же округе — внутренней Картлии), 206 были богано[1].

[1] Натадзе Г. «Крестьяне «сахасо» в Восточной Грузии в конце XVIII столетия». «Материалы по истории Грузии и Кавказа». Вып. V, стр. 335—336. Грузинский филиал АН СССР. Тбилиси. 1937.

Одним из основных признаков кризиса, переживавшегося Грузией во второй половине XVIII в., было усиление феодальной эксплоатации зависимого населения. Грузинский крепостной нес двойное бремя повинностей — не только на помещика, но и на государство. Основными видами государственных податей были кодис-пури (пури значит хлеб, кода — мера) и сурсати (провиант, тоже хлеб). С каждой семьи по одному из двух видов податей полагалось 108 кг (6 п. 30 ф.) хлеба; кулухи — подать вином, составлявшая от 1/10 до 1/7 части урожая; калани — подать скотом (в скотоводческих районах) — платилась по-разному в разных районах, минимальная — по одному барану или овце с каждого двора; разные дани: лезгинам, персам и т. д. Финансовое хозяйство грузинского царя находилось в исключительном беспорядке. Сбор податей обычно отдавался на откуп. О количестве податных сборов могут дать приблизительное представление ведомости этих сборов, составлявшиеся уже после введения российского правления (финансовое хозяйство которого, кстати сказать, в первые годы недалеко ушло от хозяйства грузинского царя). По ведомости на 1802 г., податного хлеба (сурсати и кодис-пури) предполагалось собрать по Кахетии и Картлии 39 871 коду (кода = 36 кг)[1]; по ведомости же на 1810 г., — 31 606 код[2].

Еще с меньшей точностью возможно судить о количестве повинностей и взносов на помещика. Помещик, собственно, забирал у крестьянина все, что возможно было взять. В этом отношении его право было неограниченно и регулировалось только обычаем: ему полагались 1/6 часть снятого хлеба, 1/4 часть вина. По известным подсчетам историка Грузии академика Броссе (40-е годы XIX в.) существовало до 120 видов крестьянских повинностей помещику.

Для выколачивания податей и повинностей, в это время нередко производившегося вооруженной рукой, существовал особый аппарат чисто феодального происхождения — моуравство. Моуравы (повидимому, от грузинского слова «урва» — забота, попечение) были те же помещики, но наделенные от государства, а в частных владениях—от феодала, правом суда и взимания податей с населения. За исполнение этих функций им полагалось, согласно обычаю, десятая часть сборов, но на практике эта доля была весьма различной. Почти в каждом селении был моурав. Упразднение моуравов, «сих пиявиц народного пропитания», по выражению одного из главнокомандующих в Грузии — князя Цицианова, было главным источником недовольства грузинского дворянства российским правлением в первом десятилетии; царское правительство вынуждено было дважды восстанавливать моуравов (в 1804 и в 1812 гг.).

Для полного представления об экономическом положении грузинского крестьянина не нужно забывать и о размерах косвенного обложения населения. Все отрасли финансового хозяйства Грузии отдавались на откуп, в том числе и внутренние пошлины, которыми были обложены даже предметы первой необходимости.

Отношения между грузинским помещиком и крестьянином регулировались главным образом обычаем, а это привело к тому, что в условиях постоянной экономической и политической разрухи в Грузии, являвшейся следствием постоянных внешних нашествий и феодальной борьбы внутри страны, крестьянин со всем своим имуществом превратился в простую вещь своего господина.

На жестокое обращение и вымогательства своих господ крестьяне отвечали бегством к лезгинам и в соседние ханства, а также бегством из одной области в другую. Эта пассивная форма крестьянского протеста

---

[1] «Расписание о доходах в Грузии на 1802 г.». «Акты». Т. I, стр. 480.

[2] «Ведомость Верховного грузинского правительства Казенной экспедиции за 1810 год». ЦВИА. Военно-ученый архив, № 18496 «О сообщенных министру финансов сведениях на счет доходов... поступающих в казну с Кавказского края», лл. 97—99.

достигла своего наивысшего развития в конце XVIII века. Указы Ираклия II (середины 1760-х и конца 70-х годов) о смягчении крепостного права свидетельствуют о серьезности положения. Первый указ давал право возвращавшимся из плена выбирать господина по своему усмотрению; второй указ запрещал продажу крепостных без земли и в одиночку (потом он был отменен).

В конце XVIII в. Грузия переживала процесс прогрессирующей убыли населения. Эта угроза гибели целого народа — не фантазия историка, созданная с целью оправдания своей концепции, но жестокая реальность, подтверждаемая фактами. Это был симптом смертельного заболевания феодального организма.

На рубеже XVIII—XIX вв. в Восточной Грузии, в Картлии и Кахетии насчитывалось, по данным официальной статистики, менее 200 тыс. душ населения. По донесению главнокомандующего в Грузии Кнорринга Александру I[1], в 1801 г. всего населения там едва насчитывалось 35 тыс. семейств, или около 140 тыс. душ, между тем как, по словам того же донесения, в 1783 г. было около 60 тыс. семейств. «Жителей верного счета не имеют,— сообщал генерал Лазарев правителю Грузии Коваленскому,— потому, что помещики боятся быть ограбленными, если покажут верно. Полагают, что во всем царстве около 40 тыс. дымов или 160 тыс. душ»[2]. Какие бы сомнения ни внушала официальная статистика этого времени, все же факт резкой убыли населения (до ирано-турецких нашествий его было более 2 млн.) неоспорим. К началу XIX в., по словам другого официального источника, и в Кахетии и в Картлии многие земли «из плодоноснейших равнин» пустовали[3]. Лорийский уезд, образованный после присоединения к России при первоначальном административном разделении Грузии, оказался так редко заселенным, что был причислен к Тбилиси, где были размещены и его учреждения, так как город Лори оказался вообще покинутым населением[4]. Это запустение страны было не только результатом длившихся столетиями кровавых войн Ирана и Турции из-за обладания Закавказьем, внутренних феодальных войн и набегов лезгин, носивших в царствование Ираклия II характер стихийных бедствий[5], но также и результатом разложения феодального строя, деградации социальных отношений, результатом эмиграции населения и работорговли.

Работорговля в Грузии, как утверждают историки феодализма, никогда не прекращалась, а в XVI — XVIII вв. она вновь принимает общий характер.

«Пленопродавство», с точки зрения классовой борьбы, — говорит Н. Бердзенишвили, — никогда не принимало столь уродливых форм и такого опасного для развития общества характера, каким оно было в Грузии в XVI—XVIII веках»[6], т. е. в годы ирано-турецкого господства. Грузинские феодалы обменивали живой товар на самые разнообразные предметы потребления и особенно на предметы восточной роскоши. Девушки-грузинки, высоко ценившиеся за свою красоту, наполняли гаремы турецких и иранских феодалов. В первом десятилетии XIX в. рыночная

[1] Рапорт Кнорринга Александру I от 29 июля 1801 года. «Акты». Т. I, стр. 423.

[2] «Замечания ген-м. Лазарева в рассуждении всех современных обстоятельств в Грузии». 1801. «Акты». Т. I, стр. 186.

[3] Рапорт Коваленского Кноррингу от 29 сентября 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 502 — 503.

[4] «Объяснение исполнений высочайшего повеления, последовавшего к ген.-л. Кноррингу об управлении Грузией в 12-й день сентября 1801 г.». «Акты». Т. I. стр. 439; письмо Кнорринга Коваленскому от 11 мая 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 474.

[5] Об опустошительности набегов лезгин свидетельствует учреждение царем Ираклием особого фонда для выкупа пленных, захваченных лезгинами; из этого фонда ежегодно расходовалось около 60 тыс. рублей. Это было основной расходной статьей грузинского царства.

[6] Бердзенишвили Н. «Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII — XVI вв.)», стр. 24. Тбилиси. 1938.

цена грузинской девушки была в Тавризе, по свидетельству английского наблюдателя, 18 фунтов стерлингов[1].

Развитие работорговли было особенно наглядным свидетельством ухудшения правового и экономического положения крепостного крестьянина в Грузии, приближения крепостных отношений к рабским отношениям; в то же время резкое уменьшение количества свободных крестьян, превращение их в крепостных, — не будет преувеличением сказать, что основной тенденцией этого периода был рост крепостных отношений, — все это свидетельствовало о крайнем неблагополучии в социально-экономической жизни страны в конце XVIII века.

Постоянные разорения, которым подвергалось крестьянское хозяйство, и чрезмерный помещичий гнет сделали грузинского крестьянина исключительно забитым существом, утратившим всякий интерес к повышению производительности своего труда.

Деградация и разложение феодального общества на рубеже XVIII—XIX вв. получили также яркое выражение в политической и моральной несостоятельности его правящей верхушки. Грузинские царевичи, сыновья и внуки царя Ираклия II, последние представители дома Багратидов, являли собой жалкую картину явного вырождения; среди них не было организаторов и государственных деятелей. Своим насильническим образом действий в отношении крестьян они заслужили столь недобрую память о себе, что впоследствии в жалобах крестьян, поданных главнокомандующему в Грузии во время восстания в 1812 г., насилия капитанов-исправников сравнивались с насилиями царевичей. После присоединения Грузии к России царское правительство позаботилось о том, чтобы создать для царевичей материальные условия существования лучше тех, какие они могли иметь, сохраняя свои державные прерогативы. Российское правительство, стремясь к ассимиляции грузинского дворянства, в первые годы весьма щедро награждало потомков Багратидов чинами, орденами, пенсионами, имениями и капиталами за счет общеимперской казны.

Обуздать своеволие феодалов, установить законность и порядок могла только сильная, централизованная власть, но никаких экономических предпосылок, никаких внутренних ресурсов для создания такой власти в Грузии в это время не было. Царь Ираклий II (1761—1798) и отдельные лица из его окружения понимали, что нужен выход на другую дорогу (усилившиеся связи с Россией и Западом сказывали свое влияние) — именно на дорогу реформ. Но попытки Ираклия II учредить постоянное войско, насадить промышленность, торговлю, упорядочить финансы, организовать народное образование закончились полным крахом. Реформы требовали такого усиления налоговых тягот, которое не по силам было грузинским крестьянам; получить иностранные займы было невозможно. «Очередное ополчение» царя (мориге), организованное в 1773 г., просуществовало всего лишь до начала 80-х годов. Грузинское купечество, платившее тяжелые налоги, в конце царствования Ираклия II устроило заговор и вело против него «бешеную агитацию, изменив совершенно свою ориентацию»[2].

Заключение трактата с Россией в 1783 г. не улучшило внутреннего положения Грузии. Главные надежды Ираклия II на получение постоянного войска и денег были обмануты. Казна царя была пуста. Казалось, нет выхода из тупика. К тому же стареющий царь Ираклий, идя навстречу требованиям семьи, разделил в 1791 г. Картлию — Кахетию на уделы своим сыновьям, чем сам же способствовал окончательному па-

---

[1] Kinneir J. M. «Geographical memoir of the Persian empire», p. 26—27. London. 1813.

[2] Натадзе Г. «Крестьяне «сахасо» в Восточной Грузии в конце XVIII столетия». «Материалы по истории Грузии и Кавказа». Вып. V, стр. 365.

дению авторитета царской власти и еще большему ослаблению ее материальной базы. В 1794 г. он изменил и порядок престолонаследия: после смерти старшего сына от второго брака, Георгия (наследник — сын от первого брака — умер), престол должен был перейти к старшему сыну от третьего брака, Юлону, а не в обычном порядке по нисходящей линии, от отца к сыну, т. е. сыну Георгия. Это содействовало развитию междоусобицы в царской семье. Такое усиление феодальных пережитков было, однако, уже смертельной судорогой феодальной политической системы Грузии, внешние обстоятельства ускорили ее окончательную гибель. Заключение с Россией договора о протекторате (1783 г.) втянуло маленькую Грузию в огромную орбиту международных столкновений и привело к присоединению ее к России.

III. Международная конъюнктура в конце XVIII века. Трактат о протекторате России над Грузией 1783 года. Закавказская политика Павла I до его сближения с Наполеоном I. Первые шаги царя Георгия XII на пути к подданству

В конце XVIII в. соперничество великих держав в Передней Азии: Франции, традиционной «покровительницы» Востока, и Англии, только что окончательно утвердившей свое господство в Индии, — приняло новые, острые формы. В связи с этим политико-стратегическое значение Закавказья для царской России, в силу его географического положения, стало особенно важным. Закавказье являлось плацдармом для борьбы не только с Турцией и Ираном, но и с державами Запада: Англией и Францией, — борьбы за торговые пути и рынки в Передней Азии, за господствующее влияние в Иране и Турции. Это соперничество с великими державами осложняло традиционные задачи восточной политики царской России: борьбу с турецкой экспансией и изгнание турок из Европы. Возрастающее же бессилие Ирана и Турции вызывало особенно напряженный интерес к ним.

Трактат 1783 г.[1], рассматривавшийся в Европе как триумф царской дипломатии на Востоке, вызвавший особенно пристальное внимание Франции и Англии к кавказским делам[2], был продиктован не только непосредственными политико-экономическими интересами царской России на пути продвижения ее в Переднюю Азию, но также интересами и самой Грузии. Царское правительство, однако, предполагало создание сильного Грузинского царства собственными ресурсами этого царства: жертвы деньгами и людьми для достижения этой цели не входили в задачи царского правительства.

В силу трактата 1783 г. руководство внешней политикой царства Картлия — Кахетия переходило к русскому царю. Грузинский царь становился вассалом русского царя. За это он получал от последнего гарантию целостности царства не только в настоящих его пределах, но и с будущими к нему приобретениями и гарантию сохранения престола за царствующим домом Багратидов. Внутреннее управление царством было предоставлено в полную царя Ираклия «волю и пользу».

---

[1] ПСЗ. Т. XXI, стр. 1013—1016. № 15835. Проект договора с прибавлением сепаратных артикулов опубликован также Цагарели А. «Грамоты», Т. II, вып. 2, стр. 32—41.

[2] По получении от кн. Гр. Потемкина донесения о заключении трактата Екатерина II писала ему (письмо от 18 августа): «Я письмо твое от 5 сего месяца получила через подполк. Тамару, который привез и грузинское дело, за которое снова тебе же спасибо. Прямо ты — друг мой сердечный! Voilà bien des choses de faites en peu de temps. На зависть Европы я весьма спокойно смотрю, пусть балагурят, а мы дело делаем. По представлениям твоим дела не будут залеживаться. Изволь присылать». См. Дубровин Н. «История войны и владычества русских на Кавказе» Т. II, стр. 11. СПБ. 1886.

Трактат не содержит в себе никаких указаний на практические мероприятия по приведению его в действие — с обеих сторон он носит характер декларации, публичной демонстрации взаимной симпатии. Вступлением к договору, предназначенным как бы для того, чтобы подкрепить решимость царя Ираклия, служит заявление Екатерины II, что «от давнего времени Российская империя по единоверию с грузинскими народами служила защитой, помощью и убежищем тем народам и светлейшим владетелям их против угнетения, коим они от соседей своих подвержены были».

Как бы ободренный этим «милостивым» вступлением российской императрицы, Ираклий II тотчас же (1-й «артикул» договора) бросает вызов вековым врагам Грузии, Ирану и Турции, заявляя именем своим и своих наследников, что он «торжественно навсегда отрекается от всякого вассальства или, под каким бы то титулом ни было, от всякой зависимости от Персии или иной державы и объявляет перед лицом всего света, что он не признает над собой и преемниками иного самодержавия, кроме верховной власти и покровительства» российской императрицы и ее преемников.

Трактат заканчивается перечислением «милостей» императрицы грузинскому народу («артикулы» 9, 10 и 11): благородному сословию даруются те права, преимущества и выгоды, какими пользуется это сословие в Российской империи; жители Картлии и Кахетии получают право свободного передвижения и переселения в Россию и обратно; купечеству даруются право свободной торговли в России и преимущества и льготы русского купечества. Только о лицах крестьянского сословия не вспоминает ни одна из договаривающихся сторон.

К трактату приложены четыре сепаратных статьи. Заслуживает особенного внимания 1-я статья, в которой с большой определенностью формулируется мысль о национальном единстве грузинских народов, как народов «единого происхождения и закона», и дается дружеский совет царю Ираклию приложить все усилия к прекращению вражды с имеретинским царем Соломоном, дается также и со стороны царского правительства обещание всемерно содействовать установлению между ними доброго согласия. Остальные три статьи касаются военной защиты царства Картлия — Кахетия. Царское правительство дает обещание по возможности защищать Грузию оружием в случае войны и содействовать во время мирных переговоров возвращению отторгнутых от Грузии земель. В Грузию было отправлено для защиты ее границ два батальона пехоты при четырех пушках. Посылка войск в Грузию соответствовала самым главным давнишним желаниям ее царей. «Зачем ты плачешь, дом Давидов? Пока грузинское войско имеет во главе царя Ираклия, этого Моисея наших времен, и пока этот славный царский дом добывает вспомогательные отряды из великой России, из Сибири, кто смеет унизить тебя!» — так выражена была надежда на помощь России в надгробном слове царю Ираклию, произнесенном Соломоном Леонидзе.

Но, как известно, пребывание русского отряда в Грузии было недолговременным. Летом 1787 г., еще до начала войны Турции с Россией (она началась осенью), отряд этот был выведен из Грузии. Это было демонстративное, по отношению к Турции, отстранение России от дел Закавказья, дальновидно подготовленное событиями предыдущего года. Мы имеем в виду заключение летом 1786 г., с ведома российского правительства, мирного договора царя Ираклия с Сулейман-пашой ахалцихским, наиболее враждебным своим соседом, управлявшим областью, которая некогда была исконной частью Грузинского царства (Месхетия). По этому договору, царь Ираклий обязывался держать в Грузии не более 3 тыс. человек русского войска и лишь с целью защиты от возможных нападений со стороны враждебных ему соседей. Сообщение об этом договоре было послано верховному визирю в Константинополь. Тогда же

обратился с письмом к царю Ираклию и другой воинственный турецкий феодал, эрзерумский Патал-Хусейн-паша, советуя Ираклию вовсе прогнать русское войско из Грузии и принять покровительство султана. За это паша обещал свою дружбу и защиту от нападений лезгин[1].

Договор о протекторате был встречен крайне враждебно всеми мусульманскими соседями Грузии: лезгинами Дагестана, азербайджанскими ханами, турками Ахалциха. Нападения на Грузию турок вместе с лезгинами усилились. Нам уже известно, какую непримиримую позицию заняла Порта Оттоманская в вопросе о протекторате России над Грузией, хотя в момент заключения договора она и не протестовала против него. Письма и посольства царя Ираклия к российскому правительству с просьбой о помощи свидетельствуют о трудности его положения в связи с усилением враждебных отношений Турции с Россией[2].

Увод русских войск успокоил соседей Грузии, на это и рассчитывало царское правительство.

Последовавшее во время войны с Россией поражение турок на западном фронте поднимает настроение и в Грузии. Царь Ираклий, вопреки обязательствам своего трактата с Сулейман-пашой ахалцихским, обращается с письмом к князю Потемкину (от 22 мая 1788 г.), в котором просит включить в ожидавшийся мирный договор с Турцией пункт о возвращении Картлии — Кахетии Ахалциха, а Имеретии — Адчарской области как «издревле оным принадлежащие». Если же последнее невозможно, то внести пункт о возмещении убытков, причиненных Грузии со стороны Порты Оттоманской[3]. Письмо это было послано с курьером, кн. Сулханом Туманишвили, в Яссы. Просьба царя Ираклия была исполнена, однако в очень малой степени. По пятому пункту договора, турецкое правительство обязалось удерживать ахалцихского пашу и пограничных начальников от нападений на Грузию, чтобы они «впредь ни тайно, ни явно ни под каким видом не оскорбляли и не беспокоили земель и жителей, владеемых царем Карталинским...»[4].

Но если попытка турецкого султана предъявить права на Грузию оказалась неудачной, то выступление другого бывшего сюзерена Грузии, иранского шаха, на этот раз оказалось для нее роковым.

Еще с начала 90-х годов XVIII столетия в Грузии ждали нападения и с этой стороны. В середине 90-х годов в Иране укрепился новый владетель из рода Каджаров, свирепый и воинственный Ага-Мохаммед-хан. Захватив шахский престол, которого он добивался в течение многих лет, Ага-Мохаммед-хан на следующий же год предпринял карательную экспедицию в Грузию со стороны Ганджи. 12 сентября 1795 г. Тбилиси был превращен в развалины. Иранцы неистовствовали в течение девяти дней, их отряды проникали до Мцхета. Вместе с ними грабили Тбилиси и пришедшие на помощь к царю Ираклию имеретинцы. Отряды же кахетинцев, приведенные из Кизика, ушли, не защищая города. До 30 тыс. грузин было уведено в плен, много тысяч было убито[5]. Религиозному сознанию

[1] Рапорт С. А. Лашкарева (Лашкаришвили), агента Коллегии иностранных дел, вице-канцлеру графу И. А. Остерману от 14 декабря 1786 года. См. Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 59—60.

[2] Чрезвычайный интерес для характеристики затруднительности положения царя Ираклия представляет письмо, написанное после смерти князя Потемкина из Ясс послом царя Ираклия Сулханом Туманишвили, повидимому, к графу Безбородко (адресат не указан). Это письмо не вошло в сборник документов, опубликованных А. Цагарели. Подлинник и перевод письма хранятся в ГАФКЭ, в деле № 18 «Грузия 1774—1804 гг.», лл. 115—116 об., 117—118.

[3] Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 66.

[4] ПСЗ. Т. XXIII, стр. 290, № 17008. Ясский мирный договор 29 декабря 1791 года.

[5] Эти данные требуют уточнений, они неодинаковы в разных источниках. По сведениям, например, царевича Давида, было уведено в плен всего до 3 тысяч человек (Царевич Давид «Краткая история Грузии». Тифлис. 1893). По сообщению же царя Ираклия (письмо к графу Гудовичу от 17 сентября 1795 г.; Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 107) пленных было 30 тысяч. Однако общепризнанным является, что это нашествие было для Грузии огромным и исключительным бедствием.

современников это нашествие представлялось страшным судом. Удовлетворяя свое чувство мести и по отношению к русским, шах приказал всех русских беспощадно истреблять. 27 русских матросов, приведенных в Тегеран, были задушены, но предварительно их самих принудили выполнять роль палачей: заставили вырвать глаза у 40 осужденных иранцев.

Помощь протектора запоздала. Она прибыла в декабре 1795 г., когда была уже ненужна. В Петербурге не допускали возможности такой дерзости Ирана в отношении России и поэтому медлили с разрешением вопроса о помощи, о которой просил царь Ираклий и командующий на Кавказской линии граф Гудович. Имело значение и то, что Турция крайне ревниво относилась к пребыванию русских войск в Грузии, а международная обстановка в это время, в связи с разделом Польши, была особенно сложной.

Карательная экспедиция Ага-Мохаммед-хана в Грузию нашла сочувственный отклик у соседей: Порта послала шаху поздравление с предложением союза; французский посол в Константинополе направил в Тегеран миссию во главе с известными натуралистами Оливье и Бруньером. В депеше в Комитет общественного спасения посол указывал на благоприятный момент для дел Французской республики в Иране и запрашивал о более широких инструкциях для миссии[1]. Дальнейшие планы Ага-Мохаммед-хана в отношении Грузии поддерживались Французской республикой, последняя настойчиво побуждала шаха поднять оружие против России[2]. Лишь насильственная смерть Ага-Мохаммед-хана (4 июня 1797 г.) избавила Грузию от ужасов задуманного им второго похода.

На выступление Ага-Мохаммед-хана царское правительство ответило походом на Иран графа Валериана Зубова весной 1796 года. Успешно начатый поход—взятие Дербента, Баку, Кубы—был неожиданно прерван смертью Екатерины II. Приказом нового императора, Павла I, Зубов и его войска были отозваны, а завоеванное возвращено Ирану. В результате Иран считал себя победителем. Павел I решительно отказался от активного исполнения обязанностей протектора. В рескрипте Гудовичу он указывает направление своей закавказской политики: «Соблюдать с сим владетелем (царем Картлии—Кахетии.— *О. М.)* всякое пристойное сношение», поддерживать единодушие и согласие его с другими владельцами, чтобы «мы колико можно меньше имели надобность вступаться за них вооруженной рукой. Словом, доводя дело до такой степени, чтобы из сих к России благожелательных владельцев составилось федеративное государство, зависящее от нас, яко верховного их государя и покровителя, который тем меньше для них тягостен будет, поколику мы ни в образ правления мешаться, ниже от них дани или иные повинности, кроме верности единой к нам, требовать не намерены»[3]. Умолчание Павла I о руководстве внешней политикой царства и отозвание русского войска из Закавказья говорили о радикальном изменении закавказской политики.

Павел I встал на почву защиты прав суверенных правителей, троны которых зашатались под ударами Великой французской революции. Это привело его к защите прав турецкого султана от посягательств Французской республики на Египет и к заключению с ним в 1798 г. союзного до-

---

[1] Депеша французского посла Верньяка из Константинополя Комитету общественного спасения от 19 декабря 1795 г. De-Testa J. «Recueil des traités Porte Ottomane avec les puissances étrangères». T. II, p. 220. Paris. 1865. Союз между Портой и Ираном в этот раз не состоялся. Иранские послы, посланные в конце 1796 г., не были приняты в Константинополе, и отношения обоих правительств вновь стали непримиримо враждебными. (Донесение прусского посла в Константинополе Бильфельда от 25 января 1797 г.) См. Zinkeisen J. W. «Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa». Theil VII, S. 213—214, Gotha. 1868.

[2] Депеша Бильфельда от 10 июня (н. ст.) 1797 г., Zinkeisen J. «Geschichte...» S. 218.

[3] Рескрипт Павла I графу Гудовичу от 5 января 1797 года. Дубровин Н. «История войны и владычества русских на Кавказе». Т. III, стр. 199. СПБ. 1886.

говора. (В силу этой дружбы с российским императором султан не протестовал в дальнейшем против присоединения Грузии к России).

Провозглашенные Павлом I принципы его политики: невмешательство во внутренние дела Грузии и сочувствие прекращению феодальной борьбы и созданию национальной единой Грузии — не были новыми; они нашли свое выражение еще в трактате 1783 года. Откликом на призывы к единению, необходимость которого так давно сознавалась царем Ираклием и которого российская дипломатия добивалась с целью скорейшего утверждения своего влияния во всем Закавказье, явилось заключение в 1790 г., недолговременного впрочем, союза между всеми грузинскими владениями: Картлией — Кахетией, Имеретией, Мегрелией и Гурией. В заявлении, поданном в 1793 г. Екатерине II от имени всех владетелей грузинских, заключивших союз, с просьбой о покровительстве всей Грузии, указывается на то, что высочайший двор «с давних пор постоянно предлагал всем нам, всем царям иверским, соединиться вместе»[1]. Братья Зубовы особенно настойчиво убеждали царя Ираклия и его посланника Чавчавадзе в необходимости прекращения феодальной розни[2]. Однако эти призывы не достигали цели за полным отсутствием внутренних возможностей их реализации, что с полной очевидностью явствует из ответа царя Ираклия Валериану Зубову: «Восстановить единовластие и уничтожить уделы он, по старости лет, не может, предоставляя все в полную волю его императорского величества»[3]. Но конечно, не в старости Ираклия было дело, а в том перевесе центробежных сил над центростремительными, перед которым царь Ираклий был бессилен и в более цветущую пору своей деятельности.

Если задача создания внутреннего единства страны была и тогда не под силу царю Ираклию, то тем менее он мог разрешить ее теперь, когда Павел I отозвал свои войска из Грузии и когда, следовательно, ответственность за внешнюю безопасность всецело легла на ослабевшие плечи царя Ираклия. Все представления грузинского полномочного посла в Петербурге князя Чавчавадзе о протекторате и о присылке войск оставались без ответа.

Однако позиция Павла I по отношению к Грузии не могла быть прочной; не только благодаря изменению международной обстановки, о чем речь будет далее, но и ходом дел в самой Грузии царское правительство волей-неволей втягивалось в ее внутренние дела. К концу царствования Ираклия II междоусобица в царском доме обострилась. Порядок престолонаследия, установленный Ираклием в 1794 г., стал источником постоянной вражды дядей с племянниками. Царь Георгий XII, наследовавший престол после смерти своего отца Ираклия II (11 января ст.ст. 1798 г.), слабовольный и слабоумный правитель и болезненный человек, заботами об утверждении престола за своим сыном Давидом способствовал переходу вражды в открытое междоусобие. Неустойчивость положения царя усиливалась вследствие возобновления притязаний Ирана на Грузию. Совокупность всех этих моментов и послужила побудительной причиной для новых переговоров с Россией о возобновлении трактата о протекторате.

В своем послании Павлу I от 11 октября 1798 г.[4] Георгий XII просит об утверждении себя на царстве, а сына Давида — своим наследни-

---

[1] Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 270.

[2] Представление князя П. А. Зубова царю Ираклию 30 апреля 1796 года с резолюцией Екатерины II: «быть по сему», см. Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 140—142; письмо графа В. А. Зубова к князю Чавчавадзе 10 октября 1796 года, см. там же; стр. 147—149.

[3] Донесение возвратившегося из Грузии премьер-майора Вердеревского графу В. А. Зубову, по поручению царя Ираклия, осенью 1796 года. См. Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 152. Возникает вопрос: достаточно ли точно русский генерал выполнил это поручение?

[4] Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 188—190.

ком. Вместе с тем он просит о присылке в Грузию «на вечное пребывание» трехтысячного корпуса российских солдат с орудиями, а в случае нападения шаха на Грузию — о присылке еще семитысячного отряда. Продовольствие для этих войск Георгий XII обещал обеспечить, но выполнить это, судя по опыту прошлого, он, конечно, не смог бы. Утвердительная грамота Павла I последовала лишь через шесть месяцев — 18 апреля 1799 года [1]. Вновь назначенный полномочный министр при грузинском царе статский советник П. И. Коваленский отправился в Грузию с этой грамотой и знаками инвеституры: новой короной (старую захватил Ага-Мохаммед-хан), знаменем, саблей, скипетром, троном и горностаевой мантией.

Итак, после длительного периода колебаний как со стороны российского императора, так и грузинского царя возобновилось прежнее положение. Согласие Павла I было вызвано непримиримостью позиции Ирана и его требованиями от Георгия покорности и присылки заложника в лице царевича Давида [2], а также слухами о не вполне твердой позиции Георгия XII по отношению к шаху и султану [3] и, наконец, заявлениями полномочного посла князя Гарсевана Чавчавадзе в Коллегию иностранных дел о возможности полного отказа Грузии от вассалитета России и возобновления прежних отношений покорности Ирану и Турции. Не личной прихотью, таким образом, слабоумного Георгия XII и близкого к сумасшествию Павла I были вызваны их решения, но требованием момента, объективным ходом вещей, которым было продиктовано и дальнейшее сближение.

Возобновление трактата с Россией в условиях крайне тяжелого внутреннего положения Грузии предрешало, собственно, вопрос о подданстве. Спасти положение в стране могла только сильная власть. Для организации такой власти, при наличии анархии в стране, необходимы были решительные шаги и от вассала и от сюзерена. Решительные шаги сюзерена должны были сопровождаться новыми затратами материальных средств и могли вызвать осложнения на международной арене, поэтому они должны были быть обусловлены трезвым политическим расчетом. У Павла I этот расчет, как увидим, был.

Инициатива дальнейшего сближения вновь исходила от Георгия XII. На получение утвердительной грамоты Павла I ушло более года. За это время положение Георгия XII еще более ухудшилось. Будучи царем без фактической власти, без морального авторитета, не имея ни денег, ни войска, Георгий XII видел единственный выход в обращении к русскому царю. В полномочии его послу Чавчавадзе от 7 сентября 1799 г. [4] на ведение переговоров о подданстве читаем: «Предоставьте им все мое царство и мое владение, как жертву чистосердечную и христиански праведную, и предложите его не только под покровительство высочайшего великого русского императорского престола, но и предоставьте вполне их власти и попечению, чтобы с этих пор царство Картлосианов считалось принадлежащим державе российской с теми правами, которыми пользуются находящиеся в России другие области». Предлагая принять царство «в полную свою (т. е. русского царя. — *О. М.)* власть и распоряжение», Георгий вместе с тем просит пожаловать ему и его детям по-

---

[1] Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 204—205.

[2] Фирман Баба-хана царю Георгию XII от 5 июня 1898 года. Там же, стр. 181—182. Подобные фирманы посылались Ираном и позднее.

[3] Повидимому, Георгий XII действительно обращался к шаху с выражением покорности и признанием ошибочности поведения своего отца по отношению к Ирану. Об этом имеется свидетельство историка Уэтсона (Watson «A. History of Persia», p. 141. London, 1866), а также и царицы Дареджаны, мачехи Георгия, которая вспоминает об этом в письме Кноррингу от 24 января 1801 г. («Акты». Т. I, стр. 205.)

[4] Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 287—288.

местья в Российской империи «в полное и потомственное владение», при этом напоминает о подававшихся им раньше об этом прошениях. Он просит также сохранить за его домом царское звание и «допустить царствовать наследственно, как это было при предках моих».

Такое «полномочие» послу Чавчавадзе было началом агонии суверенного царства Картлия — Кахетия; подобная форма подданства: сохранение звания, но не власти, юридически царь, а фактически — безвластный подданный — неминуемо должна была привести к полному упразднению царства. Не нужно думать, что решение Георгия XII стояло в резком несоответствии с политикой предыдущего царствования — Ираклия, что мысль о более тесном, чем протекторат, сближении была совершенной новостью. Отказ Ираклия от ведения самостоятельной внешней политики, являющийся основным пунктом договора о протекторате 1783 г., сделанное Ираклием в конце его царствования предложение российскому правительству: дать «царю и народу всероссийский закон для управления государством, дабы оным исторгнуть некоторые вкравшиеся издревле азиатские несправедливости судопроизводства»[1], а также взять в эксплоатацию грузинские рудники — также были шагами по тому же пути.

Просьба Георгия XII о подданстве не была выражением его единоличной воли: он, безусловно, находил поддержку своим намерениям среди определенной группы феодалов — светских и духовных. Особенно своей приверженностью к российскому правлению известен был архимандрит монастыря Иоанна Предтечи Евфимий, царский духовник.

Решение царя о подданстве не противоречило и стремлениям масс, ждавших выхода из своего тяжкого положения. Как они выражали свое отношение к новой власти, увидим позже.

Таким образом, еще до фактического осуществления трактата о протекторате, т. е. еще до прибытия в Грузию русского войска и полномочного министра Коваленского с утвердительной грамотой Павла I, Грузией уже были сделаны шаги к ликвидации этого трактата.

Русское войско, 46-й полк егерей генерала Лазарева, прибыл в Тбилиси в конце ноября 1799 года. Вслед за ним прибыл и министр Коваленский. 12 декабря 1799 г. царь Георгий принес торжественную присягу верности. В инструкции и рескрипте Павла I на имя Коваленского от 16 апреля 1799 г.[2] с чрезвычайной твердостью было высказано повеление «не допускать утверждения в Грузии власти шаха» и предупреждать последнего о невозможности каких бы то ни было посягательств с его стороны на Грузию. Рескрипт всецело стоял на почве трактата 1783 года.

Возобновление трактата вызвало резкие протесты Ирана, и посягательства шаха на Грузию после этого возросли. «С самого того времени, как весь земной шар разделился на четыре части, Грузия, Кахетия и Тифлис заключаются в Иранском государстве»[3],— заявил Коваленскому первый министр Фетх-Али-шаха (он же Баба-хан). С исключительным упорством отстаивал Иран свои притязания и в дальнейшем, угрожая мщением, рассылая фирманы и перейдя с помощью своих западных «друзей» к вооруженным выступлениям. Заняв твердую позицию по отношению к Ирану, правительство Павла I тем не менее не имело намерения усиливать его раздражение. Повидимому, уступкой Ирану был отзыв Коваленского с поста полномочного министра[4]. передача руководства внешней политикой царства Картлия—Кахетия российскому министру вызва-

---

[1] Представление посла Чавчавадзе Павлу I от 11 июня 1797 года. См. Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 165—169.

[2] «Акты». Т. I, стр. 93—96.

[3] Перевод письма от визиря Хаджи-Ибрагима-хана министру П. И. Коваленскому (конец 1799 г.). «Акты». Т. I, стр. 96—97.

[4] Отзывная грамота Коваленскому от 3 августа 1800 г. «Акты». Т. I, стр. 109.

ла особенно резкие протесты шаха. Мало того, Павел I поручил командующему на Кавказской линии Кноррингу узнать доподлинно, в чем состоят истинные намерения шаха и его наследника Аббас-Мирзы. Не хотят ли они только того, чтобы царь грузинский помогал им в войне с соседями? Если так, «то сие можно будет согласить и без военных действий с нашей стороны»[1]. На запрос Кнорринга царь Георгий отвечал, что никакой помощи от грузин персиянам не нужно, но «они стараются завладеть Грузией и повергнуть ее себе в рабство»[2].

IV. Положение в Передней Азии в связи с изменением международной конъюнктуры на Западе. Анархия в Грузии. Переговоры о подданстве. Манифест Павла I о присоединении Грузии

Малая в общем заинтересованность петербургского правительства закавказскими делами продолжалась около года. К концу 1800 г. положение радикально изменилось. Павел I стал проявлять исключительную активность в закавказских делах. Этот интерес к Закавказью был обусловлен изменениями в международной ситуации на Западе, разрывом сношений с Англией и сближением с Францией. Разрыв с Англией произошел еще в мае, но положение стало особенно напряженным после занятия англичанами острова Мальты в сентябре 1800 года. Ответом на этот шаг англичан был приказ Павла I о походе в Индию, являвшуюся центром английского могущества в Азии.

Изменение международной ситуации на Западе тотчас же отразилось и на положении дел в Передней Азии. Если до сих пор правительство Великобритании стремилось отвлечь внимание царской дипломатии от дел в Передней Азии, то теперь правительство Наполеона, наоборот, старалось привлечь это внимание предположениями о возможности раздела Турецкой империи. Записка Растопчина[3], кабинет-министра по иностранным делам при Павле I, с изложением проекта раздела Турции, говорит о том, как далеко зашли планы царской дипломатии.

Если в 90-х гг. XVIII в. французская миссия Оливье и Бруньера встретила в Иране благожелательный прием, то теперь французским гражданам въезд в Иран был запрещен в результате появления здесь миссии Остиндской компании капитана Малькольма (в конце 1799 г.) и заключения ею договора с Ираном (в начале 1801 г.), целиком направленного против Франции, а также и России. Нельзя не упомянуть и о том, что после занятия острова Мальты — сначала французами (в 1798 г.), а затем англи-

---

[1] Рескрипт Кноррингу от 10 июля 1800 года. «Акты». Т. I, стр. 106.

[2] Письмо царя Георгия XII Кноррингу от 6 августа 1800 года. «Акты». Т. I, стр. 128—129.

[3] Опубликована в «Русском архиве», кн. I за 1878 г., стр. 103—110, под заглавием «О политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования». На записке Павел I написал 2 октября 1800 г.: «Аппробую план ваш, желаю, чтобы вы приступили к исполнению оного. Дай бог, чтобы по сему было». Как согласовать этот проект раздела Турции с теми официальными шагами, которые при сближении с Наполеоном были предприняты правительством Павла I в целях защиты интересов Порты? Мы имеем в виду инструкцию от 19 декабря 1800 г. Колычеву, отправленному в Париж для переговоров о союзе России с Францией. Колычев обязан был настаивать на возвращении Турции Египта, занятого Наполеоном (См. «Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I» в «Сборнике императорского российского исторического общества». Т. 70. 1890). Наполеон, как известно, надеялся, наоборот, при помощи союза с Павлом I закрепить за собой Египет (см. его письмо к брату Иосифу от 21 января 1801 г. в «Correspondances de Napoléon I-er». T. VI, p. 585). Очевидно, проект раздела Турции был одобрен Павлом I в качестве перспективного плана, для данного же момента важно было защитить Турцию, союзницу России. Сам же Растопчин в письме к Колычеву от 15(27) января 1801 г. настаивает на этом, указывая, что это важно также в целях уничтожения видов Англии на Египет, а следовательно, и на всю торговлю Средиземного и Красного морей («Сборник И. Р. И. общества» Т. 70, стр. 34—35).

чанами (в сентябре 1800 г.) — Грузия предназначалась Павлом I, великим магистром Мальтийского ордена, для местопребывания этого ордена.

Итак, в свете больших задач международной политики, для правительства Павла I вполне выяснилось политическое и стратегическое значение Закавказья. Повышение же активности великих держав в Передней Азии являлось побуждением для занятия здесь более прочных позиций в целях предупреждения захвата их конкурентами. В результате всех этих моментов и встал на очередь вопрос о пересмотре трактата о протекторате с Грузией на основании его 12-й статьи, предусматривавшей возможность такого пересмотра, если соответствующие пожелания будут выражены с обеих сторон.

С возобновлением трактата о протекторате положение Георгия XII не улучшилось. Междоусобия в семье не прекратились; посланцы Аббас-Мирзы, наследника шахского престола, особенно непримиримого противника России, владения которого были ближайшими к границам Грузии, постоянно появлялись в Тбилиси, требуя решительного ответа, и потерявший мужество Георгий XII вновь начал переговоры о подданстве России. Грузинское посольство во главе с князем Гарсеваном Чавчавадзе, отправившееся в Петербург для принесения благодарности за принятие Грузии под покровительство, имело тайное поручение царя Георгия XII [1] — выработать в Петербурге акт о подданстве на основе ранее данного ему полномочия от 7 сентября 1799 года. На Кавказской линии посольство было задержано в ожидании разрешения из Петербурга, — здесь еще не предвидели поворота в закавказской политике Павла I и не спешили с отправлением послов.

Отчаянное положение не раз побуждало Георгия XII обращаться и к командующему на Кавказской линии Кноррингу с просьбой о присылке войск. «Если подкрепления не получим, то они (шах и султан. — *О. М.*) возьмут у нас и сына и вынудят другие условия, и тогда мы совершенно будем удалены от союза с вами» [2], — писал Георгий XII Павлу I в конце 1799 года. Он напоминал при этом, что царевич Давид, его сын и наследник, состоит генерал-майором российской службы; как же российский император допустит, чтобы он был отдан в заложники? Выполняя инструкции Павла, Кнорринг и Коваленский побуждают Георгия XII принимать собственные меры к защите страны и предупреждают, что русские войска совсем не предполагают оставаться в Грузии на «вечные времена», как он об этом просит [3]. Коваленский даже составил проект реорганизации грузинского войска.

Нужно думать, что не только постоянные продовольственные затруднения, дальность расстояния и отсутствие путей сообщения удерживали российское правительство от посылки в Грузию новых подкреплений, кроме полка егерей, отправленного в силу возобновленного трактата. Был еще один момент, заставлявший воздерживаться от посылки войск в Грузию: массовое дезертирство в русских войсках. Потребовалось даже издание Георгием XII специального указа с угрозами по адресу своих подданных, якобы укрывавших дезертиров.

Грузинское посольство, прибыв в Петербург, выработало проект акта о подданстве — ноту из шести пунктов. Она была передана в Коллегию иностранных дел 24 июня 1800 года [4]. В пункте первом этой ноты царь Георгий XII «усердно желает с потомством своим, духовенством, вельмо-

---

[1] Полномочие от 31 декабря 1799 года. ЦВИА ВУА. № 6164, 2. Материалы собранные шт-кап. генер. штаба Бушеном (копии), стр. 757—759.

[2] Цагарели А «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 288—289.

[3] Предписание Кнорринга Лазареву от 9 сентября 1800 года. «Акты». Т. I, стр. 152.

[4] Нота грузинских посланников князей Г. Чавчавадзе, Г. Авалова и Эл. Палавандова от 24 июня 1800 года. См. Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 292—294.

жами и со всем подвластным ему народом однажды навсегда принять подданство Российской империи, обещаясь свято исполнять все то, что исполняют россияне». Во втором пункте ноты говорилось, что царь Георгий просит об оставлении его царем, а после него и наследников его, чтобы они «имели первенствующую власть в своих царствах так, как об этом будет повелено от высочайшего двора». В третьем пункте он просит о немедленной присылке войск, еще до окончания переговоров о подданстве. Актом 24 июня было положено официальное начало переговорам о подданстве.

В истории этих переговоров нужно различать две фазы. Первая закончилась принятием Грузией подданства при Павле I без формального упразднения власти царя Картлии—Кахетии; вторая фаза — при Александре I — закончилась переходом Грузии в полное подданство России с полной ликвидацией державных прав дома Багратидов. Активными участниками переговоров в первой фазе и горячими сторонниками присоединения Грузии были: кабинет-министр по иностранным делам граф Растопчин [1], член Коллегии иностранных дел, управляющий экспедицией для дел по сношениям с азиатскими народами Сергей Лазаревич Лашкарев (Лашкаришвили), сам родом грузин, служивший ранее царским агентом на Ближнем Востоке и в данный момент связанный с грузинскими кругами в Петербурге, в Москве и в Грузии; епископ всех армян, живших в России, князь Иосиф Аргутинский, влиятельное в Закавказье лицо, пользовавшееся доверием царя Ираклия; граф А. А. Мусин-Пушкин, ученый минеролог, член берг-коллегии, в мечтах — обладатель золотого руна Колхиды, в реальной действительности — управляющий бездоходными грузинскими рудниками.

На основе ноты от 24 июня 1800 г. совместными усилиями вышеупомянутых лиц и грузинских послов была выработана нота из 16 пунктов, так называемые «просительные пункты» царя Георгия XII [2]. После аппробации их Павлом I (на этот раз понадобилось всего два дня для ответа послам) нота была отправлена в Грузию вместе с рескриптом Павла I Георгию XII о ее принятии [3]. Георгий XII должен был снова подтвердить «просительные пункты» и после этого, вместе с всенародной грамотой о желании подданства, они должны были быть доставлены обратно в Петербург. Так обставлялась юридическая сторона акта о подданстве российской дипломатией.

Условия присоединения в той формулировке, какая была им дана в акте о подданстве, означали фактическое упразднение автономии Грузии. Грузинское царство навсегда присоединялось к Российской империи. Грузинский царь превращался в наместника российского императора без законодательной власти. Отныне он обязан был управлять страной по российским законам и установлениям. При этом он становился русским помещиком, так как получал со своим потомством содержание и деревни в России, взамен доходов царства (в то время всего около 60 тыс. руб.), поступавших в распоряжение общеимперской казны. Эти условия наилучшим образом соответствовали интересам тех верхов грузинского общества, которые по своему положению, образованию, воспитанию и привычкам были больше связаны с правящими кругами России, чем с феодаль-

[1] Этот горячий сторонник присоединения Закавказья впоследствии, когда управление Грузией оказалось делом гораздо более сложным и беспокойным, чем представляли себе российские правители, не раз, повидимому, выражал сожаление о своем участии в этом деле. В письме от 3 мая 1804 г. к своему другу Цицианову, главнокомандующему в Грузии, он, не без обычной для него хвастливости, пишет: «Иногда, несмотря на дальние выгоды от присоединения Грузии, я сержусь на себя за то, что, постигнув дело сие, как надлежало совершил». См. Письма гр А. Ф. Растопчина к кн. П. Д. Цицианову. «Девятнадцатый век». Кн. 2, стр. 45. М. 1872.

[2] От 23 ноября 1800 года. «Акты». Т. I, стр. 179—181.

[3] «Акты». Т. I, стр. 181.

ной «самобытностью» в Грузии. Такая форма подданства укрепляла их материальное и политическое положение, выдвигала их, носителей традиций двухтысячелетнего древнего царства, в первые ряды русской аристократии, открывала им широкие возможности на пути к чинам, орденам и доходным местам в России. В то же время она удовлетворяла и защитников феодальной старины в самой Грузии.

Но по-иному думало российское правительство, принимая эти условия о подданстве Грузии. Совершенно очевидно, что полное упразднение царства Картлия — Кахетия было уже тогда поставлено в порядок дня. Об этом свидетельствуют распоряжения Павла I. Так, 15 ноября, после аудиенции по грузинским делам Растопчину и Лашкареву, император отдает Кноррингу сразу два новых приказа: о неназначении царю Георгию преемника в случае его смерти (о близости этой смерти Павел I был извещен) и второй приказ—об отправлении новых полков в Грузию[1]. Одновременно Растопчин пишет Кноррингу, что в Грузии необходимо поддерживать дела «в их первобытном положении»[2] до момента прибытия туда новых полков. Следовательно, вопрос о полном присоединении Грузии в это время был уже решен, и аппробация «просительных пунктов» была лишь одним из приемов искусной дипломатии.

Изменение закавказской политики, обусловленное обострением соперничества на международной арене, подсказывалось событиями, развившимися в самой Грузии. Рассмотрим несколько подробнее, что происходило в Грузии в годы, непосредственно связанные с переходом ее к России, полные тревог и волнений, т. е. в годы 1800—1802. По прекращении междоусобия, время от середины 1801 г. до лета 1802 г., т. е. до введения российского правления, характеризуется, во-первых, общей борьбой царевичей обеих линий при поддержке части феодалов за царское достоинство; во-вторых, попытками феодального дворянства узнать «истинную» волю царя, так как ходили слухи, что Александр I был против упразднения царства; в-третьих, развитием в Южной Осетии антифеодальной борьбы крестьянства, которую пытались использовать царевичи в своих интересах.

Время после введения российского правления до прибытия в Грузию главнокомандующего князя Цицианова, в феврале 1803 г., ознаменовано вооруженными выступлениями феодалов в Кахетии, многочисленными попытками дворян объяснить царю «нужду свою» и, наконец, возникновением среди населения всеобщего недовольства российским правлением.

Царевичи старшей линии, сыновья Ираклия II, во главе с его вдовой царицей Дареджаной и его четвертым сыном царевичем Александром встали вместе со своими приверженцами-феодалами на путь измены своему народу, войдя в тайные сношения с шахом иранским, с ханом аварским и другими ханами. Этим они дискредитировали себя в глазах масс и дали повод российскому правительству для более решительных действий. В связи с тяжелой болезнью царя Георгия и близостью его смерти феодалы, разделившиеся на две партии, подавали российским властям петиции и распространяли воззвания, при этом кахетинские князья стояли за царевича Давида, картлийские — за царевича Юлона.

Обязанности российского протектора становились весьма сложными. Защищаться собственными силами грузины не могли. Шахские войска отдельными отрядами двигались к границам Грузии. «А на грузин надеяться нечего, — писал генерал Лазарев Кноррингу, — у них на 10 человек два ружья, а прочие вооружены кизиловыми обожженными палками. Да к тому еще присовокупить должно, что здесь внутренний беспорядок, что все

---

[1] Рескрипты Павла I Кноррингу от 15 ноября 1800 года. №№ 116 и 117. «Акты». Т. I, стр. 177 и 178.

[2] Письмо Растопчина Кноррингу от 26 ноября 1800 года. «Акты». Т. I, стр. 181—182.

бунтует, все из города бежит; но нынче наши караулы не пускают, а армяне, на коих такую твердую надежду полагают, для меня весьма подозрительны»[1]. Этот внутренний беспорядок создавали царевичи. «Удельные царевичи, братья царские, — писал тот же Лазарев Кноррингу 25 августа, — томясь неприличной жадностью к самоначалию и подбирая в партию недовольных правительством, напрягают дела к мятежу, буйству и беспорядку»[2]. Повидимому, победа на р. Иоре 7 ноября 1800 г. над полчищами аварского Омар-хана, приведенного в Грузию царевичем Александром, оказала особенное влияние на решение российского императора. Победа была одержана русскими войсками под начальством генералов Лазарева и Гулякова и грузинскими отрядами под начальством царевичей младшей линии — Иоанна и Баграта. Царевичи-дядья родину не спасали и в разгроме аварских полчищ не участвовали. Бессильный, больной царь Георгий считал свое царство уже принадлежащим русскому царю. В письме к генералу Лазареву он указывал на это, прося прекратить грабежи, производимые в Тбилиси самими же грузинами[3].

В Петербурге не стали стесняться нормами «международного права» и ждать нового подтверждения «просительных пунктов» царем Георгием и всенародной грамоты. 17 декабря 1800 г. в Государственном совете известным уже нам графом Мусиным-Пушкиным, сторонником присоединения, только что вернувшимся из выпрошенной им командировки для обследования грузинских рудников, было сделано подробное сообщение о положении в Грузии. После доклада Мусина-Пушкина Государственный совет принял постановление о присоединении Грузии к Российской империи. 22 декабря был подписан уже и манифест о присоединении, который решено было опубликовать по возвращении в Петербург послов грузинского царя. Но 28 декабря 1800 г. царь Георгий умер, и по получении сообщения о его смерти манифест был тотчас же, 18 января, объявлен в Москве и Петербурге[4].

Между тем в Грузии после смерти Георгия XII во главе управления встал Совет, в который вошли приближенные к царю сановники, царевич Иоанн, помогавший в управлении Георгию XII при его жизни, и генерал Лазарев. В ожидании перемен распри между царевичами на время затихли. Грузинские послы, князья Авалиани и Палавандашвили, с названными выше «просительными пунктами» возвратились из Петербурга в Тбилиси уже после смерти Георгия XII. По объявлении ими «просительных пунктов» царевич Давид был объявлен временным правителем, до утверждения его на царство. Им было тотчас же (в январе) отправлено в Петербург многочисленное посольство вместе с полномочием для Чавчавадзе, Авалиани и Палавандашвили на выработку соглашения о порядке управления царством грузинским.

С переходом власти к царевичу Давиду положение в Грузии вновь осложнилось. Царевич Давид приводил подданных к присяге с помощью телесных наказаний[5]. Царевичи старшей линии и царица Дареджана категорически отказались признать и «просительные пункты» и царевича Давида. Братья Юлон и Вахтанг заявили российским властям, что для них приятнее было бы полное упразднение царства чем правление царевича Давида[6]. Под влиянием разноречивых слухов о судьбе царства стали волноваться и некоторые кахетинские феодалы. Однако развитие волнений

---

[1] Письмо Лазарева Кноррингу от 4 августа 1800 года. «Акты». Т. I, стр. 124.

[2] Рапорт Лазарева Кноррингу от 25 августа 1800 года. «Акты». Т. I, стр. 143.

[3] Письмо царя Георгия Лазареву от 7 декабря 1800 года. «Акты». Т. I, стр. 183—184.

[4] ПСЗ. Т. XXVI, стр. 502. Манифест опубликован под датой его объявления.

[5] На это жалуется царица Дареджана в письме к Кноррингу от 25 января 1801 года. ЦВИА ВУА № 39—177, лл. 109—110.

[6] Письмо царевичей Юлона и Вахтанга Лазареву от 22 января 1801 года. «Акты». Т. I, стр. 234—235; письмо Вахтанга Кноррингу от 7 февраля 1801 года. «Акты». Т. I, стр. 263.

было предупреждено выступлением в Кахетию, в январе, когда предполагался съезд всех царевичей, отряда генерала Гулякова в составе четырех рот при одной пушке и с царевичем Иоанном. Некоторые феодалы были тогда же арестованы. Между тем в Картлии по призыву правителя Грузии царевича Давида выступили со своими подвластными против старших царевичей князья Эристовы, заинтересованные в возвращении своих бывших владений, некогда отнятых у них царем Ираклием для своих сыновей. Эта попытка сведения феодальных счетов кончилась удалением царевичей братьев Юлона и Парнааза и их приверженцев в Имеретию.

Объявление 16 и 17 февраля в Тбилиси манифеста о присоединении Грузии к Российской империи прошло без инцидентов. По словам генерала Лазарева (несомненно, конечно, его впечатления были субъективны), он, «живучи здесь полтора года, еще не видал такого совершенного удовольствия, какое нынче существует»[1]. То же повторяет он и позднее: «Купечество же, городские жители и также многие поселяне в весьма большом восторге»[2]. Купцы заявляли Лазареву, что они теперь за три месяца столько получили барыша, сколько прежде «от баратов в год не получали». Купцы просили разрешения отправить депутацию в Петербург с принесением благодарности[3]. Правителем Грузии пока попрежнему оставался царевич Давид, но в связи со слухами об упразднении царства настроение его сильно испортилось[4].

Манифест Павла I грузинскому народу был очень краток, а формулировки его неопределенны. Павел I возвещал в манифесте, что, приняв во внимание истощение страны от внешних нападений и междоусобия в царском доме, «определили мы исполнить царя Георгия Ираклиевича и грузинского народа желание». Новым подданным торжественно объявлялось о сохранении всех прав, преимуществ и собственности, «законно» каждому принадлежащей, а также и о даровании им тех прав, вольностей, выгод, преимуществ, какими «наслаждаются» и древние подданные российские.

Неопределенность формулировок манифеста допускала различные его толкования. Непосредственные участники переговоров, грузинские послы, а также Лашкарев и др., понимали манифест в том смысле, что грузинское царство сохраняется, так как об его упразднении в манифесте ничего не говорится. Но содержавшийся в манифесте упрек в сторону царского дома и отсутствие ответа на главную просьбу Георгия XII о назначении ему преемника были знаменательны. Сам император Павел понимал свой манифест вполне определенно. «Я хочу,— читаем в его рескрипте Кноррингу от 20 января 1801 г., — чтобы Грузия, как уже к вам я писал, была губерния, и так тотчас же поставьте ее в сношения с Сенатом, а по духовной части с Синодом, не трогая их привилегий. Губернатор пусть будет кто-либо из царской крови, но под вами, и будет шеф Гусарского тамошнего полка»[5].

О характере решений петербургского правительства говорит и факт стягивания полков в Грузию. Весной 1801 г., в силу данного еще при жизни Павла I распоряжения, в Грузию на случай возможного нападения Ирана и Турции прибыли полки: драгунский, гренадерский, мушкетерский, казачий. Когда вопрос был решен, перед жертвами и последствиями не останавливались.

Указ Павла сенату от 6 марта 1801 г.[6] устанавливал состав управления Грузией из генерал-губернатора, вицегубернаторов по областям, про-

---

[1] Рапорт Лазарева Кноррингу от 21 февраля 1801 года. «Акты». Т. I, стр. 325.
[2] Письмо Лазарева Кноррингу от 24 марта 1801 г. Там же, стр. 335.
[3] См. об этом в том же письме Лазарева от 24 марта.
[4] Письмо Лазарева Кноррингу от 8 марта с информацией о настроениях царевичей и населения («Простой народ» доволен»). Там же, стр. 323.
[5] «Акты». Т. I, стр. 413.
[6] ПСЗ. Т. XXVI, стр. 566—567.

винциальной канцелярии с департаментами — суда и расправы и камеральных, или казенных, дел. Указом сената от 11 марта генерал-губернатором был назначен Кнорринг, а гражданским губернатором — генерал-майор князь Орбелиани [1]. Административное творчество Павла не получило, однако, практического осуществления так же, как не состоялся и торжественный прием грузинского посольства Павлом I в восточном одеянии грузинских царей и по церемониалу, выработкой которого он занимался накануне своей насильственной смерти. Несчастливое грузинское посольство, не заставшее в живых Георгия XII, не застало теперь в живых и Павла I: он был убит 11 марта 1801 года. Грузинский вопрос вновь осложнился.

V. Пересмотр вопроса о присоединении Грузии при воцарении Александра I. Манифест Александра I и «Положение» об управлении Грузией. Оппозиция кахетинских феодалов и ее характер. Заключение.

Разноречивые толкования манифеста, просьбы грузинских послов о покровительстве и подданстве, жалобы грузинских царевичей, мнение отдельных правительственных лиц о невыгодности для России приобретения Грузии и колебания самого Александра I в вопросе о присоединении вызвали новую постановку вопроса в Государственном совете. В апреле была внесена на обсуждение Государственного совета нота грузинского посольства, выработанная на основании названного полномочия царевича Давида.

Нота эта состояла из 20 пунктов [2], она выражала прежде всего интересы грузинских феодалов, больше всего беспокоившихся о собственном благополучии. Нота исходила из факта присоединения Грузии при Павле I и просила лишь о признании его. В ноте грузинские посланники обращаются к российскому императору от имени «вельмож грузинских, духовенства, народа и всех вообще», подтверждая этим как бы всенародность желания о принятии российского подданства. По существу, нота представляет собой облеченный в форму просьбы проект по вопросам управления, административного устройства и внутренней политики Грузинского царства.

О порядке верховного управления Грузией говорилось во втором пункте ноты. Послы просили назначить правителем царства кого-либо из царевичей (о кандидатуре царевича Давида не упоминалось) в качестве наместника российского императора, с титулом царя грузинского, а для истолкования законов и приказов, издаваемых российским императором, назначить ему помощника из российских вельмож. «На первый случай необходимо, чтобы обрадовать и ободрить народ, пока приобыкнет, иметь единое только титло царя», — гласил текст ноты. Все дела управления решаются сообща царем и его помощником. Все донесения чиновников поступают также на их имя. Пределы власти грузинского царя в ноте определялись так: чтобы «императорский наместник, а тамо именуемый «царь», ни под каким видом сам собой не дерзал издавать каких-либо законов, повелений, учреждений и не подписывал один без подписания определенного ему в помощь». Следовательно, автономия, которую старались выговорить грузинские послы, заключалась лишь в сохранении видимости

---

[1] Печатный экземпляр этого указа имеется в ЦВИА, оп. 59, св. 442, д. № 2403. Чрезвычайно интересно отметить, что когда Грузия была вновь принята под протекторат России, царь Георгий XII просил через своего посла, князя Чавчавадзе, чтобы при войсках, отправляемых в Грузию, не было никого из грузин «и кольми паче полковника князя Дмитрия Орбелиани, который ежели со здешним корпусом туда прислан будет, не может не быть царю, моему государю, сомнителен и неприятен». (Записка, поданная Чавчавадзе в Коллегию иностранных дел от 18 января 1799 года. Ее перевод с грузинского см. Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 198). Теперь этот самый Орбелиани был назначен гражданским правителем Грузии.

[2] Перевод грузинской ноты от князей Чавчавадзева, Авалова и Палавандова. Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 226—240.

власти национального царя. Фактические пределы этой власти были более ограничены чем пределы власти российского губернатора.

Послы стараются выговорить для феодалов первые места в присоединенном царстве, имения и пенсионы в России и даже приходы для бесприходного грузинского духовенства. Послы просят запретить переходы крестьян от одного помещика к другому, а также переселения грузинских крестьян в Россию и русских крестьян — в Грузию. Несомненно, в интересах увеличения числа крепостных и владений феодалов они предлагают разрешить вопрос о леках (лезгинах) из Джаро-Белакан, постоянно нападавших на селения в Кахетии; они предлагают послать туда карательную экспедицию соединенными силами русских и грузин и для избавления от «сего слабого и маловажного народа» — поголовное выселение его в Грузию для размещения по разным уездам (очевидно, на помещичьих землях), а на освободившиеся места — расселение христиан: охотников много найдется «по причине изобилия сего места».

Узкокастовыми интересами продиктовано и предложение послов о ликвидации такого феодального института, как княжеские дворяне. Эти дворяне, сидевшие на землях тех князей, которым они были обязаны своей ратной службой, и обладавшие правом свободного перехода от одного феодала к другому, теперь, когда защиту Грузии от внешних врагов брали на себя главным образом российские войска, становились экономически невыгодны для своих сюзеренов. Авторы ноты, рекомендуя этих дворян как весьма способных к военной службе, предлагают отозвать их от помещиков, «дать им равное имущество и употреблять к подвигам высочайшей службы».

Пункт четвертый ноты о торговле, или, точнее, о таможнях, стремится обеспечить доходы грузинских князей и дворян тем, что в нем выставляется требование, чтобы центральная таможня в Тбилиси возглавлялась «природным грузинским князем» с одним помощником из «тамошних дворян и одним из россиян» и чтобы во всех других таможнях было по одному грузинскому чиновнику и по одному из россиян. Внутренние пошлины предлагается отменить и провозгласить принцип свободной торговли, а для «общего приласкания как грузинского, так и соседственного оному купечества» к распространению коммерции и «бодрения» предлагается уменьшение размера пошлин: «это может дать идею к распространению торговли в Басору, Багдад и далее в Индию». Думается, что «мечты» о далекой Индии были, пожалуй, российского и армянского происхождения. Проектируемая пунктом четвертым ноты сеть пограничных таможен с центральной таможней в Тбилиси и уничтожение внутренних пошлин в целях уничтожения феодальной раздробленности в области экономики были явлениями новыми и прогрессивными для грузинской действительности.

Вопросу же о промышленности посвящено всего несколько строк в девятом пункте, где говорится о ставшем уже пресловутым вопросе о «рудах» Грузии, которые авторы ноты предоставляют «соизволению его и. в.». Совершенно очевидно, что вопросами промышленности грузинское дворянство не интересовалось.

Несомненно, новым моментом является требование двенадцатого пункта ноты — запретить продажу семейных людей в одиночку и вообще продажу людей заграницу — в Иран и Турцию. Возможно, что заинтересованность грузинских помещиков в повышении производительности крепостного труда и стремление обеспечить себя достаточным числом рабочих рук сказались при выработке этого требования.

Нота послов царевича Давида была последней попыткой правящих кругов Грузии сохранить автономию страны. Но автономия, которую они пытались отстоять, была, в сущности, фикцией, необходимой только как безболезненный переход к полному безоговорочному подданству.

Заседания Государственного совета 11 и 15 апреля 1801 г. открыли вторую фазу в переговорах о присоединении Грузии. Вопрос был поставлен радикально: или полное присоединение или полный отказ. Полное присоединение официально мотивировалось обоюдными интересами Грузии и России. Государственный совет исходил также из факта присоединения Грузии при Павле I и считал, что «достоинство империи» требовало подтверждения этого акта. Ввиду оппозиции присоединению самого Александра и так называемого Негласного комитета в Грузию был командирован для обследования положения на месте известный уже нам генерал Кнорринг, командующий на Кавказской линии. Александром I был дан ему рескрипт, в котором говорилось: «Вы будете при сем иметь в виду, что не для России присоединяется сей народ к империи, но собственно для него; что не наших польз мы в сем ищем, но единственно его покоя и безопасности; а потому в положениях ваших об управлении его не оставите вы принять во уважение прав его, сообразиться с нравами, обычаями и умоначертаниями, словом, вы будете взирать на страну сию не так, как на страну полезных для нас приобретений, но как на народ, взыскавший присоединиться к империи для собственного его счастья и дабы в недре ее обрести конец несчастиям его обуревающим»[1]. «Бескорыстное» сочувствие несчастиям грузинского народа со стороны верховного российского правителя,— несомненно, лишь красивая оболочка, лишь средство для наиболее эффектного впечатления, к чему имел пристрастие этот правитель. Как Государственный совет, так и Кнорринг и другие сторонники присоединения исходили из соображения выгодности его для обеих стран, что и было выражено в постановлении Государственного совета от 15 апреля[2]. Александр I в рескрипте Кноррингу упоминает о соображениях сторонников присоединения, желая, повидимому, тем самым еще больше подчеркнуть «бескорыстность» своего отношения к Грузии. «Не скрою от вас,— говорит он,— что достоинства империи, безопасность наших границ, виды Порты Оттоманской, покушения и порывы горских народов, все уважения собственных России польз от дальних времен заставляли правительство помышлять о сем происшествии и желать сего события». Желал сего события и Кнорринг, отправившийся на обследование Грузии, и Государственный совет, считавший «за благо принять Грузинское царство в подданство».

24 мая Кнорринг прибыл в Тбилиси. Он устранил от дел правления царевича Давида[3] и затем создал временное верховное правление из грузинских сановников под председательством генерала Лазарева. В результате 22-дневного обследования им 28 июля был представлен рапорт Александру I[4]. Основной его вывод: самостоятельное существование Грузии невозможно вследствие ее внутренней слабости; присоединение должно быть полным. 8 августа Государственным советом было вновь вынесено постановление о присоединении Грузии, оно было утверждено Александром I. Однако дискуссия о присоединении Грузии продолжалась и далее в связи с запиской графа Валериана Зубова, переданной Александром I на обсуждение Негласного комитета (заседание 13 августа). В записке защищался план Екатерины II и Потемкина — создание «сильной Грузии» в

[1] Рескрипт Александра I Кноррингу от 19 апреля 1801 года. «Акты». Т. I, стр. 419.

[2] Записка тайного советника Лашкарева вицеканцлеру князю А. Б. Куракину, апрель 1801 года. Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 225. Лашкарев присутствовал на данном заседании Государственного совета в качестве представителя Коллегии иностранных дел.

[3] Пятимесячное управление этого кандидата на грузинский престол было полно вопиющего произвола и насилий в целях устройства как своих личных дел, так и дел своих приверженцев. В «Актах» (т. I, стр. 301—304) опубликована целая ведомость от 1801 г. «имениям и чинам, кои царевичем Давидом у одних отняты, а другим отданы».

[4] «Акты». Т. I, стр. 425—431.

пределах древнего грузинского царства. Процветание ее будет содействовать развитию торговли России с Востоком — с Персией и Индией[1].

Попытка Зубова заинтересовать в сохранении самостоятельности Грузии экономической стороной вопроса успеха не имела. Однако записка целиком не была забыта. Соображения о необходимости расширения территории Грузии до пределов Грузинского царства эпохи его расцвета были рекомендованы Александром I князю Цицианову при назначении его главнокомандующим в Грузию, как план предстоящей ему деятельности[2].

Колебания Александра I в вопросе о присоединении и оппозиция со стороны его друзей из Негласного комитета, вызвавшие вторичное обсуждение вопроса о присоединении в Государственном совете, буржуазными историками объяснялись обычно так называемым либерализмом первых лет царствования Александра, его уважением к «международному праву».

Не приходится сомневаться, что в глазах верховных российских правителей присоединение Грузии было актом «международного права»[3]. Но нам кажется, что гораздо правильнее объяснять колебания Александра I в отношении Грузии соображениями реальной политики, изменением после смерти Павла I отношений с Англией в направлении сближения с ней, хотя на этот раз и очень непродолжительного. Вспомним, что 5 июня 1801 г. была заключена знаменитая морская конвенция. Нельзя упускать из внимания и англомании Негласного комитета. Граф Воронцов, брат лондонского посла С. Р. Воронцова, известного противника восточной политики предшествующих царствований, и граф Кочубей, представившие Александру записку от 24 июля с возражениями против присоединения, были особенно ярыми англоманами. Их возражения против продвижения России в Переднюю Азию удивительно напоминают рассуждения их английских друзей. Хорошо известно, как остро реагировали на это продвижение английская буржуазия и ее правительство.

Накануне коронации Александра I, 12 сентября 1801 г., вышел новый манифест о присоединении Грузии к России, составленный князем Платоном Зубовым[4]. По словам манифеста, от первоначального намерения «удержать первое правление» (т. е. положение по манифесту 18 января) пришлось отказаться вследствие усиления междоусобий в Грузии. Манифест напоминал, что даже царь Ираклий II не смог утвердить внутреннюю и внешнюю безопасность своего царства, что грузинский народ стоит на краю бездны и только мощная рука может его спасти. Надежда на эту руку не обманет, говорилось в манифесте: «Не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и так уже обширнейшей в свете империи приемлем мы на себя бремя управления царства Грузинского. Единое достоинство, единая честь и человечество возлагают на нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращение их скорбей, учредить правосудие, личную и общественную безопасность и дать каждому защиту закона». О преимуществах, которые создавались через присоединение Грузии для русского государства в его борьбе с западными конкурентами, а также с Турцией и горцами Кавказа, манифест, конечно, не упоминал.

Вместе с манифестом было издано «Положение об управлении Грузией». Главноуправляющим Грузией был назначен генерал Кнорринг. Царским рескриптом от того же, 12 сентября ему поручалось устроить

---

[1] Опубликована в «Русском архиве», в кн. 5 за 1873 г., стр. 879—894 под заглавием «Общее обозрение торговли с Азией».

[2] Рескрипт Александра I князю П. Д. Цицианову от 26 сентября 1802 года. «Акты». Т. II, стр. 7—10.

[3] См. повеление Павла I Кноррингу от 19 февраля 1801 года. «Акты». Т. I, стр. 417, а также рескрипт Александра I Кноррингу от 19 апреля 1801 г., там же, стр. 419.

[4] ПСЗ. Т. XXVI, стр. 782—784; напечатан также в «Актах» вместе с «Положением» об управлении, там же напечатаны рескрипт Кноррингу и воззвание Александра грузинскому народу от 12 сентября. «Акты». Т. I, стр. 432—438.

управление Грузией, сообразуясь «с нравами, обычаями и умоначертаниями народа».

Манифест и «Положение» делали уступку национальным чувствам грузин: слово «Грузия» не изгонялось из политического лексикона. «Положение» говорит о разделении Грузии на уезды, но слово «губерния» не было введено. Только в 1840 г. было издано «Положение» о создании Грузино-Имеретинской губернии, а в 1846 г. были образованы губернии Тифлисская и Кутаисская.

Манифест и «Положение» были опубликованы в Грузии только через семь месяцев, 12 апреля 1802 года. Одной из причин промедления, помимо трудностей, связанных с организацией управления столь отдаленным краем, было, повидимому, недовольство грузинских послов и царевичей новым «Положением». Увидав угрозу полной ликвидации своего дома, царевичи перестали досаждать петербургским властям взаимными обвинениями, просьбами о признании своих прав и доносами друг на друга. Теперь одни из царевичей стремились исходатайствовать «назначение» своего грузинского царя, предоставляя выбор кандидата российскому императору; другие же усилили сношения с врагами грузинского народа и начали подготовлять вооруженное выступление феодалов в Кахетии. Так, экоправитель Грузии, царевич Давид, потеряв надежду на получение престола через российского императора, временно примирился со своими дядьями и вступил в переговоры с ереванским ханом. В многочисленных доносах, поступавших на него царским генералам, его обвиняли также и в подготовке возмущения в Кахетии. Впоследствии, оправдываясь от возводимых на него обвинений, он дал близкую к истине убийственную характеристику феодального общества Грузии: «Если мои враги высказывают на меня — вы зачем им верите? Разве вы не знаете истории о том, как грузины во время владычества османов и персов погубили друг друга? Все, что по сие время представляет следы опустошения в Карталинии, все это произведено взаимным злодейством и корыстолюбием. И теперь, кажется, хотят разыграть ту же самую роль» [1].

Сведения о сношениях царевича Давида и других лиц дома Багратидов с правительством Ирана российское правительство получало из самых разнообразных источников: и от ереванского хана, и от эчмиадзинского патриарха, и от грузинских князей, — об этих связях свидетельствовала и переписка этих лиц, постоянно попадавшая в руки царских властей.

В большом волнении от ожидания перемены в своем положении была многочисленная дворня всех этих цариц и царевичей (всего членов царского дома было до 70) со своими родичами, в среде которой ходили всевозможные устрашающие слухи, возбуждавшие ее против русских властей.

27 января 1802 г. грузинские послы подали Александру I заявление о том, что им неизвестно, на каких основаниях присоединена Грузия, и что все в Грузии желают это знать. Одновременно они просили назначить главнокомандующим кого-либо из грузин [2]. Еще глубокой осенью этого же года грузинские феодалы собирались послать депутацию в Петербург, чтобы окончательно узнать свою судьбу [3].

Из Грузии писали в Петербург князю Чавчавадзе, что новые подданные во время присяги были окружены войсками, некоторые из них при этом от страха разбежались, кому же убежать не удалось, приняли при-

---

[1] Письмо царевича Давида генералу Лазареву от 20 августа 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 308—309.

[2] См. Цагарели А. «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. XXXIX, где дано изложение письма.

[3] Письмо командированного в Грузию чиновника министерства иностранных дел Соколова канцлеру Воронцову от 1 ноября 1802 года. «Акты». Т. II, стр. 10—11.

сягу в силу необходимости[1]. У нас имеется еще другой любопытный документ, дающий некоторое представление об обстановке в Грузии в момент учреждения там российского правления. Это — письмо к Кноррингу упоминавшегося выше архимандрита монастыря Иоанна Предтечи Евфимия от 23 апреля 1802 года. Архимандрит просит защиты против своих монахов, которые, «будучи наущены, мучат его за то, что якобы он причина того, что Грузия отдана России». Евфимий напоминает о своих заслугах в этом деле и высказывает опасение, как бы с ним не приключилось «чего-либо и похуже»[2].

После опубликования манифеста вместо существовавшего временного правления было открыто новое Верховное грузинское правление во главе с главнокомандующим генералом Кноррингом, совмещавшим в своей особе полноту военной и гражданской власти. Правителем Грузии по гражданской части, подчиненным Кноррингу, был назначен известный уже нам статский советник Коваленский.

В воззвании Кнорринга к населению, утвержденном Александром I, были сформулированы его обязанности по отношению к новым подданным: «Обязан я ограждать области сии от внешних нашествий, сохранить обывателей в безопасности личной и имущественной и доставить правлением бдительным и сильным, всегда готовым дать правосудие обиженному, защитить невинность и в пример злым наказать преступника. А посему да не дерзает никто самовольно и насильственно удовлетворять иску своему, но да принесет каждый жалобу свою в учрежденных для того местах, надеясь, несомненно, что получит скорое и беспристрастное решение»[3]. Действительность вскоре показала грузинам, как далеки были эти обещания от их исполнения.

Изданием манифеста о присоединении Грузии интерес Александра I к своим новым подданным, повидимому, исчерпался. На донесение Кнорринга об открытии в Грузии российского правления и о желании грузинского народа отправить депутацию для принесения благодарности[4] Александр I ответил рескриптом 25 июня 1802 г.[5], в котором предлагал Кноррингу объявить грузинам его «признательность», но «сей подвиг их (посылку депутации. — *О. М.*), яко с важными для них издержками сопряженный и по уверенности моей в усердии их излишний», он отклонил.

На упразднение царства часть грузинских феодалов ответила так называемым «заговором кахетинских князей». На съезде в селении Кельменчуре, Сигнахского уезда, в июле 1802 г. феодалы одновременно присягнули и Александру I и своему кандидату на грузинский престол, царевичу Юлону. Они отправили Александру I прошение за подписью 69 лиц об утверждении «завещания» царя Ираклия. «На коленях стоя», они умоляют оставить им царя, указывая на то, что от своего царя они никогда не отказывались, ибо «сие бы уподобилось французской республике. Наши цари перед нами никакой вины не сотворили»[6]. Одновременно они обратились с воззванием к населению о признании царем царевича Юло-

---

1 См. перевод выписки из писем, полученных из Грузии кн. Г. Чавчавадзе, от 18 апреля 1802 года. УЦГАЛ. Фонд министерства внутренних дел. Департамент общих дел № 12 1802 года. «По следствию о разных злоупотреблениях статского советника Коваленского», л. 197—198.

2 «Акты». Т. I, стр. 443.

3 Воззвание Кнорринга к грузинскому народу, утвержденное Александром I, от 12 сентября 1801 года. «Акты». Т. I, стр. 436—437.

4 Кнорринг 8 мая 1802 г. получил письмо с просьбой об этом за подписью 29 князей (Д у б р о в и н Н. «История войны и владычества русских на Кавказе». Т. III, стр. 449. СПБ. 1886).

5 «Акты». Т. I, стр. 491.

6 Прошение на высочайшее имя от кахетинских князей, духовных и светских (июль 1802 г.). «Акты». Т. I, стр. 387.

на[1]. Собравшиеся в селении Кельменчуре феодалы поклялись защищать державные права дома Багратидов. Следует напомнить, что эти феодалы пытались выступить в защиту своего кандидата еще год тому назад, летом 1801 г., в Кизике, Сигнахского уезда. Русский отряд, находившийся там, опасался даже «участи варшавской»[2]. «Затевалось малое возмущение»,— доносил генерал Лазарев Кнорригу о собраниях и переговорах этих феодалов, приняв меры к предупреждению движения и нарядив в Тбилиси собственный суд над виновными, так как, по его словам, «на грузинских судей веры положить» не мог[3].

В то время как феодалы действовали таким образом в Кахетии, царевич Александр, бывший с ними в тесной связи, вербовал в Джаро-Белаканах лезгинские отряды, а его братья Юлон и Парнаоз сделали попытку в августе 1802 г. вторгнуться в Грузию с вооруженными отрядами со стороны Имеретии[4]. Таким образом, в конце 1802 г. Грузия находилась под угрозой вторжений со стороны Джаро-Белакан и Ганджинского ханства, со стороны Ахалциха, Имеретии и иранского шаха. Но, как и в 1801 г., нападения не произошло: силы феодалов были слишком разрозненны, а русские войска достаточно сильны.

Выступление кахетинских феодалов в 1802 г. не было единодушным; «заговор» был раскрыт благодаря подробнейшему доносу князя Давида Чолакашвили[5], и движение было ликвидировано генералами Лазаревым, Гуляковым и Тучковым при деятельной поддержке сторонников нового правления из среды князей и духовенства. Нужно сказать, что царское правительство вербовало этих сторонников, столь жадных к наградам, с немалым успехом. Российские императоры не скупились на милости грузинскому дворянству за древность благородного их происхождения, а царские правители в Грузии щедро награждали за заслуги при насаждении новых порядков,— об этом говорят длинные списки представляемых к наградам и постоянные ходатайства о награждении отдельных лиц. Вместе с тем царское правительство избегало крутых мер по отношению к дворянству. Так, арестованные летом 1802 г. вскоре были прощены «с некоторыми на будущее время предосторожностями»[6]. Тем не менее 20 кахетинских князей, не доверяя мягкости новых правителей, бежали к царевичу Александру в Иран.

Заканчивая изучение событий в Грузии, связанных с присоединением ее к России, нельзя не коснуться крестьянского восстания в Южной Осетии, поскольку имеются документы, свидетельствующие о попытках старших царевичей использовать в своих целях как это восстание, так и вообще борьбу осетин со своими помещиками. Царевичи пытались движение крестьян направить против царского правительства, поддерживавшего помещиков. Грузинские помещики князья Эристовы, которым были возвращены царевичем Давидом их владения по р. Ксане, отнятые у старших царевичей, и князья Мачабели прославились исключительной жестокостью в обращении со своими крестьянами. В 1801 г. один из князей Мачабели

[1] Письмо кизикских князей и народа к князьям и народам внутренней Кахетии (июль 1802 г.). «Акты». Т. I, стр. 363.

[2] Письмо майора Алексеева к Лазареву от 3 августа 1801 года. «Акты». Т. I, стр. 340.

[3] Письмо Лазарева Кноррингу от 14 августа 1801 года. «Акты». Т. I, стр. 342.

[4] В экспедиции к имеретинской границе, отогнавшей царевичей, участвовал и грузинский отряд под начальством князя Георгия Амилахвари, картлийского сердаря. См. рапорт Лазарева Кноррингу от 20 августа 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 394.

[5] Донос князя Давида Чолакашвили от 15 июля 1802 г. с перечислением имен. «Акты». Т. I, стр. 386.

[6] Выписка из журнала Государственного совета от 8 сентября 1802 года. УЦГАЛ. Фонд министерства внутренних дел. «Дело по Грузии 1802 г.». №№ 13—14, лл. 66—67.

был за это убит. Волнения крестьян происходили в течение всего 1801 г., крестьяне отказывались повиноваться своим помещикам; тогда в марте 1802 г. была послана карательная экспедиция под начальством подполк. Симоновича. Повстанцы были усмирены и дали обещание быть покорными своим помещикам, если те, «брося прежнее свое обыкновение, будут обходиться ласково и претензии грузин с них взыскивать будут законным порядком»[1]. Но так как последнего не случилось, то в течение ряда лет имели место новые крестьянские восстания. Неизвестна судьба вождя повстанцев грузина Нинна Басишвили, арестованного в марте 1802 г. и преданного военному суду; в июне он еще сидел в тюрьме в Тбилиси.

Иное положение было в Кахетии: феодалы, выступившие против нового правительства, не имели здесь поддержки среди крестьян. Опасения царских властей, чтобы «чернь не примкнула»[2], опасения возможной «наклонности простого народа» к единомыслию с бунтовщиками[3] оказались преждевременными. Грузинские источники ничего не говорят об отношении крестьянства к упразднению Грузинского царства. Русские же источники свидетельствуют о «преданности простого народа»[4]. Крестьянин Курдашвили из Кизика показывал на допросе, что «простой народ» противодействовал замыслам князей[5]. Начальник отряда, посланного в Сигнахский уезд, доносил Лазареву, что жители не сочувствуют князьям, что они в страхе и умоляют о помощи против князей[6]. По словам чиновника Корнеева, посланного Коваленским в Сигнахский уезд для расследования причин волнений, крестьяне приходили к нему «целыми деревнями» и просили указаний в отношении своих помещиков. Он наставлял их «со строгим запрещением» не выходить из повиновения помещикам, которые «не участвуют в измене»[7]. Если крестьяне шли за наставлением к царскому чиновнику, то, очевидно, они чего-то ждали для себя от новой власти и не были пассивны во время выступлений феодалов. Как свидетельствуют некоторые документы, крестьяне оказывали иногда прямое содействие царским властям в борьбе с князьями[8]. Об этом говорит и воззвание Лазарева к населению Сигнахского уезда, в котором выражается благодарность за сохранение верности и за содействие при подавлении волнений феодалов[9]. Царевичи оставили по себе очень недобрую память. По словам командированного в Грузию в 1802 г. чиновника министерства иностранных дел Соколова, население радовалось отъезду царевичей из Грузии и, наоборот, было опечалено при слухах о возвращении прежнего положения[10]. Каковы бы ни были, однако, чувства крестьян к новым правителям, все же должно признать, что попытки феодалов привлечь крестьян на свою сторону не были удачны. Однако уже к концу 1802 г., когда новое правительство вопреки многочисленным директивам из центра сумело отличиться по части злоупотреблений и беспорядков и тем способствовало приливу новой волны всеобщего недовольства, положение стало иным и царские генералы стали опасаться, как бы попытки феодалов поднять восстание не увенчались успехом.

---

[1] Рапорт Симоновича Кноррингу от 5 марта 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 583.

[2] Рапорт полковника Солениуса Лазареву от 26 июля 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 363.

[3] Письмо майора Алексеева Лазареву от 3 августа 1801 года. «Акты». Т. I, стр. 340.

[4] Сошлемся, например, на рапорт генерала Лазарева Кноррингу от 29 июля 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 368.

[5] «Акты». Т. I, стр. 369—370.

[6] Рапорт полковника Солениуса Лазареву от 31 июля 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 373.

[7] Рапорт Корнеева Коваленскому от 31 июля 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 392.

[8] Рапорт ген. Леонтьева Лазареву от 29 июля 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 365. Об аресте некоторых князей в сел. Манави с помощью крестьян.

[9] Воззвание Лазарева к жителям Сигнахского уезда от 7 августа 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 375—376.

[10] Донесение Соколова князю Куракину от 20 сентября 1802 года. «Акты». Т. II, стр. 65—68.

Этими опасениями объясняется, например, отмена в 1802 г. сбора хлебной подати с крестьян [1]. До этого же отношение крестьян к установлению новой сильной власти не могло быть равнодушным еще и потому, что в Грузии ходили слухи, что после присоединения к России будет упразднено крепостное право. Тактика царского правительства заключалась в том, чтобы направить эти настроения крестьян против оппозиционеров-феодалов.

Не приходится сомневаться в том, что не печалилось о прежнем положении и купечество, торговые дела которого при последнем грузинском царе были очень плохи. О связях закавказского, по преимуществу армянского, купечества с царским правительством, о поддержке, оказываемой им этому правительству, и о расположении и внимании последнего к закавказскому купечеству в годы утверждения русской власти в Закавказье имеется достаточно обильный материал.

Количество недовольных среди феодалов, в частности среди мелких феодалов Кахетии, несомненно, было велико. «Многие, зная образ нашего благоденственного (!) жития, желают иметь и здесь тот же порядок и быть под правлением тем же. Но есть и такие буйственные головы, которые пока себе за большое счастье почитают быть на теперешнем основании»,— писал еще в 1800 г. генерал Лазарев [2]. По словам генерала Кнорринга, Грузия принята была в подданство вследствие желания большей половины населения, без уважения «хотения строптивых» [3]. Сколько же было в действительности этих «буйственных голов» и «строптивых», установить нет возможности.

Не следует волнения грузинских феодалов в 1801 и 1802 гг. принимать за национально-освободительное движение. Упразднение Грузинского царства означало для феодалов прежде всего упразднение их привилегий. Яркой нитью через большинство дворянских документов того времени проходят жалобы на «уничижение» дворянства, уравнение дворян в правах с «мужиками», на утерю ими доходов, на подрыв их власти над крестьянами русскими чиновниками, на упразднение моуравств, бывших наиболее верными источниками дохода для грузинских феодалов. О таком характере дворянских жалоб говорится и в многочисленных донесениях царских генералов и чиновников [4]. В этом отношении характерен выговор Кнорринга экспедиции уголовных дел за требование ею от исполнительной экспедиции предписания «всем начальствам» об отобрании подписки от помещиков в том, что они отказываются от бесчеловечных побоев крестьян [5]. Тот факт, что ряды недовольных состояли преимущественно из мелкопоместного кахетинского дворянства, объясняется несомненным ухудшением их материального положения в результате уничтожения феодальных привилегий и прежде всего моуравств.

И действительно, в переписке феодалов забота о личной судьбе и страх за ухудшение своего привилегированного положения постоянно проскальзывают в рассуждениях о судьбе царства. Укажем, например, на письмо князьям Иоанну Орбелиани и Соломону Тарханишвили от 12 октября 1802 г. [6] из Москвы от князя Зазы Андроникова, агента царевича Иоанна, поддерживавшего самые тесные связи с Грузией. Сообщая о надеждах на восстановление царства, Андроников убеждает князей не со-

---

[1] Рапорт Коваленского князю Цицианову от 18 декабря 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 411.

[2] «Замечания в рассуждении всех современных обстоятельств в Грузии». «Акты». Т. I, стр. 184.

[3] Предписание Кнорринга Лазареву от 5 декабря 1801 года. «Акты». Т. I, стр. 442.

[4] Записка Кнорринга о положении в Грузии, переданная Цицианову от 4 декабря 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 406—411.

[5] Предложение Кнорринга экспедиции уголовных дел от 21 сентября 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 501.

[6] «Акты». Т. II, стр. 504.

глашаться с манифестом и упрекает их за то, что в свое время они не препятствовали грузинам выражать Кноррингу желания о присоединении царства. Теперь, пишет Андроников, «все тамошние доходы они (т. е. Кнорринг и Коваленский. — *О. М.*) будут расходовать, а вы все уж извините».

После упразднения царства многие феодалы делали попытки «объяснить царю нужду свою». Царевич Иоанн в письме в Грузию приглашает писать ему или Лашкареву о притеснениях дворян для доклада государю[1]. Повидимому, у грузинских феодалов была крепкая надежда на Лашкарева. Так, в разгар волнений феодалов летом 1802 г. среди них распространился слух, что государь направляет в Грузию Лашкарева, чтобы спросить у князей, не желают ли они царя из дома Багратидов. В действительности же вместо Лашкарева в Закавказье был направлен вышеупомянутый коллежский секретарь Соколов. В его донесениях в Петербург указывалось прежде всего на необходимость удаления из Грузии всех Багратидов.

Причины недовольства феодалов особенно хорошо выражены в записке от 20 ноября 1802 г.: «Обиды, причиненные здешним благородным дворянам»[2], пересланной через князя Гарсевана Чавчавадзе в Коллегию иностранных дел. Одной из главных «обид» в ней указывается отмена податей в пользу помещика и отмена моуравств.

Прекрасной иллюстрацией господства частного интереса в действиях грузинского дворянства в это смутное время служат также и прошения грузинского посольства царскому правительству с напоминанием о своих заслугах[3]. Благодаря этим «заслугам» князь Гарсеван Чавчавадзе стал самым богатым помещиком Грузии.

Выступления феодалов Грузии в защиту царского дома Багратидов потерпели полный крах вследствие отсутствия поддержки со стороны основной массы населения, вследствие недостатка материальных средств (у царевича Александра не нашлось, например, денег на организацию лезгинских отрядов); вследствие слабости Ирана и Порты и соседних ханств, к которым обращались за помощью грузинские феодалы, и, наконец, вследствие разложения в среде самих феодалов.

Это «движение» **феодально-монархического «национализма»**,— говорит товарищ Сталин,— «не оставило никакого заметного следа в жизни грузин, не стяжало себе славы ни одним фактом, если не иметь в виду отдельные заговоры грузинских дворян против русских правителей на Кавказе. Достаточно было событиям общественной жизни слегка коснуться этого и без того слабого «движения», чтобы разрушить его до основания. И, действительно, развитие товарного производства, отмена крепостничества, основание дворянского банка, усиление классового антагонизма в городе и в деревне, усилившееся движение деревенской бедноты и т. п.— все это нанесло смертельный удар грузинскому дворянству и, вместе с ним, «**феодально-монархическому национализму**»[4].

Обращение феодалов за помощью к исконным врагам грузинского народа с особенной убедительностью говорило о вреде феодальной раз-

---

[1] Письмо царевича Иоанна князю Александру Макашвили, переданное последним генералу Лазареву, от августа 1802 года. «Акты». Т. I, стр. 393.

[2] Записка эта была приложена к письму князя Чавчавадзе Лашкареву от 20 ноября 1802 года. УЦГАЛ. Фонд министерства внутренних дел. Департамент общих дел № 12 «По исследованию о разных злоупотреблениях Коваленского», л. 234.

[3] Например «Заявление грузинских посланников князей Чавчавадзе, Авалова и Палавандова князю А. Б. Куракину от 6 ноября 1801 г.». А. Цагарели «Грамоты». Т. II, вып. 2, стр. 300—301; прошение Александру I от 5 марта 1802 г., там же, стр. XL; вышеупомянутое письмо Чавчавадзе Лашкареву от 20 ноября 1802 года (о награждении Чавчавадзе просил и Цицианов, см. письмо графу Кочубею от 20 января 1804 года. «Акты». Т. II, стр. 1053—1054) и многие другие документы.

[4] И. Сталин «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?» («Пролетариатис брдзола» 1904 г).

дробленности и о необходимости новых форм государственности. Господство династического интереса над национальным, отсутствие государственных людей в этот критический для политического существования Грузии момент свидетельствовали об иллюзорности надежд на сохранение автономии в условиях политической и экономической отсталости страны, угрожавшей ей полной гибелью. Интересы государства-сюзерена и государства-вассала одинаково требовали ликвидации феодальной анархии и создания сильной, централизованной власти. Собственными силами Грузии такая власть не могла быть создана. Собственных ресурсов для противодействия как центробежным силам изжившего себя феодального организма, так и натиску внешней агрессии и набегам горцев в Грузии не было. Присоединение Грузии к России было обусловлено, таким образом, и внешней и внутренней обстановкой на пороге XIX в., поэтому оно было исторически неизбежно. Тем не менее как потеря государственной самостоятельности оно было злом, хотя и «наименьшим злом». Оно было аннексией по существу, хотя и в оболочке «добровольности».

Развитие народов Закавказья и формирование их в нации прошли через тяжкое испытание, каким был гнет царского самодержавия для всех управляемых им народов, в том числе и для русского народа.

Несмотря, однако, на этот гнет, присоединение Грузии к России, в конечном счете, несомненно, имело положительные результаты. Безопасность границ, прекращение войн, ликвидация феодальной раздробленности, развитие экономических и культурных связей с Россией и Западом, постепенное вовлечение Грузии в водоворот капиталистических отношений способствовали развитию производительных сил, а вместе с ним и росту экономической и культурной жизни страны.

Этот рост говорит о богатстве сил, заложенных в грузинском народе, сумевшем не только сохранить свою индивидуальность в условиях вековых войн и агрессий со стороны во много раз сильнейшего врага, но и раскрыть и развить свои силы в условиях национального угнетения после присоединения Грузии к России.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ.
1820—1879

Н. Рубинштейн

1

В октябре 1939 г. исполнилось 60 лет со дня смерти крупнейшего представителя буржуазной историографии в России — Сергея Михайловича Соловьева. В этом же году исполнилось 60 лет со дня выхода в свет последнего тома его «Истории России с древнейших времен».

В 29 томах этого монументального труда впервые все известное тогда по истории России с древнейших времен до XVIII в. (по 1775 г.) было сведено в единую систему. «История России»—от начала до конца плод большой самостоятельной научной работы, которая впервые подняла и ввела в научный оборот обширный новый документальный материал; и до сих пор зачастую историк знакомится с этим материалом только по труду Соловьева. Для многих поколений историков труд Соловьева был своего рода энциклопедией знаний по русской истории. К «Истории России» примыкает ряд специальных исследовательских работ Соловьева начиная с двух диссертаций (магистерской — «Об отношениях Новгорода к великим князьям», 1845 г., — и докторской — «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», 1847 г.) и кончая монографиями, посвященными внешней политике Екатерины II и Александра I («История падения Польши» и «Император Александр I. Политика — Дипломатия»). Соловьев положил также начало русской историографии.

Соловьев не замыкался в рамки строго «академической» науки. Он выступал и с публичными чтениями (например о Петре Великом) и с популярными статьями на исторические темы. В своих статьях он откликался и на животрепещущие вопросы современности. «Исторические письма» (1858 г.) были откликом на вопросы, поставленные в связи с подготовкой крестьянской реформы; в 1863 г., в период польского восстания, он написал «Историю падения Польши», а в начале Балканской войны 1877—1879 гг. — очерк о внешней политике Александра I.

Каждая новая работа Соловьева, выход каждого тома его «Истории» являлись крупным событием и вызывали оживленные отклики сторонников и противников — западников и славянофилов. Представители передовой русской мысли 60-х годов, великие русские просветители Чернышевский и Добролюбов отмечали большое научное значение работ Соловьева.

И все-таки приходится сказать, что исчерпывающей оценки работы Соловьева до сих пор не получили.

Современники рассматривали и расценивали Соловьева с точки зрения своих научно-политических концепций. Представитель западнического лагеря Кавелин искал у Соловьева прежде всего подтверждения государственной концепции русской истории. Славянофилы, наоборот, критиковали Соловьева и полемизировали с ним как с представителем государ-

ственной школы. Как представителя этой школы восприняла его и последующая историография.

В последнем виноват, может быть, В. О. Ключевский, ученик и преемник Соловьева по кафедре русской истории в Московском университете. В своей известной речи о Соловьеве и в статьях о нем он свел исторические взгляды Соловьева все к той же концепции государственной школы.

«История России» Соловьева в изложении Ключевского превращалась в историю русского государства. Предшественницей «Истории России» Соловьева оказывалась «История государства российского» Карамзина, а преемницей государственной школы являлась школа юридическая; сам Соловьев неразрывно связывался с теоретиком государственной школы Чичериным.

Взгляды государственной школы были изложены Соловьевым наиболее последовательно в известной первой главе XIII тома, написанного в 1863 — 1864 гг., уже после выхода основных исторических работ Чичерина и, можно думать, под влиянием последнего. Ключевский был учеником не только Соловьева, но и Чичерина. Он отожествил взгляды обоих. Но в этом отожествлении значительно упрощались исторические воззрения Соловьева. Нельзя не отметить, что Чернышевский, высоко ценивший исторические труды Соловьева, не отожествлял его с Чичериным, против которого направлял свою острую критику.

2

Сам Соловьев дал ряд конкретных указаний на теоретические истоки своих научных воззрений. Сын священника, он получил светское образование в московской гимназии и рано пристрастился к истории. Вспоминая свои первые научные впечатления, связанные с Карамзиным и Эверсом, Соловьев писал: «У Карамзина я набирал только факты; Карамзин ударял только на мои чувства, Эверс ударил на мысль; он заставит меня думать над русскою историею»[1]. Одним этим указанием Соловьев как бы подчеркивал свою связь с новым направлением исторической науки XIX в., с буржуазной историографией, и отмежевывался от исторических воззрений XVIII века. В Московском университете (1838—1842 гг.) Соловьев слушал лекции Каченовского и Погодина. Он сам подчеркивал впоследствии значение критического направления, представителем которого являлся Каченовский[2]. Погодину же Соловьев дал в своих «Записках» резко отрицательную оценку, отказав ему в каком-либо значении для русской историографии. Впрочем, следует полагать, что крайности этой оценки были вызваны в значительной мере обострением личных отношений между ними.

Другая линия идейных влияний связывала Соловьева с гегельянством. В Московском университете идеи Гегеля распространяли историки-западники: знаменитый Грановский, читавший всеобщую историю, Крюков, читавший древнюю историю, и др. Соловьев ознакомился в подлиннике с «Философией истории» Гегеля и отдал дань увлечению его идеями, хотя, как он сам пишет, «отвлеченности были не по мне, я родился историком»[3].

По окончании университета Соловьев отправился заграницу с семьей графа Строганова в качестве домашнего учителя. В Берлине он слушал Ранке, Раумера, Риттера, в Париже — лекции Гизо, Мишле и др. Он был особенным поклонником Гизо. Непосредственное знакомство с истори-

---

[1] «Записки С. М. Соловьева», стр. 60. Спб. Изд-во «Прометей». В дальнейшем в сносках — «Записки».

[2] См. «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета». Ч. 1-я. М. 1885.

[3] «Записки», стр. 60.

ческой мыслью Западной Европы и конкретные знания по всеобщей истории расширили научный кругозор Соловьева и способствовали успешному развитию его научной деятельности.

Связь с западноевропейской исторической мыслью шла, таким образом, прежде всего по линии буржуазной исторической школы, выросшей на идеях французской буржуазной революции. Наряду с этим Риттер представлял новые позитивистские тенденции, выделяя значение природного фактора в истории; Риттера впоследствии дополнил Бокль.

Широкий размах источниковедческой и в первую очередь археографической деятельности в России также способствовал развертыванию исторических исследований Соловьева. В 1828 г. началась работа первой археографической экспедиции под руководством Строева. В 1839 г. она была реорганизована в Археографическую комиссию, которая развернула широкую издательскую деятельность и с 40-х годов приступила к изданию полного собрания русских летописей. В 40-х годах Общество истории и древностей при Московском университете положило начало научному периодическому изданию по истории (Временник — Чтения).

После возвращения в Москву, в 1844 г., Соловьев приступил к сдаче магистрантских экзаменов и защите магистерской диссертации. Вначале, как ученик Погодина, он был враждебно встречен представителями молодого научного направления в университете (Грановским, Кавелиным, Крюковым). Но, ознакомившись с его диссертацией, они увидели, что Соловьев стоит на одних с ними научных позициях. К этому же времени относится и прямой разрыв Соловьева с Погодиным. После того как Соловьев блестяще защитил магистерскую диссертацию, ему было поручено чтение курса русской истории в Московском университете. В 1847 г. он защитил докторскую диссертацию и получил звание профессора. С 1851 г. началась его систематическая работа над созданием «Истории России с древнейших времен». Каждый год регулярно выходил один том его «Истории», и в 1879 г. — в год его смерти — вышел последний, незаконченный, 29-й том. Этот труд был делом его жизни и оборвался вместе с его жизнью.

К составлению «Истории России» Соловьев подошел уже сложившимся ученым с цельной и законченной общей концепцией русской истории.

3

В ряду идеологических предпосылок исторической концепции Соловьева первое место принадлежит гегельянской философии и французской исторической школе. Они представляли передовую историческую мысль того времени, вводили в науку принцип внутренней закономерности развития, принцип историзма.

Значение философии Гегеля заключалось в том, что она пыталась показать развитие самих идей в конкретной исторической действительности. Именно в том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии, «что она раз навсегда показала, как нелепо приписывать вечное и неизменное значение каким бы то ни было результатам человеческого мышления и действия. Истина, которую должна была познать философия, представлялась Гегелю уже не в виде собрания готовых догматических положений, которые остается только зазубрить, раз они открыты; для него истина заключалась в самом процессе познавания, в длинном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на высшие» [1].

Содержание мира и закономерность его развития Гегель видел в развитии идеи; в этом заключался идеализм гегелевской философии, кото-

---

[1] Ф. Энгельс «Людвиг Фейербах». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 637.

рая ставила наголову действительную связь идей и материальной жизни. Но при этом самая идея у Гегеля не дается сразу в готовом и сложившемся виде: она сама лишь в процессе развития постепенно обогащается новым содержанием, она сама развивается. И это развитие идеи совершается не вне исторической действительности, а через конкретную историческую действительность; закономерность ее развития превращается в закономерность развития реальной исторической действительности. Гегелевская диалектика, теория исторического развития как «самодвижения», была попыткой дать философский синтез конкретного исторического развития, установить единство закономерности исторического процесса. Гегель, по выражению Ленина, «гениально угадал диалектику вещей... в диалектике понятий»[1].

Но поскольку его философия оставалась все же «диалектикой понятий», то содержание исторического процесса и его закономерность понимались Гегелем чисто идеалистически и получали свое разрешение в «идеологических», надстроечных элементах. История народа получает свое разрешение в истории государства. И хотя само государство рассматривается исторически, как продукт всего исторического процесса в его целом, в конечном итоге оно приобретает самодовлеющее значение. Так философия Гегеля сочетала революционный, диалектический метод с реакционной апологетикой государственной власти, с фактической идеализацией прусской монархии.

Принципы французской буржуазной революции получили отражение в буржуазной исторической науке пореволюционной Франции: у Тьерри, Гизо, де Баранта и других. Буржуазная историография обозначает переход от направления, «которое ограничивалось шумихой государственных мероприятий», к изучению самого общества, его внутреннего развития. Именно так определяли тему своего изучения Гизо и Тьерри.

Гизо писал: «Общество, его состав, образ жизни отдельных лиц, в зависимости от их социального положения, отношения различных классов лиц,— словом, гражданский быт людей (l'état des personnes), — такое, без сомнения, первый вопрос, который привлекает к себе внимание историка, желающего знать, как жили народы, и публициста, желающего знать, как они управлялись». «Прежде, чем стать причиной, учреждения являются следствием; общество создает их прежде, чем начинает изменяться под их влиянием; и вместо того, чтобы о состоянии народа судить по формам его правительства, надо, прежде всего, исследовать состояние народа, чтобы судить, каково должно было быть, каково могло быть его правительство»[2].

В частности в этом плане впервые разрабатывалась история западноевропейского феодализма; этот принцип стал руководящим и для русских историков западнического направления. Изучение этих вопросов подводило их ближайшим образом к пониманию «диалектики вещей» в постановке вопроса о классовой борьбе. Правда, это историческое направление оказалось неспособным понять ни подлинные корни, ни органическое значение классовой борьбы в развитии исторического процесса. Отсюда выведение классовой борьбы и классового деления общества из факта завоевания как исходного момента всей западноевропейской истории при переходе к средним векам. Отсюда превращение истории общества в историю юридических учреждений, в историю государства. Это «государственное» направление в конечном итоге характерно и для Гизо, и для Тьера, и для ряда других.

[1] Ленин «Философские тетради», стр. 189. 1938.

[2] Guizot «Essais sur l'histoire de France». Цитирую по книге Н. Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Плеханов Г. Соч. Т. VII, стр. 73—74.

4

Отражая передовые идеи западноевропейской буржуазной науки, Соловьев представлял в то же время передовую мысль растущей русской буржуазии. Окончательное оформление его исторических воззрений, его концепции русской истории приходится на 50-е годы XIX в. — период краха николаевской крепостнической монархии.

В центре исторических исследований Соловьева была эпоха Петра I, изучение петровских реформ; вокруг них сосредоточены основные вопросы русской истории, она основной рубеж в ее развитии. Но для Соловьева реформы Петра I—это прообраз тех реформ, которые должны были быть проведены в его время; деятельность Петра I — образец для правительства Александра II; позже, в своих «Записках», он доводит до конца это сравнение и признает банкротство неудачного преемника Петра I. Реформы Петра I вместе с тем — начало того преобразования России, которое, в представлении Соловьева, призваны были завершить буржуазные реформы 60-х годов; изучение петровских реформ есть вместе с тем изучение истоков новой реформы.

Поклонник петровской монархии и преобразовательной деятельности Петра, Соловьев отнюдь не распространяет оценки последней и на российскую монархию конца XVIII в. и первой половины XIX века. В «Истории России» он не дошел до этого вопроса, но в его «Записках» сохранились блестящие по яркости и вдумчивости характеристики московского самодержавия времен Екатерины II, всех этих «русских благочестивейших и самодержавнейших папаш и мамаш». Соловьев дал также замечательную по остроте характеристику просвещенного абсолютизма Александра I, который так заботился о своих «неблагодарных детях», что «даже хотел их выпустить на волю — под надзор Аракчеева» [1].

С исключительной остротой нарисовал Соловьев мрачную картину николаевского царствования, полицейского режима «николаевской тюрьмы», в которую была превращена вся Россия. Требование реформы было непосредственным результатом, извлеченным из опыта полицейской монархии. «Все, начиная с самого верха, стремились выйти из положения, созданного Николаем» [2].

Эти политические воззрения Соловьева важны для нас потому, что они вносят существенную поправку в общую характеристику его, как представителя государственной школы. Соловьева непосредственно связывают с охранительно-монархическими тенденциями, присущими правому гегельянству, представленному у нас Чичериным. Но Соловьев был выразителем идеологии буржуазии, идущей вверх, под знаком борьбы за реформу. Своему мировоззрению, сложившемуся в 50-е годы, он остался верен и после.

Позднее, в своих «Записках», Соловьев признал банкротство своих надежд на реформы 60-х годов: «Преобразования производятся успешно Петрами Великими; но беда, если за них принимаются Людовики XVI-ые или Александры II-ые... Судьба не послала ему Ришелье или Бисмарка; но дело в том, что он (Александр II) не был способен воспользоваться Ришелье или Бисмарком; у него были претензии, страх слабого человека казаться слабым, несамостоятельным; — под внушениями этого страха он в одно прекрасное утро прогнал бы Ришелье или Бисмарка» [3].

Это была одна сторона выводов, сделанных Соловьевым. Другая сторона отражена в его «Публичных чтениях о Петре Великом» (1872 год). Здесь Соловьев еще раз вернулся к своей излюбленной теме, к центральному вопросу своих исследований — петровским реформам; но к этому времени в оценке их у Соловьева произошла заметная эволюция.

[1] «Записки», стр. 119.
[2] Там же, стр. 157.
[3] Там же, стр. 168—169.

XIII — XVI томы «Истории России» писались в период 1863 — 1866 гг., когда была еще жива вера в реформу, и в них особенно подчеркивалось значение самого Петра I как реформатора, примеру которого должен был следовать Александр II. В 70-е годы с верой в Александра II как преобразователя было покончено. Правительство стало сводить на-нет первые результаты реформы. И Соловьев акцент переносит с реформатора на самую реформу. Он особенно подчеркивает историческую обусловленность и неизбежность реформы, созревшей и подготовленной помимо и независимо от преобразователя, «носителя и выразителя народной мысли», являющегося «сыном своего времени, своего народа» [1].

Но историческая идеализация петровской реформы имеет и свою оборотную сторону. Соловьев и для России желает буржуазной монархии, «сверху» осуществляющей необходимые реформы и устраняющей всякое движение «снизу». Соловьев в «Записках» заявляет себя «приверженцем орлеанской династии и министерства Гизо»; он «не мог понять, чего еще французам нужно более того, что они имели в этом?» [2]. Сильное государство выступает носителем великодержавных тенденций растущей буржуазии, воплощает буржуазную идею великодержавного национализма, отношение господствующей нации к подчиненным, угнетенным народам.

Так внутренняя противоречивость буржуазной идеологии порождает двойственность двух научно-политических концепций, двух исторических воззрений: теории закономерного развития исторического процесса и государственной теории в истории.

Соотношением этих двух точек зрения и определяется, в конечном итоге, содержание научных исследований Соловьева и их историческое значение.

5

«Около 1835 г., — писал Чернышевский, — мы после безусловного поклонения Карамзину встречаем с одной стороны скептическую школу, заслуживающую всякого уважения за то, что первая стала хлопотать о разрешении вопросов внутреннего быта, но разрешавшую их без всякой основательности, с другой, — «высшие взгляды» Полевого на русскую историю. Через десять лет ни о высших взглядах, ни о скептицизме нет уже и речи: вместо этих слабых и поверхностных попыток, мы встречаем строго ученый взгляд новой исторической школы, главными представителями которой были гг. Соловьев и Кавелин: тут в первый раз нам объясняется смысл событий и развитие нашей государственной жизни» [3].

Идея исторического развития составляет, таким образом, основную черту исторического мировоззрения Соловьева, отмеченную Чернышевским. Идею исторического развития выдвигает Соловьев против славянофилов с их шеллингианским учением об «абсолютной идее», существующей вне истории, заключающейся в народном духе и непосредственно раскрывающейся в народной жизни. В статьях «Шлецер и антиисторическое направление в истории» и «Исторические письма» (обе относятся к 50-м годам) Соловьев выступает против славянофильской идеализации прошлого, называя ее «буддизмом», философией застоя в истории.

Историческое развитие осуществляется в его внутренней закономерной обусловленности, история есть процесс закономерного развития — к этому положению Соловьев возвращается неоднократно, стремясь к раскрытию тех общих законов, которые определяют развитие каждого народа. «Естественно и необходимо» — такова его излюбленная формула

[1] «Собрание сочинений С. М. Соловьева», стб. 971. Спб. 1900. Изд. т-ва «Общественная польза». В дальнейшем в сносках «Соч.».

[2] «Записки», стр. 75.

[3] Чернышевский Н. «Очерк гоголевского периода русской литературы». стр. 224—225. П. 1892.

закономерности развития. Правда, самое представление о закономерности развития сохраняет у него внешний, абстрактный, идеалистический характер. Его концепция лишена того подлинного научного обоснования, которое дал только марксизм с его учением об общественно-экономических формациях и диалектикой развития производительных сил и производственных отношений.

Соловьев заменяет научное объяснение идеалистическим сравнением общественной жизни с жизнью человеческого организма: «Народы живут, развиваются по известным законам, проходят известные возрасты, как отдельные люди, как все живое, все органическое»[1].

Соловьев всегда и везде ставит себе целью установить закономерность развития, показать ее в связи и взаимной обусловленности исторических явлений. В 3-й главе IV тома «Истории России», разбирая вопросы периодизации русского исторического процесса, Соловьев выделяет как основную задачу исторической науки раскрытие связи между периодами: «Наука мужает, и является потребность соединить то, что прежде было разделено, показать связь между событиями, показать, как новое проистекло из старого, соединить разрозненные части в одно органическое целое, является потребность заменить анатомическое изучение предмета физиологическим»[2]. Поэтому «отсутствие связи между периодами» выдвигается им как основной признак порочности существующих схем истории России.

Эта мысль выражена Соловьевым со всей последовательностью уже в его предисловии к I тому: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм; не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор настоящего труда»[3].

Это стремление сохранить единство и связь повествования, представление о нераздельности отдельных частей исторического процесса отразилось даже на внешней структуре текста. Если взять «Историю» Щербатова или Карамзина, то у них в самом внешнем делении на томы, части, книги отчетливо выступает внутреннее разделение материала, его расчленение на обособленные периоды. У Соловьева как бы нарочито стираются грани, «ибо в истории ничто не оканчивается вдруг и ничто не начинается вдруг; новое начинается в то время, когда старое продолжается»[4].

Органичность развития предполагает единство закономерности в историческом развитии отдельных народов.

«Давно,— пишет Соловьев в «Исторических письмах»,— принимали одинаковость законов, как для организмов природных, так и для общественного, давно старались обращать внимание людей на эту одинаковость»[5].

Для Соловьева это конкретный вопрос о единстве закономерности истории России и истории Западной Европы. Вокруг этого вопроса шла горячая полемика между славянофилами и так называемыми западниками. Славянофилы утверждали полную самобытность и своеобразие исторического развития России. Но и представители государственной школы были западниками весьма условно: они, правда, признавали тожество конечной цели развития — превращение России в буржуазное государ-

[1] Соч., стб. 970.

[2] Соловьев С. «История России». Кн. I, стб. 1339. Издание т-ва «Общественная польза». 1911. В дальнейшем в сносках «История России» без указания автора.

[3] Там же, стб. 1.

[4] Там же, стб. 1339.

[5] Соч., стб. 850.

ство, — но утверждали полное своеобразие и специфичность путей к этой цели в России и на Западе.

В этом смысле у двух родоначальников государственной школы можно найти формулировки, до крайности напоминающие славянофилов и тем более Погодина. Старший из представителей этой школы, Кавелин, уже в своей ранней работе — «Взгляд на юридический быт древней России» — писал: «В истории (России и Западной Европы.— *Н. Р.)* — ни одной черты сходной, и много противоположных. В Европе дружинное начало создает феодальные государства; у нас дружинное начало создает удельное государство... В Европе сословия, у нас нет сословий... у нас одинаковое устройство городов и сел, и нет среднего, как нет и других сословий» и т. д.[1]. Он заканчивает противопоставлением деревенской России городской жизни Западной Европы. В том же духе высказывался и главный теоретик этой школы — Чичерин; его характеристика истории России строится на последовательной антитезе: у нас все — «совсем другое». Это положение дано и в истории развития государственной власти в статье «Духовные и договорные грамоты» и в работе «О народном представительстве». Различие это проявлялось прежде всего в разной роли государства, в разнице отношений между государством и обществом.

Уже в этом принципиальном вопросе Соловьев разошелся с представителями государственной школы. «Пора бросить старые толки о различии наших и западных общественных отношений на основании завоевания и незавоевания... И у нас было завоевание: этого факта нельзя вычеркнуть из летописей», — писал Соловьев в «Исторических письмах»[2]. Точно так же в IV томе «Истории России» Соловьев формулирует мысль о сходстве функций родового начала у нас и феодального на Западе. И даже в первой главе XIII тома, где дано противопоставление России и Запада, он, в сущности, не доходит до прямой антитезы; он, скорее, склонен говорить о запаздывании в историческом развитии России, о некотором отставании ее от Запада, но пути у них одни и те же.

6

Государственная концепция русской истории в ее основных элементах была сформулирована с крайней последовательностью Чичериным. Она служила обоснованием тезиса, по которому на Западе все общественное устройство создано деятельностью общества «снизу», а у нас оно «получило бытие от государства», т. е. «сверху»; там действовало «начало права», у нас — «начало власти». Это различие обосновывалось «объективными» причинами. Бескрайняя восточноевропейская равнина, нигде не расчлененная горами, не создавала условий для прочной оседлости населения, для внутреннего объединения народных сил. Отсюда непрерывное «шатание» населения по русской степи, его «бродячий характер»; «бродят» все: от князя, переходящего с одного княжеского стола на другой, и до последнего крестьянина. Эти естественные условия и привели к слабости общественной организации: распыленное по огромной степной равнине или затерянное в лесах, население не сложилось в прочные общественные союзы, оно неспособно было создать свою общественную организацию. Отсюда пассивность народной массы и активная роль государственной власти, которая опережает развитие народа и сама творит его историю. «Князья собрали воедино разрозненные славянские племена, князья по частному праву наследования раздробили это приобретенное ими достояние, князья же впоследствии соединили в одно тело разрозненные части», — так определил Чичерин историю России до XVI века[3].

[1] Кавелин К. Соч. Т. I, стб. 6; то же на стб. 220 и в других местах.
[2] Соч., стб. 870.
[3] Чичерин Б. «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» в его «Опытах по истории русского права», стр. 285. М. 1858.

Основные элементы этой схемы Соловьев наметил уже в статье «Шлецер и антиисторическое направление», воспроизвел в первой главе XIII тома и еще раз повторил в последней своей статье — «Начала русской истории». У Соловьева на первом плане поставлена антитеза географических условий — ставшая классической антитеза дерева и камня. На Западе — «камень» (горы) разделил территорию Европы на замкнутые части естественными государственными границами; у нас — огромная равнина без естественных границ, определяющих расселение местного населения, и без естественной защиты от нашествия врагов — «азиатцев», — кроме лесов на севере, куда уходит население из южной степи. На западе — «камень», из которого строятся прочные феодальные замки и городские укрепления; у нас — дерево, лес, непрочные деревянные строения и городские частоколы, где ничто не привязывает к месту, не создает прочной оседлости. «Природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, — мачеха»[1]. Отсюда слабость племенной организации в древней Руси, «жидкое состояние», в котором долго остается народная масса. Отсюда и роль колонизации в русской истории. Отсюда, наконец, и роль государства в организации общественных сил, в прикреплении всех слоев населения к государственной службе или тяглу — теория закрепощения и раскрепощения сословий, в которой представители государственной школы искали исторического обоснования происхождения крепостного права и в то же время обоснования своей программы крестьянской реформы. «Централизация восполняет недостаток внутренней связи, условливается этим недостатком и, разумеется, благодетельна и необходима, ибо без нее все бы распалось и разбрелось: это хирургическая повязка на больном члене»[2].

В самую концепцию государственной школы Соловьев вносит при этом два новых элемента, едва намеченных в ней ранее.

Это, во-первых, борьба с «азиатцами», или, по выражению Соловьева, «борьба леса со степью», — длительная борьба русского народа с кочевыми народами Востока, вторгавшимися из Азии в русские степи и сменявшими друг друга в этой борьбе вплоть до XVII века. М. Н. Покровский в своих историографических лекциях дал яркую характеристику этой темы у Соловьева[3]. Но он выделил лишь одну отрицательную ее сторону: националистическую, даже расовую трактовку вопроса о самих «азиатцах», к которой иногда скатывался Соловьев, считая народы Востока «неисторическими» народами. М. Н. Покровский не заметил другой стороны в постановке этого вопроса: Соловьев рассматривал реальный и, несомненно, существенный исторический факт, которым пытался обосновать задержку исторического развития России, ее отставание от народов Западной Европы. Действительное значение факта борьбы русского народа с татарами и другими народами было показано классиками марксизма-ленинизма.

Другой стороной этой же темы была проблема колонизации. Колонизация — это «наступление леса на степь», Европы на Азию, второй этап борьбы с «азиатцами». Теория колонизации приобретает, таким образом, тот же националистический характер, превращается в своеобразное выражение особой исторической миссии русского народа. Если борьба с кочевниками объясняла отставание исторического развития России, то колонизация должна была дать обоснование развития и складывания национальной основы русского государства, постепенно создававшегося в процессе исторического развития. Здесь сказывается ограни-

---

[1] «История России». Кн. 3, стб. 645.

[2] Там же.

[3] В лекциях «Борьба классов и русская историческая литература». См. в сборнике Покровский М. Н. «Историческая наука и борьба классов». Вып. I. М.— Л. 1933.

ченность теории Соловьева, неспособной раскрыть реальное единство в многообразии исторической действительности, разрешенное марксистским учением о многонациональном государстве.

И все-таки уже в этих внутренних изменениях схемы заключалась известная попытка придать чисто формальной схеме государственной школы характер органического развития.

Две концепции, столкнувшиеся в историческом мировоззрении Соловьева, неизбежно должны были видоизменить одна другую. Теория органического развития позволила Соловьеву частично преодолеть ограниченность государственной школы, а учение последней в известной мере исказило основные положения органической теории.

7

Для Чичерина, главного теоретика государственной школы, географические условия объясняют разрыв между обществом и государством, их действие чисто отрицательное: они снимают проблему общественного развития, упраздняют народ как действующую силу, чтобы развязать руки государству. Поэтому они не объясняют самого процесса исторического развития, а история государства ставится в зависимость от действия случайных внешних явлений, так, варяги создали дружинный строй Киевской Руси, а монголы — московское единодержавие.

Соловьев вносит ряд принципиальных оговорок. Прежде всего, действие географического фактора не безгранично; Соловьев говорит, что наступает такой момент в развитии общества, когда человек сам подчиняет себе природу и перестает зависеть от природных условий. «Если народ, особенно во время своего младенчества, сильно подчиняется природным условиям обитаемой им местности, то, с постепенным развитием его духовных сил, замечается обратное действие, изменение природных условий под влиянием народной деятельности»[1].

Географические условия не упраздняют закономерности развития, они только замедляют его темпы: «В истории распространения европейской цивилизации мы видим постепенное движение от запада к востоку по указанию природы, ибо на Западе сосредоточиваются самые благоприятные условия для ранних успехов цивилизации и постепенно ослабевают, чем далее на восток»[2]. Действие географического фактора не устраняет значения развития народных сил, не определяет непосредственно развитие государства, а само осуществляется через них; в росте народных сил — источник развития государственной организации. Так, отмечая значение географических условий при перемещении центра русской истории на северовосток, Соловьев видит их действие прежде всего в их влиянии на размещение населения, на накопление экономических ресурсов, и лишь через эти элементы общественного развития определяется ими развитие государственности.

Поэтому государство не превращается у Соловьева в совершенно самостоятельную, самодовлеющую силу; здесь нет разрыва между развитием общества и государства, напротив: последнее ставится в тесную связь, в непосредственную зависимость от первого. «Мы должны следить за развитием, ростом государства, вместе с развитием, ростом народа, за постепенным уяснением сознания его о себе, как едином целом»[3].

В «Наблюдениях над жизнью народов», говоря о двух типах складывания государства: механическом присоединении территорий и «органическом» объединении народа, — Соловьев рассматривает складывание русского государства как органическое и тожественное в этом смысле развитию всех европейских государств[4].

[1] «Наблюдения над исторической жизнью народов». Соч. стб. 1118.
[2] «История России», кн. 3, стб. 626.
[3] Соч., стб. 632.
[4] Об этом также в «Истории России», кн. I, стб. 1341.

В полемике с Соловьевым представитель славянофилов Хомяков бросил фразу о том, что Соловьев «рассматривает не историю России, даже не историю государства Российского (намек на Карамзина.— *Н. Р.*), а только историю государственности в русской истории»[1]. Хомяков исходил при этом из того, что понятие государственности беднее содержанием, менее конкретно. Но это понятие у Соловьева было шире, охватывало более богатое конкретное содержание. Хомяков отметил здесь не слабую, а сильную сторону концепции Соловьева. На место государства как конкретной и потому обособленной силы, самостоятельно действующей в истории, ставится государственность как форма общественной организации, как продукт исторического развития.

У историков-государственников, у Чичерина, как до них у Погодина, государство устраняет народ. У славянофилов народ противостоит государству: Соловьев решительно выступает против этого «незаконного развода народа и государства». Государство есть необходимая форма для народа, который немыслим без государства, говорит Соловьев, но «правительство, в той или другой форме своей, есть произведение исторической жизни известного народа, есть самая лучшая поверка этой жизни»[2]. Так Соловьев изучает, как «складывался внизу фундамент, на котором построилось здание Московского государства»[3].

Это положение у Соловьева ограничивается идеалистической сущностью его научной теории. Государство рассматривается им не как продукт общественного развития, не как орудие угнетения в руках господствующего класса, обусловленный внутренними противоречиями самой общественной жизни, ростом классовых противоречий, а как отражение общественной жизни, взятой в ее условном единстве. Поэтому государство оказывается у Соловьева надклассовой силой, стоящей над внутренними противоречиями общественной жизни, оно тем самым приобретает в какой-то мере самодовлеющий характер; «шумиха государственных мероприятий» выступает на первый план. «Подробности, анекдоты о государях, о дворах, известия о том, что было сказано одним министром, что думал другой, сохранят навсегда свою важность, потому что от этих слов, от этих мыслей зависит судьба целого народа и очень часто судьба многих народов». Но здесь автор в конечном счете отсылает к своему общему положению — в деятельности правительственных лиц он ищет отражение народной жизни: историк «должен изучать деятельность правительственных лиц, ибо в ней находится самый лучший, самый богатый материал для изучения народной жизни»[4].

В таком же плане получает свое разрешение и второй большой, принципиальный вопрос — о роли личности в истории. Разрешение и этого вопроса не лишено двойственности, ярко отразившейся в трактовке Петра I. С одной стороны, Петр—«вождь» своего народа, «революционер на троне», повернувший направление развития своего народа. Эта линия ярче всего проведена в более ранней разработке истории Петра — в «Истории России». Но уже и здесь автор спешит в дальнейшем выровнять линию. «Великий человек, — говорил Соловьев в «Публичных чтениях о Петре Великом», — является сыном своего времени, своего народа... он высоко поднимается, как представитель своего народа в известное время, носитель и выразитель народной мысли»[5]. В этом процессе именно народу, его историческому развитию, хотя и взятому в его условном, идеалистическом понимании, принадлежит решающее значение: «Великий человек дает свой труд, но величина, успех труда зависит от

---

[1] Замечания на статью Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление». Хомяков А. С. Соч. Т. III, стр. 282.

[2] Соч., стб. 1126 и 1122.

[3] «Исторические письма». Соч., стб. 894.

[4] «Наблюдения над исторической жизнью народов». Соч., стб. 1123—1124.

[5] Соч., стб. 971.

народного капитала, от того, что скопил народ от своей предшествовавшей жизни, предшествовавшей работы»[1].

Так, при всех отклонениях Соловьев последовательно возвращался к утверждению общей закономерности исторического процесса. И в стремлении охватить все многообразие его содержания он расширяет круг тех элементов, которые, по его представлению, определяют развитие народной жизни. «Три условия имеют особенное влияние на жизнь народа: природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий; влияния, идущие от народов, которые его окружают»[2].

Природа страны, географические условия,— фактор, хорошо известный современной Соловьеву историографии. В общей схеме государственной школы географический фактор являлся единственной решающей силой, определяющей все развитие исторического процесса; и именно полная зависимость от этого внеисторического фактора развязывала действие стихийных сил, открывая с другого конца свободу действия государству. У Соловьева географический фактор введен в определенные рамки, указаны пределы его воздействия.

Вторым элементом является «природа племени»: «Народ похож на своего родоначальника не вследствие одного физического происхождения от него: народ воспитывается в преданиях, которые идут от этого родоначальника и в которых отразилась его личная природа, его взгляды и отношения... Так составляется народный образ»[3].

Но правильно развить эту мысль и последовательно ее провести Соловьеву мешают его идеалистические взгляды. Поэтому в конечном итоге Соловьев пришел к типично этнографическому пониманию народа, что особенно резко отразилось в его поздних литографированных курсах лекций, развивавших идею об особой исторической миссии арийской расы.

Третье условие — «ход внешних событий» — представляет самый существенный и решающий элемент в составе выдвинутых Соловьевым условий. «Ход внешних событий» — это вся живая ткань исторической жизни в ее нераздельной целостности. Именно здесь находит свое наиболее полное выражение принцип органического рассмотрения исторической действительности. Действительное научное познание своеобразия исторического развития народа стало возможно лишь на основе исторического материализма и потому было недоступно Соловьеву. Но в идее органической целостности исторической жизни Соловьев находит опору против односторонности подчинения исторического развития воздействию внешних причин. За этой еще не определенной формулировкой стоит очень важная и положительная принципиальная идея: закономерность надо искать не в воздействии внешних сил, а в самом историческом процессе, взятом в его органической целостности. Эту мысль Соловьев попытался изложить по-своему в уже не раз цитированных нами «Исторических письмах»: «Если одно начало усиливается, то это происходит необходимо вследствие слабости других начал... историк не имеет права, бросивши то, что действует, и своим действием объясняет нам все в прошедшем и настоящем, обратить внимание преимущественно на то, что находится в бездействии или действует слабо, развивается медленно... обязанность историка показать причины, почему одно начало действует на первом плане, а другие действуют слабо, медленно... здесь обязанность его оканчивается, ибо этим он вполне освещает настоящее, как результат прошедшего... историк, увлекшись каким-нибудь сочувствием, не смеет перемешивать явления по произволу, не смеет выставить на первом плане то, что на нем не находится, ибо настоящее сейчас же обнаружит фальшь: настоящее есть такая же поверка прошедшего и на-

[1] Соч., стб. 974.
[2] «Начала русской земли». Соч., стб. 761.
[3] Соч., стб. 1119.

оборот, как в арифметике вычитание поверяется сложением, сложение вычитанием»[1].

Эта система исторических воззрений Соловьева — как с ее сильными, так и с ее слабыми сторонами — нашла свое конкретное выражение в его «Истории России с древнейших времен».

8

Уже в первой своей диссертации Соловьев в смене старых городов новыми искал органический принцип перехода от первого ко второму периоду русской истории — от Киевской Руси к так называемому удельному периоду.

В своей докторской диссертации — «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома»— Соловьев выступил с принципиальной критикой принятой периодизации русской истории. Он отбрасывает прежде всего термин «монгольский период», примененный Погодиным и рядом его предшественников. Соловьев видит в монгольском завоевании лишь внешнее событие, а периодизация должна определяться развитием органического содержания народной жизни. В силу этого он отвергает и другой распространенный в историографии термин — «удельный период». Понятие удела, как указывает Соловьев, хронологически выходит за рамки того периода, с которым оно обычно связывается: уделы известны в Киевской Руси еще с X века. С другой стороны, своим содержанием оно далеко не покрывает сложного комплекса отношений названного второго периода в истории России, с которым его обычно связывают. Таким образом, Соловьев отметает чисто юридическое понимание удельного периода и ищет для этого периода более реальной и содержательной характеристики. Он находит ее в развитии государственных отношений, в борьбе родового и государственного начала. Соответственно он намечает четыре отдельных периода в развитии государственной власти до конца XVI века. Первый период — от Рюрика до Андрея Боголюбского — характеризуется господством родового строя; второй период — от Андрея Боголюбского до Ивана Калиты — период борьбы родового и государственного начала; в третий период — от Ивана Калиты до Ивана III — происходит объединение Руси вокруг Москвы; четвертый период — «до пресечения Рюрикова дома» — завершается окончательным торжеством государственных отношений над родовыми, торжеством, «купленным страшной, кровавой борьбой с подыхающим порядком вещей»[2].

Законченную систематическую характеристику русского исторического процесса Соловьев дал уже в предисловии к I тому «Истории России». Он отбрасывает идею о «норманском периоде», как перед этим он отбросил и идею монгольского периода: «При начале русского общества не может быть речи о г о с п о д с т в е норманнов, о норманском периоде»[3]. Напротив, князья-норманны сами подчинились местному общественному строю, усвоили принципы родовых отношений.

«Через ослабление родовой связи между княжескими линиями, через их отчуждение друг от друга и через видимое нарушение единства Русской Земли приготовляется путь к ее собиранию, сосредоточению, сплочение частей около одного центра, под властью одного государя»[4].

Этот процесс был закреплен перенесением политического центра на север. Изменениям, связанным с этим перемещением, была посвящена первая, магистерская диссертация Соловьева. Здесь Соловьев снова под-

---

[1] Соч., стб. 895.

[2] С о л о в ь е в С. «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», стр. VI. 1847

[3] «История России», кн. I, стб. 2.

[4] Там же, стб. 3.

черкивает основное значение развития государственных отношений и внешнюю, второстепенную роль татар в этом процессе. Иван IV завершает этот период русской истории. XVII в. и половина XVIII в. составляют, по существу, третий период — период вступления России в систему европейских государств и вместе с тем период европеизации России деятельностью Петра I. И здесь Соловьев еще раз возвращается к своей основной идее об органичности исторического развития, определившего деятельность Петра, а не определяемого ею: «Преобразователь воспитывается уже в понятиях преобразования, вместе с обществом приготовляется он итти только далее по начертанному пути, докончить начатое, решить нерешенное Так тесно связан в нашей истории XVII век с первой половиной XVIII; разделять их нельзя»[1].

С середины XVIII в. начинается последний, новый период русской истории; его завершением должны были явиться реформы 60-х годов. Таковы основные моменты периодизации русской истории по Соловьеву.

9

В этой общей схеме первый период русской истории определяется господством родового начала. Соловьев начинал историю России с описания господства примитивных, догосударственных отношений, с первобытных форм общежития, устанавливая в истории России последовательное восхождение от низших форм общежития к высшим. Он отвергал всякую идеализацию нашей древней истории, которую по-своему пытались возродить славянофилы. Соловьев, утверждая наличие родового быта на Руси, тем самым устанавливал единство исторического развития России и Западной Европы.

Самое понятие родового строя как исходного момента в развитии государственных отношений Соловьев заимствовал, с одной стороны, у Гегеля и русских гегельянцев (Грановский; Кавелин), с другой — из работы Эверса «Древнейшее право руссов». Как и у Эверса, родовой строй выступает у Соловьева прежде всего как система междукняжеских отношений. Единство княжеского рода, по Соловьеву, сообщает Киевской Руси политическое единство; таким образом, для Соловьева родовой строй не является стадией общественно-экономического развития народа.

Но Соловьев отлично видел, что историческая действительность не укладывается в схему чисто междукняжеских отношений, что конкретные вопросы княжеского владения решались в конечном счете реальной вооруженной силой, княжескими междоусобицами, в которых активное участие принимали местные силы (бояре, вече, город). Поэтому в конкретном изображении эпохи действие родовых отношений между князьями сочеталось с действием этих реальных внутренних сил. Власть принадлежала княжескому роду, каждая земля считала обязательной власть представителя княжеского рода, но не чувствовала себя связанной в выборе этого представителя, в замене одного члена рюрикова рода другим его членом.

В связи с этим Соловьев сделал попытку связать между собой родовые княжеские отношения и общественное развитие. При этом родовые отношения как основу общественного строя Киевской Руси он противопоставил дружинной организации, принесенной варягами, их торжеством обосновывая внутреннюю преемственность развития. Из системы родовых отношений Соловьев выводил и отношения между городами и землями Киевской Руси; отношения между старшими и младшими городами оказывались развитием тех же первоначальных отношений родового старейшинства.

«Семейные славянские понятия, отразившиеся на отношениях князей, отразились также и на отношениях городов, вследствие чего города

[1] «История России», кн. I, стб. 10.

новопостроенные вошли к древним в отношение младших к старшим, т. е. должны были находиться в воле последних»[1].

Надо иметь в виду, что у самого Соловьева понятие рода далеко не отличается четкостью. В его представлении понятие рода, как это справедливо подметил уже К. Аксаков, в значительной мере сливается с семьей (в более широком представлении о кровном союзе). В статье Соловьева «Начала русской земли» характеристика родовых отношений включает фактически и явления общинного строя.

Теория господства родового строя в Киевской Руси вызвала с этой стороны решительную полемику славянофилов, противопоставлявших роду общину. Многие возражения славянофилов были справедливы, но их убедительность ослаблялась тем, что община рассматривалась ими не исторически.

Пониманию родовых отношений Соловьев дает еще другое распространительное толкование, на которое не было до сих пор обращено достаточного внимания в историографии. Подводя итоги периоду складывания Московского государства, Соловьев писал: «Новые европейские государства разделяются на две группы: на группу государств германских и на группу государств славянских; в первых мы видим господство так называемых феодальных отношений, во вторых, и преимущественно в России,— видим господство родовых княжеских отношений». «Феодальная цепь на Западе и родовая связь на Востоке кажутся так слабы, так ничтожны при страшной борьбе материальных сил и, несмотря на то, благодаря известной экономии человеческих обществ, эти две нравственные связи, нравственные силы так могущественны, что в состоянии охранить государственное единство: несмотря на частные нарушения обязанностей — феодальных на Западе, родовых на Востоке — вообще эти связи признаются безусловно... феодализму на Западе и родовым княжеским отношениям на Востоке бесспорно принадлежала опека над новорожденными европейскими обществами в опасный период их младенчества»[2].

Из эволюции родовых отношений выводится система местничества как реализации политических притязаний боярства[3].

В борьбе с остатками родового начала завершается утверждение самодержавия в XVI веке. В этой последней интерпретации понятие родового начала переносится уже на ту сумму отношений, которой мы сейчас характеризуем период феодальной раздробленности.

В теории родового строя Соловьева особенно резко сказалась его зависимость от государственной юридической школы. Понятие рода было взято им из схемы развития государственных отношений и не раскрывало реальных общественных отношений. Именно отсюда происходит особенно резкий разрыв между схемой и реальным содержанием и создается внутренняя противоречивость самой схемы, в которую Соловьев пытался вобрать реальный исторический материал. Теория родового строя противоречила действительному развитию общественных отношений: в рассматриваемый Соловьевым период родовые отношения уже сменились территориально-племенной организацией, русские земли переходили к системе государственных отношений классового феодального общества. Схема заслонила от него эти явления. Но заслуга Соловьева состояла в том, что он подметил сложность самых явлений и остановил на них внимание исследователя. В конкретной постановке вопроса открывалась внутренняя связь со следующим периодом русской истории и возможность нового подхода к его истолкованию.

---

[1] Соловьев С. «Об отношениях Новгорода к великим князьям», стр. 26. 1845.

[2] «История России», кн. I, стб. 1342—1343.

[3] См. Соловьев С. «О местничестве». «Московский литературный и ученый сборник», 1847; «Исторические письма» в Соч.

10

Формально Соловьев шел от давнишней схемы периодизации русской истории, связывая начало нового периода с внешним фактом политической истории — с перенесением столицы в северовосточную Русь, во Владимир. Перемещение исторической арены, изменение географической среды должно было объяснить внутренние изменения исторической жизни, определившие новый период истории России. Новый период характеризуется прежде всего борьбой старых городов с новыми — вольных вечевых городов Киевской Руси, к которой принадлежал и Новгород, с новыми княжескими городами, представлявшими уже личное владение князя, его собственность. В этой связи проблема новых городов превращалась, однако, в частный случай более общего, определяющего начала, характеризующего новый период в целом,— начала собственности, вотчинного (т. е. наследственного) владения. Эта формулировка дана Соловьевым уже в его исследовании «Об отношениях Новгорода к великим князьям». Ее основное положение сводится к утверждению, что в северовосточной Руси «собственность господствует над родовыми отношениями», «понятия собственности, наследственности владения, начали господствовать над понятиями семейными» [1].

То же положение дается и в докторской диссертации Соловьева: «Понятие... об отдельной собственности явилось на севере вследствие преобладания там городов новых, которые, получив свое бытие от князя, были его собственностью» [2].

«Исход борьбы между старым городом и новыми имел решительное влияние на дальнейший ход событий»,— повторяет Соловьев и в XIII томе «Истории России» [3]. И здесь это связывается с торжеством понятия «собственность». Андрей Боголюбский — «первый пример привязанности к своему, особому, первый пример оседлости... и отсюда начинается новый порядок вещей» [4].

В этой характеристике необходимо прежде всего остановиться на ее основном элементе — начале собственности, оседлости. При всей своей ограниченности оно все же выводит нас за рамки чисто политических отношений и вводит в систему отношений общественных. Правда, в нем еще заметно преобладает юридическое понятие — землевладение, но оно включает уже и представление о землевладельческом вотчинном хозяйстве. Характеристика вотчинных отношений сохраняет реальное значение для нашей науки, поскольку они представляют одно из конкретных проявлений системы феодальных отношений.

Разойдясь с обоими теоретиками государственной школы, Соловьев отделяет понятие вотчинных отношений как отношений землевладельческих от понятия государственных отношений. Вотчинные отношения землевладения как система частноправовых отношений не покрывают собой отношений государственных, а лишь составляют материальную основу, условия развития последних: вотчинное владение князя, его господство в новых городах, составляет материальную опору его борьбы за укрепление и расширение его политической власти в условиях одновременного ослабления и упадка старых городов, также связанного с развитием новых общественных отношений. Здесь основа развития государственных отношений, и Соловьев ставит проблему непосредственного перехода от старых, родовых, т. е. догосударственных, отношений к отношениям государственным.

---

[1] Соловьев С. «Об отношениях Новгорода к великим князьям», стр. 32 и 35.
[2] Соловьев С. «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», стр. V.
[3] «История России», кн. 3, стб. 642.
[4] Там же, стб. 641.

Соловьев прослеживает реальный процесс постепенной победы новых отношений над старыми, государственных — над родовыми. Именно в этом плане рассматривает он развитие государственного строя в «Истории отношений между русскими князьями Рюрикова дома». Это борьба «за собственность и за государственные отношения против родовых», «борьба государственного начала с родовым началом», наконец, «окончательное торжество государственных отношений над родовыми»[1]. «Родовые княжеские отношения должны уступить место единовластью» — так определяется положение Московской Руси XV в. в «Истории России»[2].

Родовые отношения не исчезают сразу, а лишь постепенно уступают место в борьбе с новыми отношениями. Делается попытка вместо механического перехода от одного начала к другому показать динамику реальной борьбы нового со старым, воспроизвести процесс исторического развития. Родовые отношения создавали, по Соловьеву, не только разобщенность замкнутых кровных союзов, но и элементы связи между ними, действовавшие до тех пор, пока создались основы иной, более прочной системы отношений. Последняя создавалась оседанием князя, его новым отношением к населению и отношением народа к князю как вотчиннику своей земли. Борьба, начатая Андреем Боголюбским в XII в., затянулась почти на четыре столетия, она характеризуется медленной поступательной политикой московских князей: «Все они похожи друг на друга; в их бесстрастных ликах трудно уловить историку характеристические черты каждого; все они идут по одному пути, идут медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступает шаг вперед перед своим предшественником, каждый приготовляет для своего преемника возможность ступить еще шаг вперед»[3].

В изложении Соловьевым самой истории образования Московского государства ярко выделяются два момента, наглядно отражающие характер его подхода к историческим явлениям.

Первый — возвышение Москвы, исходный момент «собирания» русской земли, конкретного процесса складывания Московского государства. Верный своей основной исторической концепции, Соловьев и здесь начинает с анализа географических условий возвышения Москвы.

Москва — географический центр северовосточной Руси и «пограничное место между старою, Южною, и новою, Северною Русью»[4]. Поэтому население южных княжеств, а потом и пограничных княжеств северовосточной Руси, постоянно находившееся под угрозой татарских набегов, искало себе убежище в Московском княжестве. Оно спасалось туда и потому, что политика московского князя была умнее: он умел ладить с Ордой, и население Московского княжества меньше страдало от татарского гнета. Отсюда бо́льшая густота населения в Московском княжестве, а значит, и большее богатство, бо́льшие реальные силы московского князя. Кроме того центральное положение делало Москву посредницей в торговых отношениях между княжествами, между Востоком и Западом. Эта торговая роль Москвы способствовала накоплению средств у московского князя, что влекло за собой увеличение внутренних ресурсов, рост влияния московского князя и тяготение к нему остальных княжеств.

Сильная сторона концепции Соловьева заключалась в том, что источник государственного объединения вокруг Москвы он ищет прежде всего в материальной базе, в объединении народа и в ресурсах на-

---

[1] Соловьев С. «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», стр. IV, VI, X.
[2] «История России», кн. 3, стб. 1343.
[3] Там же, стб. 1119.
[4] Там же.

родной силы, а не сводит весь этот процесс к субъективному моменту — к счастливым свойствам московских князей-«собирателей», как это делал до Соловьева Карамзин, а после — многие представители буржуазной историографии.

Признание наличия материального и географического факторов возвышения Москвы явилось реальной основой для снятия внешнего фактора, привлекавшегося для его объяснения,—татарского ига. «Москва обязана своим величием ханам», — писал в свое время Карамзин. С этим положением не сумел разделаться и Погодин, к нему вернулся Чичерин, а за Чичериным пошел Ключевский[1]. Соловьев первый указал на необходимость искать реальную внутреннюю основу возвышения Москвы, совершившегося помимо и вопреки татарской политике. При этом вразрез с обычной трактовкой Соловьев отнюдь не отожествляет развитие государственного строя северовосточной Руси с возвышением Москвы. В этом смешении больше чем сам Соловьев повинны его продолжатели.

Соловьев иначе чем предшествовавшие ему историки подошел и к оценке поворотного момента в истории русского государства XVI в.— политики Ивана IV, опричнины. Для дворянской историографии, для Щербатова или Карамзина, опричнина, борьба Ивана IV с боярством, вообще лишена какого-либо реального исторического смысла; это продукт патологического состояния Ивана IV, разрыв царя с его мудрыми советниками, источник неисчислимых бедствий. На этой точке зрения стоял и Погодин. Кавелин первый дал уже иную оценку политики Ивана IV, увидев в опричнине борьбу за государственное начало, против боярства как реакционной силы, а в Иване IV—предшественника Петра I. Но в понимании Кавелина Иван IV отражает лишь первые зародыши нового, лишь «мечту» о государстве — мечту, для осуществления которой еще не созрели реальные условия; поэтому и в опричнине Кавелин видит, в конечном итоге, лишь месть за понесенную неудачу.

У Соловьева опричнина Ивана IV—не начало, а завершение длительного периода борьбы за торжество государственного начала. Смысл опричнины именно в том и состоял, что события созрели, что почва для разгрома боярства была готова; опричнина и явилась последним, решающим ударом. В «Истории России» Соловьева опричнина впервые рассматривалась как акт сознательной и исторически оправданной политической деятельности; в ее оценке существо явления отделялось от уродливых внешних форм, порожденных условиями эпохи. Правильный исторический подход к вопросу позволил Соловьеву приблизиться к правильному его разрешению. Эти мысли Соловьева получили свое дальнейшее развитие в буржуазной историографии только у Платонова и косвенно были отражены у Павлова-Сильванского. Значительная часть последующих историков, прежде всего Ключевский, сделала в решении этого вопроса шаг назад по сравнению с Соловьевым.

II

Последним этапом в поступательном движении русской истории, показанным у Соловьева, является царствование Петра I — «эпоха преобразований». Уже предисловие к I тому «Истории России» подчеркивало идею исторической подготовленности реформы («преобразователь воспитывался уже в духе преобразования»), идею «тесной связи в нашей истории XVII в. с первой половиной XVIII». Постепенно значение петровской реформы в концепции Соловьева все возрастает, превращаясь в основной центр, в стержень всего русского исторического процесса. Этой теме

[1] Впрочем, сам Соловьев впал при этом в другую крайность, значительно преуменьшив тяжесть татарского ига и тем самым значение народной борьбы против господства Золотой Орды (см. «История России», кн. I, стб. 1219). Он, скорее, отмечал роль Орды в развитии торговых связей Московской Руси с Востоком.

подчинено все содержание русской истории в его последних литографированных курсах лекций.

Но в постановке и этого вопроса Соловьеву не удалось уйти от известной двойственности. В его концепции то и дело прорывается мысль о великой личности, направляющей ход исторического развития. Это особенно отчетливо проступает в XIV томе «Истории России», в сравнении «нашей революции начала XVIII в.» с французской революцией 1789 г.: «В России один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства»[1]. Даже в «Публичных чтениях», где идея внутренней обусловленности преобразования проведена еще резче и последовательнее, звучит идеализация Петра I: «Народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; — вождь явился»[2].

Но в конечном итоге личное начало подчинялось идее общей закономерности развития народной жизни. Петр «является вождем в деле, а не создателем дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру»,— пишет Соловьев в том же, XIV томе «Истории России»[3]. Идея исторической обусловленности петровской политики является основной идеей концепции Соловьева. «Последователи исторического направления,— писал он,— тесно связывают обе половины русской истории — допетровскую и послепетровскую; в явлениях последней видят результаты явлений первой»[4].

В период переоценки ценностей, наступающий для буржуазии перед лицом борьбы рабочего класса за пролетарскую революцию, буржуазная литература начинает последовательно снижать историческое значение петровских преобразований и роль самого Петра как преобразователя. Уже Ключевский и особенно решительно Милюков подчиняют всю политику реформ требованиям, порожденным войной; по Милюкову, вся петровская реформа совершается случайно и походя, без системы и продуманной цели, для нужд одной войны. Соловьев и здесь оказывается на бо́льшей научной высоте нежели его последователи и ученики: «Война входила в общий план преобразования, как средство для достижения ясно сознанных, определенных целей этого преобразования, входила в общий план, как школа, дававшая известное приготовление народу, приготовление, необходимое в его новой жизни, новых отношениях к другим народам»[5]. Трактовка Соловьевым петровских реформ подтверждает прогрессивность для своего времени его исторических взглядов.

12

Но эта полнота исторической трактовки была возможна для Соловьева лишь до тех пор, пока его государственная концепция не вступала в прямое противоречие с пониманием органического развития общественных отношений, пока развитие государственной деятельности отражало и соответствовало поступательному ходу исторического процесса.

Но там, где государство вступало в конфликт с народом, Соловьев уже не в состоянии раскрыть закономерности развития, не может дать объективной оценки роли народных масс и их борьбы с господствующими классами. Это идет, несомненно, от его классового мировоззрения, как представителя буржуазной России. В его понимании исторического развития России находит законное место Петр с его реформами; но для народной борьбы, для народных восстаний нет места. Между тем завершение в XVI в. ликвидации феодальной раздробленности и переход к

[1] «История России», кн. 3, стб. 1055.
[2] Соч., стб. 1001.
[3] «История России», кн. 3, стб. 1055.
[4] Соч., стб. 1593.
[5] Там же, стб. 1060.

феодальному абсолютизму сопровождались нарастанием новых противоречий; поднималась активная народная борьба против феодальной системы отношений. Эта борьба выливается в ряд народных восстаний, начиная с крестьянской войны начала XVII в., за которой в XVII в. следуют городские движения и восстание под руководством Разина, раскол, а в XVIII в.— крестьянские войны, Булавин и Пугачев. Для всего этого нет надлежащего места в том плане развития последовательного прогресса, который дается Соловьевым. Поэтому в изображении XVII в. Соловьев отбрасывает, не понимает и не хочет видеть всего того, что входит в конфликт с государственным началом.

В трактовке Соловьева народное движение — это анархия, бунт. Казачество — это праздная масса, отказывающаяся от всякого труда, «охотники до гулянья». В этом плане вся история Московского государства превращается в историю борьбы начала государственного с антигосударственным, анархическим началом, представленным казачеством. «Казачество усиливалось на счет государства, вытягивая из последнего служебные и производительные силы[1]. Уход в казачество означал отказ от тягла. В плане теории закрепощения и раскрепощения государственной школы тягло есть обязательная повинность, наложенная в равной мере на все сословия русского общества в интересах укрепления государства. Поэтому отказ от тягла становится отказом от общенародной повинности и представляется, таким образом, как бунт ленивого человека против общегосударственных и общенародных интересов.

Как история народных движений, так и история народов, входивших в состав русского государства, не могли найти себе место в тесных рамках государственной концепции Соловьева. История народов России лишалась всякого самостоятельного содержания и значения, превращалась из субъекта в объект исторического процесса. Отдельные народы появляются в изложении Соловьева лишь тогда, когда возбуждается вопрос об их политическом подчинении.

Так, лишь при изложении истории XVII в., в связи с историей борьбы Московского государства за украинские земли, перед Соловьевым реально возникает вопрос об украинской истории. Даже традиционная глава по истории Литовско-русского государства отсутствует в «Истории России» Соловьева, остающегося последовательным в единстве своей политико-исторической темы. Верный принципу государственного начала, Соловьев резко отмежевывается от широкого народного движения украинского казачества, проводя свой общий взгляд на казацкие движения в специальной статье «Малороссийское казачество до Хмельницкого». Впрочем, и в этих тесных пределах работа Соловьева все же сохраняет свое научное значение. Тщательная обработка нового, ранее не тронутого исторического материала и архивных источников, не охваченных даже последующей публикацией Археографической комиссии, широта подхода к теме, которая ставится в связь со всем комплексом внешних и внутренних отношений рассматриваемого периода,—все эти характерные черты научной системы Соловьева находят полное отражение и в этих главах его «Истории».

Еще бледнее чем Украина отражены в «Истории» Соловьева другие народы России. В общей истории России они еще больше чем украинский народ выступают как объект царской политики. Что же касается их национальной борьбы против политики царизма, то она воспринимается лишь как антигосударственное начало.

13

Эпохой Петра I фактически заканчивалась основная часть «Истории России». Дальнейший период Соловьев уже не мог дать в том же це-

[1] «История России», кн. 3, стб. 1472.

лостном, законченном рассмотрении. Чем дальше, тем больше усложнялись самые общественные отношения, тем сложнее становилась и задача раскрытия внутренних связей, которыми определялось их развитие, тем труднее становилось сведе́ние их к государственному началу. Эту же трудность отметит потом Ключевский. А между тем именно здесь Соловьеву приходилось полностью поднимать новину. По XVIII веку отсутствовали не только научные исследования, но даже серьезные публикации источников; здесь не было и такого сводного источника, как летопись; полное собрание законов — этого также не следует забывать — было плодом лишь XIX века.

По истории XVIII в. Соловьев впервые поднимал нетронутые груды материалов, и не случайно разделы послепетровской истории, особенно годы царствования Екатерины II, часто носят характер лишь первоначального свода материалов. В таких условиях обобщить материал было трудно. Но его работа «История падения Польши» показывает исключительное уменье даже в этом, не разработанном тогда еще периоде объединить разнородные элементы и дать их органический синтез.

В «Истории падения Польши» Соловьеву удалось вскрыть внутреннюю связь явлений, показать западную политику России не в отрыве, а в органической связи ее с восточной политикой, с борьбой на Черном море; ему удалось установить связь между внешней политикой России и внутренней политикой самой Польши и внешней политикой Европы того времени. Этот учет всех элементов, понимание целого во всем его многообразии, во всех его частях, и является одним из основных свойств научной мысли Соловьева.

В «Истории падения Польши» Соловьев правильно наметил и основную линию внутреннего развития Польши, процесс разложения шляхетской Польши, определившийся в итоге банкротства ее внутренней и внешней политики; он правильно указал на национальные противоречия в самой Речи Посполитой. Но вместе с тем он прикрывал национальной и религиозной идеей реакционную сущность политики русского царизма, смысл второго и особенно третьего раздела Польши, как создание плацдарма в борьбе против Французской революции. Начав с правильной мысли о разрыве между политиками шляхетской Польши и интересами польского народа («народ был нем»), Соловьев с полным пренебрежением прошел мимо народного движения 1794 г. в Варшаве, на котором сказалось влияние Французской революции.

Особо выделяется группа историографических исследований в общем комплексе научно-исследовательских работ Соловьева. Основные из них: «Писатели Русской истории XVIII века», «Н. М. Карамзин и его «История государства российского», «Август-Людвиг Шлецер», «Шлецер и антиисторическое направление» — написаны в середине 50-х годов [1]. Эти работы положили начало русской историографии. Соловьев заканчивает свои историографические исследования Карамзиным, т. е. исторической наукой XVIII века.

В своих историографических работах Соловьев намечал пути дальнейшего развития истории, утверждал свою линию в науке. Переходом от историографии к исторической программе была его статья «Шлецер и антиисторическое направление». В полемике со славянофилами Соловьев отстаивал принцип подлинного историзма в историческом исследовании: «Последователи исторического направления с глубоким вниманием и сочувствием следят за строением великого здания; замечают, как участвует в этой постройке каждый век, каждое поколение, что́ прибавляет к зданию прочного, остающегося; участие к строителям, к пере-

---

[1] Все указанные работы вошли в том сочинений С. Соловьева в изд. т-ва «Общественная польза».

довым людям в деле созидания усиливается при виде тех страшных препятствий, с которыми они должны были бороться»[1].

14

Научная деятельность Соловьева оставила исключительно глубокий след в русской исторической науке. Из нее в той или иной мере исходили и современники Соловьева и вся последующая буржуазная историография. Через 25 лет после его смерти, в 1904 г., В. О. Ключевский, являвшийся тогда руководителем буржуазной исторической школы, говорил: «29 томов его «Истории» не скоро последуют в могилу за своим автором. Даже при успешном ходе русской исторической критики в нашем ученом обороте надолго удержится значительный запас исторических фактов и положений в том самом виде, как их впервые обработал и высказал Соловьев: исследователи долго будут их черпать прямо из его книги, прежде чем успеют проверить их сами по первым источникам»[2].

Сам Ключевский, стремясь ярче осветить народную жизнь, экономику и социальные отношения, шел за государственной теорией Соловьева — Чичерина в общих контурах своей схемы и во II томе «Курса русской истории». Такова в известной мере трактовка возвышения Москвы; от Соловьева шел Ключевский и в общей трактовке Петра Великого. В этом смысле продолжением школы Соловьева оставалась в известной мере и вся школа Ключевского. Принцип органического развития и связи истории России с историей Западной Европы выделил у Соловьева и Н. П. Павлов-Сильванский; в трактовке Петра I он также шел от Соловьева. Из VI тома Соловьева выросла трактовка XVI в. и опричнины Грозного в исследованиях Платонова.

Но в условиях нараставшего кризиса буржуазной науки и несмотря на развитие Лениным марксистской концепции русской истории буржуазные и мелкобуржуазные историки все более обращаются к самым слабым сторонам научной мысли Соловьева. Уходя от закономерности исторического развития, обернувшейся против них, они берут у Соловьева его схему, которая связывала его с государственной школой. Эту схему воспроизвел и значительно усилил Милюков, ее воспроизвел и Плеханов в своей работе «История русской общественной мысли».

Но сила Соловьева была именно в том, что подлинный историзм часто брал в нем верх над схемой государственной истории. Труды Соловьева сохраняют свое значение и сейчас именно теми сторонами, которые связаны с его историзмом. Однако самый принцип целостного, диалектического рассмотрения исторической действительности во всей ее конкретности, основанный на исключительном чувстве живой исторической действительности, «живой жизни» (Ленин) получает свое полное обоснование и раскрытие лишь на твердой базе марксистской теории исторического материализма.

С большой полнотой и убедительностью показана Соловьевым связь истории России с западноевропейской историей; после Соловьева ни один буржуазный историк не сумел вскрыть эту связь с такой полнотой и обстоятельностью.

В таких труднейших вопросах, как история возвышения Москвы, как утверждение самодержавия при Иване IV, как преобразовательная деятельность Петра I, труды Соловьева являлись наиболее передовыми в буржуазной историографии и представляют известную ценность до сих пор.

Наконец, «История России» является действительно монументальным сводом огромного научно проверенного исторического материала, которым пользуются историки до сих пор.

[1] Соч., стб. 1615.

[2] Ключевский В. «Очерки и речи», стр. 39. М. 1913.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА О С. М. СОЛОВЬЕВЕ

В основу данной библиографической справки положены указатели Н. Попова и Д. Корсакова, исторические библиографии бр. Ламбиных и Межова, указатели к историческим журналам, сводные росписи журнальных статей Попова, Ульяновых, библиотеки бр. Таланцевых и др.

Материал расположен по разделам в систематическом порядке, а внутри разделов — хронологически.

Просмотр de visu книг и журнальных статей дал возможность уточнить и дополнить их библиографическое описание, данное в указателях. Некоторые работы, например Барсукова Н. «Жизнь и труды М. П. Погодина», «Воспоминания Б. Н. Чичерина», расписаны в справке аналитически для выявления имеющегося в них интересного фактического и критического материала. Статьи провинциальных газет описаны по указателям.

Как всякое крупное и яркое явление научной мысли своей эпохи, Соловьев был предметом и резкой критики и восторженных похвал своих современников. Вызванный его капитальными историческими работами публицистический резонанс был тесно связан с общественно-политическими течениями того времени. Это заставило при просмотре журналов 40—60-х гг. XIX в. иногда отмечать и мелкие, чисто полемические заметки, характерные для журнальных битв тех лет, когда Соловьев активно участвовал в жизни Московского университета и сотрудничал в больших журналах.

В 70-х гг. выход очередных томов «Истории России» уже не вызывал такого острого интереса, как вначале, при выходе первого тома или томов, относящихся к таким выдающимся эпохам, как время Грозного или реформа Петра, когда их появление в свет давало повод для резкого столкновения взглядов и страстной полемики. Вышедшие же в 1877 и 1879 гг. «Начала русской земли» Соловьева — ряд обобщений, сделанных им в конце жизни, остались почти без отклика.

Библиография

Бычков А. Записка об ученых трудах профессора Московского университета С. М. Соловьева.— «Записки Академии наук». Т. XX. Кн. 2-я. 1872, стр. 383—396.

Замысловский Е. Библиографический список ученых трудов Соловьева (1842—1877).— «Журнал министерства народного просвещения». Ноябрь 1879 г., стр. 29—37. Хронологический список.

Перечень работ С. М. Соловьева, напечатанных в «Вестнике Европы» за 14 лет его постоянного сотрудничества в журнале.— «Вестник Европы» № 11 за 1879 г., стр. 437—440. Приложен к некрологу «Сергей Михайлович Соловьев».

Попов Н., проф. Список сочинений С. М. Соловьева (1842—1879).— В книге «Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Московского университета 12 января 1880 г.» стр. 74—79; отдельный оттиск, М., 16 стр.; перепечатано в книге «Сочинения С. М. Соловьева». СПБ. 1882, стр. 529—536.

Корсаков Д. Библиография трудов Соловьева, критических статей и рецензий о них, статей и заметок биографического характера.— «Русский биографический словарь». Том «Смеловский — Суворов», стр. 91—92. СПБ. 1909.

Жизнь и деятельность

Автобиография и воспоминания С. М. Соловьева

Соловьев Сергей Михайлович.— В «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Московского университета». Ч. 2-я, стр. 433—435. М. 1885. Автобиография.

Записки С. М. Соловьева «Мои записки для детей моих, а если можно и для других». П. 1915. 174 стр., портреты.

Из записок С. М. Соловьева.— В книге «Воспоминания о студенческой жизни». М. 1899, стр. 112—132. Московский университет в 40-х годах.

Биографии

Профессор Сергей Михайлович Соловьев.— «Всемирная иллюстрация». 1872. Т. VII, № 179, стр. 370—371. Краткая биография.

Безобразов П. С. М. Соловьев. Его жизнь и научно-литературная деятельность. Биографический очерк с портретом. СПБ. 1894.— В серии Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей», 80 стр.

Краткая биография С. М. Соловьева с портретом. К 75-летию со дня рождения— «Живописное обозрение» № 19 за 1895 г., стр. 1—2.

С. М. Соловьев.— «Нива» № 22 за 1895 г., стр 528—529. Биографическая заметка с портретом, по случаю 75-летия со дня рождения.

Корсаков Д. Соловьев Сергей Михайлович.— В «Русском биографическом словаре». Том «Смеловский — Суворов», стр. 82—92. СПБ. 1909.

Соловьев Сергей Михайлович.— В сборнике «Императорское московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914 гг)». Т. II. Под ред. гр. П. Уваровой и И. Бороздина, стр. 334—335. М. 1915, с портретом.

Барсуков Ник. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1—27. СПБ. 1888—1910 гг. О С. М. Соловьеве см.: кн. 6-я, стр. 129—130 — отзыв о «Киевлянине» Максимовича. Кн. 7-я, стр. 334—444 — биографические сведения о С. и его родителях. Путешествие С. заграницу и его коррес-

понденции. Кн. 8-я, стр. 92—95 — отношение Погодина к диссертации С. «Об отношении Новгорода к великим князьям». Диспут. Кн. 8-я, стр. 398 — отношение Погодина к Соловьеву-профессору. Кн. 9-я, стр. 47—48—отзывы о статье С. «О местничестве»: Хомякова—положительный, Погодина—резко отрицательный. Кн. 9-я, стр. 116—119 — С. и славянофилы. Боткин привлекает С. к сотрудничеству в «Отечественных записках». Кн. 9-я, стр. 119—122 — докторский диспут С. Кн. 9-я, стр. 128—130 — Погодин о диссертациях С. «Об отношении Новгорода к великим князьям» и об «Истории отношений между князьями Рюрикова дома». Кн. 9-я. стр. 136—146 — полемика Погодина с Соловьевым по поводу «беседы» Погодина с молодыми историками. Кн. 10-я, стр. 409—410 — отзывы Никитенко и Погодина о статьях С. о Смутном времени и о Малороссии. Кн. 11-я, стр. 174—177 — критика Погодина на статью С. «Очерк нравов, обычаев и религии славян». Кн. 11-я, стр. 194—201 — диссертация Павлова «Об историческом значении царствования Бориса Годунова»; Погодин и Калачов о С. Кн. 11-я, стр. 201—217 — полемика Погодина с Кавелиным. Кн. 11-я, стр. 449—462 — появление первого тома «Истории России» С. и вызванная им критика Савельева, Д. А. Толстого, Погодина, Беляева, Калачова. Кн. 12-я, стр. 121—122 — Грановский и И. С. Тургенев об ошибках С. и Кавелина о родовом быте. Кн. 13-я, стр. 20 — мысли С. о Крымской войне. Кн. 13-я, стр. 301 — критика В. Пассека на работы С. Кн. 13-я, стр. 343—344 — речь С. памяти И. И. Шувалова (1855). Кн. 15-я, стр. 271—276 — полемика С. с славянофилами.

Некрологи

Гильтебрандт П. Сергей Михайлович Соловьев.—«Древняя и новая Россия». Ноябрь 1879 г., стр. 373—375.

Замысловский Е. Памяти Сергея Михайловича Соловьева — «Журнал министерства народного просвещения». Ноябрь 1879 г., стр. 25—37.

Иловайский Д. Памяти С. М. Соловьева. — «Древняя и новая Россия» № 1 за 1880 г., стр. 17—20.

Ключевский В. О. Некролог С. М. Соловьева. См. под рубрикой «Соловьев и русская историческая наука».

Некролог С. М. Соловьева.— В книге «Историческая записка о деятельности Московского археологического общества за первые 25 лет существования», стр. 215—219. М. 1890.

С. М. Сергей Михайлович Соловьев.— «Вестник Европы» № 11 за 1879 г., стр. 437—440. Некролог. Поправка к некрологу — там же № 12, стр. 9—16.

Сергей Михайлович Соловьев — «Древняя и новая Россия». Ноябрь 1879 г., стр. 323—325. С портретом Соловьева.

Сергей Михайлович Соловьев. 4 октября 1879 г.— «Русская старина». 1879. Т. XXVI, стр. 543—544. Некролог.

Сергей Михайлович Соловьев.— «Русский вестник». Ноябрь 1894 г., стр. 6—16.

Воспоминания о С. М. Соловьеве

Бестужев-Рюмин К. Воспоминания (1829—1860).— «Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук». Т. XVII, № 4 и отдельный оттиск. СПБ. 1900. На стр. 24 — курс С. в университете сорковых годов; стр. 57 — отрицательное отношение Бестужева-Рюмина к Чичерину и С.

Бычков А. Воспоминания о С. М. Соловьеве. — «Записки Академии наук». 1880. Т. XXXVI. Кн. 1-я, стр. 225—228; отдельный оттиск. СПБ. 1880, 4 стр. Речь в общем собрании Академии 2 ноября 1879 г. с общей оценкой Соловьева.

Галахов А. Сороковые годы.—«Исторический вестник». № 2 за 1892 г., стр. 400—403. В гл. VIII — характеристика личности и домашнего быта Соловьева.

Ключевский В. С. М. Соловьев как преподаватель.— В книге «Издания Исторического общества при Московском университете. Рефераты, читанные в 1895 г.». (Год 1-й), стр. 184—194. М. 1896; то же в кн. «Воспоминания о студенческой жизни В. О. Ключевского, П. М. Обнинского, Д. Н. Свербеева, С. М. Соловьева и др.», стр. 3—20. М. 1899; то же в кн. Ключевский В. Очерки и речи. Второй сборник статей, стр. 24—35. М. 1913.

Корсаков Д. Из воспоминаний о Н. И. Костомарове и С. М. Соловьеве.— «Вестник Европы» № 9 за 1906 г. О Соловьеве, стр. 227—230, 263—272.

Никитенко А. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетелем в жизни был. Записки и дневник (1804—1877 гг.). Изд. под ред. и с примеч. М. К. Лемке. Томы I и II. СПБ. 1905. В т. I, стр. 388 — о статье С. «Обзор событий русской истории от кончины царя Федора Иоанновича до вступления на престол дома Романовых»; стр. 437 — доклад Николаю I о лучших учено-литературных произведениях, среди которых указана «История России» С.; стр. 535 — упоминание о ссоре профессоров Ешевского, С. и Леонтьева; стр. 536—537— участие С. в общественном протесте против юдофобской статьи в № 35 журнала «Иллюстрация» за 1858 г. В. т. II, стр. 61 — С. приглашен в комиссию по выработке университетского устава (1861 г.); стр. 325 — отставка С. и др. профессоров в связи с выборами проф. Лешкова; стр. 440—442 и 446 — избрание С. в ординарные академики по разряду русского языка и словесности.

Танков А. Сергей Михайлович Соловьев. Из воспоминаний студента Московского университета.— «Вестник Европы» № 10 за 1910 г., стр. 348—353.

Чичерин Б. Воспоминания. Москва сороковых годов. М. 1929. На стр. 39—41— Кавелин и С.— основатели новой русской историографии, влияние на них Грановского; стр. 41—46— характеристика Гранов-

ского, как профессора; стр. 59—курс С. в университете, Соловьев-экзаменатор; стр. 186—190 — характеристика личности С. Заслуги его, как ученого историка и профессора; стр. 262—266— спор о сельской общине; стр. 266— о статье С. о Шлецере.

Чичерин Б. Воспоминания. Московский университет. М. 1929. На стр. 42—С.— председатель комиссии, избранной профессорами для расследования студенческих волнений 1861 г.; стр. 74—78— кружок молодых профессоров и столкновение с Леонтьевым из-за его статьи «Администрация и педагогика»; стр. 78 — расследование экономического положения «Московских ведомостей»; стр. 192—отрицательное мнение С. о министре народного просвещения Д. А. Толстом; стр. 201—207 и 225 — отставка шести профессоров, в том числе С. и причины их ухода из университета, высокая оценка С. как человека; стр. 231 — речь С. на прощальном обеде, данном Чичерину студентами 28 января 1868 г.; стр. 243— тост проф. Капустина за С.; стр. 247—249 — ректорство С. и последние годы жизни.

Заметки об отдельных фактах, относящихся к С. М. Соловьеву.

Письма В. О. Ключевского к П. П. Гвоздеву (1861—1870). М. 1924. (Труды Российской публичной библиотеки имени Ленина и Государственного Румянцевского музея. Вып. V.). На стр. 57 — отношение С. и Чичерина к студенческим волнениям; стр. 69— первое впечатление от лекций С.; стр. 84— С. и принцип «исторической необходимости»; стр. 103—104— журнальная полемика 1862 г. и участие в ней С.; стр. 114— 115 и 117 — тяжелое впечатление от отставки шести профессоров и среди них С., вследствие столкновения с большинством совета университета.

Гильтебрандт П. Выход в отставку С. М. Соловьева.— «Древняя и новая Россия» № 6 за 1877 г., стр. 140.

Сергей Михайлович Соловьев.— «Нива» № 15 за 1876 г.

Адрес С. М. Соловьеву.— «Гражданин» № 44 за 1876 г.

Гильтебрандт П. Избрание С. М. Соловьева в почетные члены Киевской академии.— «Древняя и новая Россия» № 9 за 1877 г., стр. 93.

Эпизод на годовщине смерти С. М. Соловьева.— «Исторический вестник» декабрь 1880 г. Т. III, стр. 871—872. Венок от неизвестных петербуржцев с загадочной надписью.

Могила С. М. Соловьева.— «Исторический вестник». Август 1880 г. Т. II, стр. 805.

Чествование памяти С. М. Соловьева.— «Исторический вестник». Октябрь 1910 г. Т. 122. стр. 402. Акт Московского коммерческого училища 5 сентября 1910 г. и чествование памяти С. по случаю постановки на здании училища мемориальной доски.

Барсов Е. В. О. Ключевский, как председатель Общества истории и древностей российских.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских». 1914. Кн. 1-я, стр. 37—40. Ключевский показан как продолжатель традиций Соловьева в жизни Общества.

Памяти С. М. Соловьева.— «Дела и дни». № 1 за 1920 г., стр. 517. Информация о собрании 1 июля в Обществе российских архивных деятелей и о речах С. Рождественского, С. Платонова, А. Преснякова, М. Приселкова.

Фактические данные о научно-педагогической и административной деятельности С. М. Соловьева в Московском университете (1847—1877) можно найти в официальных университетских изданиях 40—70-х гг., как то: годичных «Обозрениях преподавания наук в Московском университете», «Отчетах о состоянии и действиях Московского университета», «Московских университетских известиях» (1865—1872), «Протоколах заседаний совета Московского университета» (1872—1881), «Краткой (погодной) истории Московского университета» (печаталась с 1841 по 1850 г. но не за все годы в «Журнале мин. нар. просв.») и т. д.

Соловьев и русская историческая наука

Кавелин К. Заметка о «Москвитянине» и мнениях М. Погодина о новой исторической школе (Беляева, Бычкова, Калачова, Попова, Кавелина и Соловьева).— «Современник». 1847. Т. IV. Кн. 8-я, смесь, стр. 111—125.

Забелин И. Фельетонизм в критике. (Несколько слов о мнениях «Современника» касательно новейших трудов по русской истории 1854 г.)—«Отечественные записки». Март 1855 г., стр. 40—41; то же в кн. Забелин И. «Опыты изучения русских древностей и истории». Т. I, стр. 457—465. М. 1872. О Соловьеве и Карамзине.

Чернышевский Н. Соч. Т. II. Очерки гоголевского периода русской литературы. СПБ. 1906. На стр. 163 — общее развитие русской исторической науки. Значение Соловьева и Кавелина.

Корреспондент. Наши и ваши (фотография кружка).— «Молва» № 13 за 1857 г., стр. 153—160.

Заметка.— «Молва» № 28 за 1857 г., стр. 337.

[Бестужев-Рюмин К. Н.]. Современное состояние русской истории как науки («История России с древнейших времен». Соч. С. Соловьева Т. I—VIII. М. 1851—1858).— «Московское обозрение». 1859. Кн. 1-я. Отд. I, стр. 1—132.

Григорьев Ап. Взгляд на «Историю России», соч. С. Соловьева.— «Русское слово» № 1 за 1859 г., отд. критики. стр. 1—48.

Дмитриев Ф. «Сочинения К. Кавелина». М. 1859. 4 части.— «Московские ведомости» № 185 за 1860 г. Разбор идей школы родового быта. Есть ряд высказываний о Соловьеве.

Возражения Бестужева-Рюмина Дмитриеву.—«Отечественные записки» № 9 за 1860 г. Т. 132, отд. критики, в статье об «Истории России» Соловьева, на стр. 6—11.

Дмитриев Ф. Ответ г. Бестужеву-Рюмину.—«Московские ведомости» № 209 за 1860 г. По поводу полемики Бестужева-Рюмина в «Отечественных записках», № 9 за 1860 г. Т. 132. В статье рассмотрен также взгляд на общину у Чичерина и на исторический процесс у Костомарова. Имеются замечания об отношении С. к Ивану Грозному и к борьбе Москвы с Тверью и Рязанью.

Бестужев-Рюмин К. Философия истории и Московское государство (По поводу статьи Дмитриева «Ответ г. Бестужеву-Рюмину»).—«Отечественные записки» № 11 за 1860 г. Т. 133, отд. русской литературы, стр. 1—17. Разбор статьи Дмитриева и попутно взглядов С. на власть московских царей.

Забелин И. Размышления о современных задачах русской истории и древностей.—«Отечественные записки». Ноябрь 1860 г. Т. 133, стр. 95—144; то же в кн. Забелин И. «Опыты изучения русских древностей и истории». Т. II, М. 1873, на стр. 30—56. Кавелин, Соловьев, Костомаров.

Русская литература.—«Отечественные записки» № 2 за 1861 г., отд. IV, стр. 66—84. На стр. 70—76 — полемика по поводу славянофилов и западников и взаимоотношений журналов «Современник» и «Русский вестник».

Костомаров Н. О значении критических трудов К Аксакова по русской истории.—«Русское слово». Февраль 1861 г. отд. II, стр. 1—28. Аксаков как критик С. и Кавелина. Анализ взглядов С. на родовой быт и другие вопросы древней русской истории.

Забелин И. Современные взгляды и направления в русской истории.—«СПБ. ведомости». Февраль 1862 г., №№ 35, 36, 38; то же в кн. Забелин И. «Опыты изучения русских древностей и истории». Ч. 1-я, стр. 301—354. М. 1872.

Ключевский В. Некролог С. М. Соловьева.—«Критическое обозрение» № 20 за 1879 г., стр. 37—40; то же в кн. Ключевский В. «Очерки и речи», стр. 1—23. М. 1913; то же в кн. «Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Московского университета 12 января 1880 г.», стр. 51—73.

Барсов Н. Университетская лекция о Соловьеве.—«Древняя и новая Россия». 1879. Кн. 12-я, стр. 498—509.

Мордовцев Д. Сергей Михайлович Соловьев.—«Огонек» № 45 за 1879 г., стр. 883—886. Общая оценка. Портрет.

Сергей Михайлович Соловьев.—«Древняя и новая Россия». 1879. Кн. 15-я, стр. 373—375. Оценка Соловьева М. Кояловичем.

Аристов Н. Разработка русской истории за 25 лет.—«Исторический вестник» № 4 за 1880 г., стр. 670—672, 674, 678. Обзор. Отмечены заслуги С. в области истории и историографии.

Бестужев-Рюмин К. С. М. Соловьев. Лекция, прочитанная в СПБ университете 3 ноября 1879 г.—«Журнал мин. нар. просв.» № 2 за 1880 г., стр. 273—287; оттиск: СПБ. 1880, 15 стр.; то же в кн. Бестужев-Рюмин К. «Биографии и характеристики», стр. 255—272. СПБ. 1882.

Герье В. Сергей Михайлович Соловьев.—«Исторический вестник». Январь 1880 г. Т. I, стр. 1—40; оттиск: СПБ. 1880, 40 стр.

Иконников В. Русская история в 25-летие 1855—1880.—«Русская старина». 1880. Т. XXVII, стр. 423—452, 619—634; на стр. 619—621 — общая оценка Соловьева.

Коялович М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПБ. 1884; то же М. 1901, 3-е изд. На стр. 171 — С. о Карамзине; стр. 275—351 — С. М. Соловьев; стр. 352—379 — Последователи воззрений С. (Кавелин, Чичерин, Забелин, Никитский, Хлебников). В «Указателе» на стр. 600 отмечены отдельные высказывания о С.

Коялович М. Разбор критики К. Бестужева-Рюмина на сочинение М. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям».—«Христианское чтение» № 3—4 за 1885 г., стр. 501—526. Имеются отдельные замечания о С.

Милюков П. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич).—«Русская мысль» № 6 за 1886 г., стр. 80—92.

Пыпин А. Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов. Исторические очерки. СПБ. 1890. 2-е изд.; то же СПБ. 1909. 4-е изд. Стр. 210—229 — значение Соловьева, его взаимоотношения с славянофильством; стр. 314, 316—317 — К. Аксаков о Соловьеве.

Пыпин А. История русской этнографии. Т. II. Общий обзор изучения народности и этнография великорусская. СПБ. 1891. Стр. 10—19 — общая оценка научного значения С; стр. 159—171 — заслуги С. и других историков его эпохи в изучении народности.

Мякотин В. К. Д. Кавелин и его взгляды на русскую историю.—«Русское богатство» № 2 за 1898 г., стр. 101—105 — сравнительная характеристика Кавелина и С.

Шмурло Е. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829—1897. Юрьев. 1899. Стр. 38—40 — влияние на Бестужева-Рюмина лекций С.; стр. 46 — противопоставление Погодина и С.; стр. 68 — отзыв Бестужева-Рюмина о VI томе «Истории России» С.; стр. 69—70 — о характеристике Ивана Грозного у С.; стр. 71—74 — статья о I—VIII тт. «Истории России»; стр. 76—82 — о статьях Бестужева-Рюмина, посвященных С. в 1858 и 1860 гг., их отличия: стр. 82, примечание — об учебнике Соловьева: стр. 103—115 — заслуги С. и Кавелина перед русской исторической нау-

кой; стр. 119— об исторической школе; стр. 134—135 — отношение Бестужева к исторической школе и к славянофилам; стр. 159, примечание — Соловьев-профессор; стр. 161 — теоретическое влияние Соловьева на Бестужева; стр. 169—177— подробная характеристика Соловьева-ученого и его «Истории России»; стр. 178—179— сравнение Соловьева и Погодина; стр. 183—185— влияние Соловьева на оценку Бестужевым Ивана Грозного и Петра I; стр. 244— что общего у Соловьева с славянофилами.

Платонов С. Лекции по русской истории. СПБ. 1900. Последнее издание — 10-е. 1917. На стр. 15—18 — С.— Кавелин — Чичерин.

Довнар-Запольский М. Исторический процесс русского народа в русской историографии.—«Русская мысль» № 3 за 1902 г., отд. II, стр. 170—186; то же. М. 1905, 32 стр. Историко-юридическая школа (Чичерин, Кавелин, С.) и славянофилы.

Завитневич В. Алексей Степанович Хомяков. Т. I. Кн. 1-я. Киев. 1902. На стр. 5—11 — разбор взглядов Соловьева на Хомякова; стр. 306—319 — теории быта родового и семейно-общинного, точки зрения Забелина, Чичерина, С.; стр. 646—654 — отношение Хомякова к исторической школе вообще и к С. в частности.

Грушевский М. История Украины-Руси. Т. I. Львов. 1904 (на укр. яз.). На стр. 533 — С. как продолжатель теории родового быта Эверса. Отдельные указания на С. — в примечаниях к тексту.

Довнар-Запольский М. Из истории общественных течений в России. Киев. 1910. На стр. 250—263—влияние гегельянства на русскую историческую науку в лице юридической школы (С., Кавелин, Чичерин) и славянофильского учения; влияние юридической школы на Ключевского и славянофилов на Костомарова; Антонович — продолжатель Костомарова.

Ключевский В. Памяти С. М. Соловьева.—«Научное слово». 1904. Кн. 8-я, стр. 117—132; то же в кн. Ключевский В. «Очерки и речи». Сб. 2-й. М. 1913, стр. 36—56.

Павлов-Сильванский Н. Феодализм в древней Руси. СПБ. 1907, то же. П. 1924. На стр. 1—19 — С., Кавелин, Грановский и их историческая теория; стр. 19—22—С. и Милюков; стр. 25—32—Ключевский и С.

Лаппо-Данилевский А. Памяти В. О. Ключевского.— «Вестник Европы». Август 1911 г., стр. 337—353; то же, в кн. «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания». М. 1912, стр. 110—116—Ключевский и С.

Богословский М. В. О. Ключевский, как ученый. В кн. «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания». На стр. 31—35 — о влиянии С. на Ключевского.

Милюков П. В. О. Ключевский. В кн. «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания». На стр. 183—217 имеются отдельные замечания о значении С. для Ключевского.

Сыромятников Б. В. О. Ключевский и Б. Н. Чичерин. В кн. «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания». На стр. 91—93— противопоставление Ключевского С. и Чичерину как историка-реформатора и материалиста.

Круковский А. С. М. Соловьев. (К 35-летию смерти историка).— «Филологические записки» № 4 за 1914 г., стр. 504—522. Значение С. в русской историографии.

Любавский М. С. М. Соловьев и В. О. Ключевский.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских». 1914. Кн. 1-я, стр. 41—52.

Любавский М. Василий Осипович Ключевский (+12 мая 1911 г.).— «Чтения в Обществе истории и древностей российских». 1914. Кн. 1-я. На стр. 7—8 — о влиянии С. на Ключевского; стр. 12— участие С. в магистерском диспуте Ключевского.

Смирнов С. Исследование В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник». — «Чтения в Обществе истории и древностей российских». 1914. Кн. 1-я. На стр. 54—55 — влияние С. на Ключевского; стр. 66— возражения С. Ключевскому на магистерском диспуте последнего 26 января 1872 г.

Пресняков А. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XIV столетий. П. 1918. Введение, стр. 1—47 — концепция истории Северо-восточной Руси у С. и ее влияние на дальнейшее развитие русской историографии.

Рождественский С. Памяти С. М. Соловьева. 5 мая 1820 г.—4 октября 1879 г. К столетию со дня рождения. — «Дела и дни» № 1 за 1920 год. На стр. 303—320 — общая оценка С.; С. и Кавелин; «История России».

Тхоржевский С. В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель.— «Дела и дни». Кн. 2-я. 1921. На стр. 152—179 — указано влияние С. и Чичерина на Ключевского, который примыкает к их исторической школе; опровергается точка зрения Сыромятникова на Ключевского, как историка-материалиста (см. статью Сыромятникова в кн. «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», стр. 69—93).

Голубцов С. Теоретические взгляды В. О. Ключевского (1911 — 12 мая — 1921). — «Русский исторический журнал». 1922. Кн. 8-я. На стр. 179—181—влияние С. на Ключевского.

Пичета В. Введение в русскую историю (источники и историография). М. 1922. На стр. 119—125 — историко-юридическая школа; влияние философии Гегеля; стр. 126—129 — славянофильская школа; стр. 142—147 — В. О. Ключевский, К. Н. Бестужев-Рюмин.

Пресняков А. В. О. Ключевский (1911—1921).—«Русский исторический журнал». 1922. Кн. 8-я. На стр. 204—210 — влияние С. на Ключевского.

Голубцов С. В. О. Ключевский в студенческие годы. В кн. «Письма В. О. Ключевского к П. П. Гвоздеву 1861—1870». М.

1924. На стр. 9—37 — значение С. для Ключевского.

Рубинштейн Н. Историческая теория славянофилов и ее классовые корни.— В кн. «Русская историческая литература в классовом освещении». Т. II. На стр. 69—76— критика славянофилов у С. и Чичерина.

Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1-я. Л. 1929. На стр. 136 — С. М. Соловьев. Сходство взглядов С. и Фюстель-де-Куланжа.

Нечкина М. В. О. Ключевский.— В кн. «Русская историческая литература в классовом освещении». Т. II. М. 1930. На стр. 225—226 — влияние Чичерина и С. на Ключевского.

Покровский М. Историческая наука и борьба классов. М. 1933. Вып. I. На стр. 52—73 — Соловьев. Влияние С. на Ключевского; стр. 81—85 — С. и Плеханов; стр. 105—108 — С.— историк-идеалист; стр. 183—185 — об общей концепции С.; стр. 188—205—Ключевский, как ученик Чичерина и С. Вып. II. На стр. 167—170 — влияние Гегеля на русскую историографию; сравнительная характеристика «западников» (С., Кавелин, Чичерин) и славянофилов; стр. 172—Щапов и «западники», стр. 334 — Погодин, С. и Кавелин (два поколения).

Плеханов Г. История русской общественной мысли. Т. I. 1914; то же в Соч. Т. XX, стр. 24—38. Критика исторической концепции Соловьева.

Ольминский М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М.—Л. 1925. На стр. 11— Соловьев — «идеолог» дворянского государства; стр. 83, 85, 88, 90 — отношение к Петру I в связи с общей характеристикой С.; стр. 129—132— критика взглядов С. на роль дворянства в эпоху Петра II и Анны Иоанновны; стр. 145—148, 150—151— критика взглядов С. в вопросе о дворянских переворотах XVIII в. при Анне Леопольдовне и Елисавете Петровне.

«История СССР». Т. I. «С древнейших времен до конца XVIII в.». Под ред. проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, члена-корреспондента Академии наук С. В. Бахрушина. М. Соцэкгиз. 1939. 792 стр. (Институт истории Академии Наук СССР и кафедра истории Истфака МГУ). В § 2 «Введение в русскую историографию» дана характеристика С. как главы историков-государственников; в последующих главах дана характеристика взглядов С. на отдельные периоды и проблемы истории СССР.

Рецензии и полемические статьи о трудах С. М. Соловьева

О методологических и историографических трудах

Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII века: Манкиев, Татищев, Ломоносов, Тредьяковский, Щербатов, Болтин, Эмин, Елагин, митр. Платон.—«Архив исторических и юридических сведений о России», издаваемый Н. Калачовым. Кн. 2-я, первая половина, отд. III, стр. 3—82. СПБ. 1854.

Рецензии: 1) «Отечественные записки». 1855. Т. 101, № 7, отд. III, стр. 18—19; 2) «Библиотека для чтения». 1855 Т. 133, отд. V, стр. 38—40.

Соловьев С. М. Н. М. Карамзин и его литературная деятельность. «История государства российского». — «Отечественные записки». 1853. Т. 90; 1854. Т. 92 и 94; 1855. Т. 99 (№ 4), Т. 100 (№ 5); 1856. Т. 105 (№ 4).

Рецензии: 1) «Отечественные записки». 1855. Т. 99, № 3, отд. III, стр. 40—41. 2) «Пантеон». 1855. Т. 22, № 7, стр. 6—9, 3) «Сын отечества». 1856, № 7, фельетон «Русская литература», стр. 489, 4) «СПБ. ведомости». 1856, № 85.

Соловьев С. М. Август Людвиг Шлецер († 1809 г.). — «Русский вестник». 1856. Т. II, апрель. Кн. 2-я, стр. 489—533.

Рецензии: 1) «Отечественные записки». 1856. Т. 109, № 6, отд. II, стр. 87—88; 2) «Сын отечества» № 9 за 1856 г., стр. 176—177; 3) «СПБ. ведомости» № 125 за 1856 г., 4) «Современник». 1856. Т. 57, № 6. Заметки о журналах, стр. 110—111.

Соловьев С. М. Шлецер и антиисторическое направление.—«Русский вестник». 1867. Т. VIII, апрель. Кн. 2-я, стр. 431—480.

Полемика. Статьи: 1) Замечания на статью г. Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление». — «Русская беседа». 1857. Т. III. Кн. 7-я. Критика, стр. 73—158. Замечания следующих лиц: П. Бессонова, Ю. Самарина (то же в его Соч. Т. I, стр. 220—235. СПБ. 1900); К. Аксакова (то же в его Соч. Т. I, стр. 169—207. 1889); А. Хомякова; 2) К-ов. Оппозиция г. Соловьева покойному И. В. Киреевскому. — «Молва» №№ 33 и 34 за 1857 г.; 3) К. А. Замечание.— «Молва» №№ 8, 12 за 1857 г. (то же Аксаков К. Соч. Т. I, стр. 208—210. 1889). Рецензии: 1) [Чернышевский Н.]—«Современник». 1857. Т. 62, № 6, отд. V, стр. 316—317; 2) «Сын отечества» № 21 за 1857 г., стр. 491; 3) «Молва» №№ 5 и 28 за 1857 год.

Соловьев С. М. Начала русской земли. — «Сборник государственных знаний». Под редакцией В. П. Безобразова. Т. IV. 1877; Т. VII. 1879.

Рецензии: Иловайский Д. Еще о происхождении Руси. — «Древняя и новая Россия» № 1 за 1880 год. На стр. 635—650 — критика взглядов Куника, Томсена и С. («Начала русской земли»).

Рождественский С. Памяти Сергея Михайловича Соловьева. 5 мая 1820 г. — 4 октября 1879 г. (К столетию со дня рож-

дения). — «Дела и дни». 1920. Кн. 1-я. На стр. 318—319 — о «Началах русской земли».

Иконников В. С., проф. Опыт русской историографии. Т. II. Кн. 1-я и 2-я. Киев. 1908. В кн. 1-й, стр. 372—374 — С. М. Соловьев. В кн. 2-й, стр. 1432 — Соловьев о Татищеве; стр 1613 — Соловьев об истории Украины; стр 1831—1832 — Соловьев об «Ином сказании».

О Собраниях сочинений

Сочинения С. М. Соловьева. СПБ. 1882, 536 стр.

Рецензии: 1) Бестужев-Рюмин К. — «Исторический вестник». 1882. Т. 8, № 6, стр. 670—672. 2) «Русская старина». 1882. Т. 35, № 9, на обложке (рецензия В. Иконникова).

Соловьев С. М. Собрание сочинений. СПБ. 1901.

Рецензия: Грибовский В.—«Исторический вестник». 1901. Т. 84, апрель, стр. 351—352.

Об «Истории России с древнейших времен»

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 29 томов. СПБ. 1851—1879 годы. Отдельные тома многократно переиздавались Последнее изд. «Общественной пользы». Кн. 1—7-я СПБ. 1911. (В кн. 7-й — указатель).

Критика: 1) Григорьев Ап. Взгляд на «Историю России» соч. С. Соловьева. — «Русское слово» № 1 за 1859 г., отд. критики, стр. 1—48.

2) Бестужев-Рюмин К. История России с древнейших времен, соч. С. Соловьева. Т. I—X.— «Отечественные записки». 1860. Т. 132, № 9, отд. критики, стр. 1—28. Статья содержит общую оценку труда С. и полемику с Ф. Дмитриевым, как сторонником идей Соловьева.

3) Петров К. Курс истории русской литературы (862—1862) с библиографическими указаниями. СПБ. 1867. На стр. 168—171 — литература пятидесятых годов. Русская гражданская история: Устрялов, С. и Костомаров.

4) Двадцатипятилетие «Истории России» С. М. Соловьева.— «Древняя и новая Россия» № 1 за 1877 г., стр. 107—113. Общая оценка «Истории»; адрес почитателей с рисунком папки; ответ С.; адрес СПБ университета и Академии наук.

5) Бестужев-Рюмин К. Двадцатипятилетие «Истории России» С. М. Соловьева, 1851—1876.— «Русская старина». 1876. Т. XV. Кн. 3-я, стр. 679—686.

6) Донат. Журнальные толки. Об «Истории России с древнейших времен» С. Соловьева.— «Московский курьер» № 56 за 1861 год.

7) Отзыв «Петербургских ведомостей» (от 3 августа 1857 г.) об «Истории» Соловьева.— «Молва» № 20 за 1857 год.

8) Забелин И. Размышления о современных задачах русской истории и древностей.— «Отечественные записки». 1860. Т. 133, № 11. На стр. 118—120—об «Истории России».

9) Кареев Н. Несостоявшийся юбилей. — «Русский библиофил» № 15 за 1915 г., стр. 109—110. О предполагавшемся, но не разрешенном публичном праздновании юбилея «Истории России» в связи с выходом XXV тома.

Статьи и рецензии об отдельных томах «Истории России с древнейших времен»

О I томе

1) Аксаков К. Несколько слов о русской истории, возбужденных «Историей» Соловьева. В кн. Аксакова К. Соч. Т. I, стр. 39—58. М. 1861. 2-е изд., стр. 44—62. М. 1889.

2) Аксаков К. О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности. По поводу мнений о родовом быте.— «Московский ученый и литературный сборник». 1852. Т. I, стр. 51—139; то же в кн. Аксаков К. Соч. Т. I, стр. 63—123. М. 1889.

3) Кавелин К. «История России с древнейших времен». Т. I.— «Отечественные записки». 1851. Т. 79. Кн. 12-я, стр. 45—122; то же в кн. Кавелин К. Соч. Т. I, стр. 414—507. 1889.

4) «Современник». 1851. Т. 29, отд. библиографии, стр. 61; 1854. Т. 47, стр. 39—46.

5) «Сын отечества». 1851. Т. 6. Кн. 12-я, стр. 1—7.

6) Калачов Н.— «Московские ведомости». 1852. № 30—32, 35.

7) Погодин М.— «Москвитянин». 1851. Ч. 5-я, № 18, стр. 335—423, № 19—20, стр. 601—625. Ч. 6-я, № 21, стр. 76—77, № 24, стр. 585—596. 1852. Ч. I-я, № 2, отд. V, стр. 41—52. Ч. 1-я, № 4, отд. VIII, стр. 106—110.

8) «Москвитянин». 1851. Ч. 4-я, № 14, за июль. Кн. 2-я, стр. 25—49.

9) «Московские ведомости». 1851. № 146 и 152; 1852. №№ 6, 13, 17, 26 (По поводу рецензии в «Москвитянине»).

10) Соловьев С.— «Московские ведомости» № 35—38 за 1852 г. Ответ Калачову.

11) «Библиотека для чтения». 1851. Т. 109, отд. критики, стр. 37—86; Т. 110, отд. критики, стр. 1—51.

12) —бов (Н. А. Добролюбов). Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым.— «Современник». 1858. Т. 72. Критика, стр. 32—33—отдельные замечания; то же в кн. Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 270—271. М. 1936.

13) Афанасьев А.— «Современник». 1852. Т. 35, отд. III, стр. 17—36.

14) Полевой К.— «Северная пчела». 1852. №№ 20, 21, 113 и 114.

15) «Отечественные записки». 1851. Т. V, № 10, отд. библиографии и хроники, стр. 49—51.

16) «Известия Академии наук» по отделению русского языка и словесности. 1853. Т. II, л. 10—11, стр. 168—169.

О II и III томах

1) Бестужев-Рюмин К.— «Московские ведомости». 1856. №№ 46, 54, 59. Лит. отд.

2) Забелин И. «История России» Соловьева. Т. II. М. 1852; Т. III. М. 1852.— «Отечественные записки». 1853. Т. 86, февраль, отд. IV, стр. 61—63; 1854. Т. 92, февраль, отд. III, стр. 18—20. То же в кн. Забелин И. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 1-я, стр. 561—566. М. 1872.

О IV томе

1) Чернышевский Н. «История России с древнейших времен», соч. Сергея Соловьева. Том IV. М. 1854.— «Современник». 1854. № 10. То же Чернышевский Н. Соч. Т. I, стр. 159—164. СПБ. 1906.

О V томе

1) Бестужев-Рюмин К.— «Отечественные записки». 1858. Т. 119, отд. III, стр. 53—63.

2) Срезневский И.— «Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности». 1855. Т. IV. Вып. 6-й.

3) «СПБ. ведомости» № 121 за 1855 г.

О VI томе

1) Аксаков К. По поводу VI тома «Истории России» Соловьева.— «Русская беседа». 1856. Кн. 4-я, отд. III, стр. 1—53; то же Аксаков К. Соч. М. 1861, стр. 125—172, 612—614; 2-е изд. М. 1889, стр. 124—168, 581—582.

2) Бестужев-Рюмин К.— «Московские ведомости». 1856. №№ 46, 54, 59. Лит. отд.

3) Попов Я. Иоанн Грозный. «История России с древнейших времен», соч. С. Соловьева. Т. VI. М. 1856.— «Русский вестник». 1856, апрель. Кн. 2-я, стр. 289—300.

4) Ярополк «Два слова о новой неисторической школе г. Соловьева».— «Молва». 1857, № 5, стр. 65—67.

5) Яхонтов С. Шестой том «Истории России» Соловьева.— «Северная пчела», № 274, 283 за 1857 год.

6) Погодин М. Царь Иван Васильевич Грозный. В кн. Погодин М. «Историко-критические отрывки». Кн. 2-я, стр. 183—196. М. 1867; то же в кн. «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», издаваемый Калачовым. № 5 за 1860 год, стр. 1—17.

7) «СПБ. ведомости» № 155 за 1856 год.

8) «Сын отечества» № 6 за 1856 год.

9) Имрек. Письмо к редактору.—«Молва» № 6 за 1857 год.

10) «Молва» № 6, 20, 28 за 1857 год.

11) Дмитриев А. «Пермская старина». Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 4-й; Строгановы и Ермак. Пермь. 1892. На стр. 6—7 — неопределенность взглядов С. на происхождение Строгановых; стр. 24—С. об участии Строгановых в выкупе Василия II, Темного; стр. 55—60 — изложение полемики С. с Небольсиным по вопросу о поземельных правах Строгановых.

12) Шишонко Василий. Пермская летопись 1263—1881 гг. Пятый период 1682—1725 гг. Ч. 1-я. Пермь. 1885. На стр. 470—473 — полемика со взглядами С. на «историческую роль Строгановых в деле покорения Сибири».

О VII томе

1) Аксаков К. По поводу VII тома «Истории России» Соловьева.— «Русская беседа». 1858. Т. II. Кн. 10-я, отд. III, стр. 1—33; то же в Соч. Т. I, стр. 217—254. 1861; стр. 211—245. 1889.

2) Погодин М. Царь Иван Васильевич Грозный.— «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», издаваемый Калачовым, № 5 за 1860 г., стр. 1—17; то же в кн. Погодин М. Историко-критические отрывки. Кн. 2-я, стр. 188—196. 1867.

3) Грыцько. Исторические очерки («История России с древнейших времен», соч. С. Соловьева. Т. VII и VIII).— «Современник». 1860. Т. 84, № 11, отд. III, стр. 61—84.

4) «СПБ. ведомости» № 167 за 1857 г.

О VIII томе

1) К. Б.-Р. (Бестужев-Рюмин).—«Отечественные записки». 1858. Т. 119, отд. III, стр. 53—63.

2) Аксаков К. По поводу VIII тома «Истории России» Соловьева.— «Русская беседа». 1860. Т. I. Кн. 19-я, отд. III, стр. 1—34: то же в Соч. Т. I, стр. 255—290. М. 1861; 2-е изд., стр. 246—278. М. 1889.

3) Грыцько. Исторические очерки («История России с древнейших времен», соч. С. Соловьева. Т. VII и VIII).—«Современник», 1860. Т. 84, № 11, отд. III, стр. 61—84.

4) Чернышевский Н. «Свисток» Опыты открытий и изобретений — «Современник». 1862, № 1; то же в Соч. Т. IX, стр. 62 и 67. СПБ. 1906. Насмешливая тирада по адресу Соловьева в связи с его характеристикой Ивана Грозного.

О IX и X томах

1) «СПБ. ведомости» № 186 за 1859 год.

2) Бестужев-Рюмин К.— «Отечественные записки». 1860. Т. 131, № 7, отд. III, стр. 57—58; 1861. Т. 134, № 1, отд. III, стр. 28—47.

Об XI томе

1) Бестужев-Рюмин К.— «Отечественные записки». 1861, № 10, стр. 123—124.

2) «Современник». 1861. Т. 88, № 8, отд. II, стр. 265—283.

3) Субботин Н. Дело патриарха Никона. Историческое исследование по поводу XI тома «Истории России» проф. Соловьева. С приложением актов и бумаг, относящихся к этому делу. М. 1862. 249 стр. Первоначально в «Русской речи» №№ 43, 46, 50, 51, 74, 75, 76 и 84 за 1861 год.

4) Бартенев П. Ответ г. С-ну.— «День» № 6 за 1864 год.

О XII томе

1) Бестужев-Рюмин К.— «Отечественные записки». 1862, № 12, отд. III. стр. 180—182.

2) Ветвицкий Н. Чиновничий элемент в разработке русской истории.— «Библиотека для чтения». 1862. Т. 174, № 12, отд. II, стр. 115—133. (О XII томе «Истории» Соловьева и о книге А. Щапова «Земство и раскол».)

О XIII томе

1) «Древняя Русь». — «Современник». 1863. Т. 99, № 11, отд. II, стр. 13—40.

2) Миллер Орест. Русский народный эпос перед судом Соловьева.— «Библиотека для чтения». 1863. № 11, отд. II, стр. 21—38 и 1864, № 3, отд. II, стр. 36—70.

3) «Голос» № 280 за 1863 год.

4) Шелгунов Н. Ученая односторонность.— «Русское слово». 1864, № 4, отд. II, стр. 1—36.

5) Забелин И. «СПБ. ведомости» № 279 и 283 за 1869 год.

6) Елагин В. По поводу XIII и XIV томов «Истории России» Соловьева.— «День» № 12 за 1865 г., стр. 269—275.

7) Кавелин К. Мысли и заметки о русской истории. Соч. Т. I, стр. 585—675. СПБ. 1897; то же «Вестник Европы» 1866. Кн. 2-я, стр. 325—404. По поводу томов XIII, XIV, XV «Истории России» С. и «Истории Петра Великого» Устрялова.

8) «Москва» № 59 за 1867 г. Возражения Ильи Беляева на статью К. Кавелина «Мысли и заметки о русской истории».

О XIV—XVII томах

П. Щ.— «Русский вестник». 1867. Т. 72, ноябрь, стр. 275—296.

О XIV томе

1) «Книжный вестник» № 20 за 1864 г., стр. 399.

2) «Русский инвалид». Еженедельное прибавление. 1864. № 39.

3) М. К. Взгляд Соловьева на реформу Петра.— «Отечественные записки». 1865. Кн. 1-я, февраль, стр. 497—520.

О XV томе

1) «СПБ. ведомости» № 339 за 1865 год.

2) Трачевский А. Соловьев. «История России». Т. XV.— «Русский вестник» № 2 за 1866 г., стр. 815—833.

3) Шашков С. Опыты законодательных собраний.— «Дело» № 5 за 1870 г., стр. 1—17. О XV—XVI томах «Истории».

О XVI томе

1) Новые сочинения профессоров.— «Московские университетские известия» № 2 за 1866—1867 гг., стр. 163—165.

2) «Отечественные записки». 1867. Т. 170, № 2, стр. 93—122.

3) «Голос» № 335 за 1866 год.

4) «Вестник Европы». 1866. Т. IV. Литературная хроника, стр. 38 и 1867. Т. I. Литературная хроника, стр. 1—12.

О XVII томе

1) «Московские университетские известия» № 11 за 1866—1867 гг., стр. 1146—1147.

2) «Вестник Европы». 1867. Т. IV. Литературная хроника, стр. 1—9.

О XVIII томе

1) П. Щ.— «Русский вестник». 1868. Т. 78, декабрь, стр. 689—702.

2) П. XVIII том «Истории России».— «Современная летопись» № 1 за 1869 г., стр. 12—13.

О XIX томе

1) «Всемирный труд» № 2 за 1870 г., стр. 113—120.

2) «Вестник Европы» № 1 за 1870 г. Библиографический листок на обложке; № 2, стр. 945—957. «Русские верховники прошлого века».

О XX томе

1) «Вестник Европы». 1870. Т. VI, № 12. Библиографический листок.

2) «Русская старина» № 1 за 1871 г. Заметка на обложке.

О XXII томе

1) Наша историография. «История России с древнейших времен». Т. XXII.— «Вестник Европы» № 12 за 1878 г., стр. 439—450.

2) «Русская старина» № 2 за 1863 год. Заметка на обложке.

О XXIII томе

1) Бестужев-Рюмин К.— «Сборник государственных знаний». СПБ. 1874. Т. I стр. 37—41.

2) «Вестник Европы». 1873. Т. VI, № 12. Библиографический листок.

О XXIV томе

1) Белов Е.— «Древняя и новая Россия» № 1 за 1875 г., стр. 102—106.

2) Бестужев-Рюмин К.— «Сборник государственных знаний». СПБ. 1875. Т. II, отд. VI, стр. 167—172.

3) Иконников В.— «Киевские университетские известия» № 8 за 1875 г., стр. 224—226; № 11, стр. 1—2.

О XXV томе

1) Барсов Н. Арсений Мациевич, митрополит ростовский в 1762—1763 гг. (По поводу XXV тома «История России с древнейших времен» Соловьева).— «Русская старина». 1876. Т. XV, № 4, стр. 721—753.

2) Бестужев-Рюмин К.— «Сборник государственных знаний». СПБ. 1877. Т. III, отд. II, стр. 59—64. Есть отдельные оттиски.

3) Белов Е.—«Древняя и новая Россия» № 2 за 1875 г., стр. 189—193.

4) «Биржевые ведомости» № 322 за 1875 год.

5) Иконников В.— «Киевские университетские известия» № 5 за 1876 г., стр. 173—174; № 12, стр. 1. Библиографические заметки.

6) Д.— «СПБ. ведомости» № 397 за 1875 год. Библиографические заметки.

7) «Вестник Европы». 1875. Т. VI, № 12. Библиографический листок.

О XXVI томе

1) Бестужев-Рюмин К.— «Сборник государственных знаний». Т. IV, стр. 39—45. СПБ. 1877.
2) Белов Е.— «Древняя и новая Россия». 1877. Т. I, стр. 113—115.
3) «Гражданин» № 2 за 1877 год.
4) Иконников В.— «Киевские университетские известия» № 7 за 1877 г., стр. 265—266. Библиографические заметки.
5) В. И. — «Русская старина». 1877. Т. XVIII, № 8, стр. 542—548.

О XXIX томе

1) Гильтебрандт П. Двадцать девятый том «Истории России» Соловьева.— «Русская старина» № 1 за 1880 г., стр. 190. Заметка о посмертном печатании XXIX тома.
2) Белов Е.— «Исторический вестник». 1880. Т. I, № 3, стр. 644—645.
3) «Ведомости одесского градоначальства» № 10 за 1880 год.
4) «Одесский вестник» № 23 за 1880 год.
5) «Русские ведомости» № 5 за 1880 год.
6) «Русский курьер» № 3 за 1880 год.
7) «Русский вестник» № 7 за 1880 год.
8) «Нива» № 2 за 1880 год.
9) «Газета Гатцука» № 16 за 1880 год.

Шилов И. Ключ или алфавитный указатель к «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, М. 1864. VIII + 632 стр. Рецензия: «Книжный вестник» № 24 за 1864 г., стр. 497—498.

Соловьев М. Указатель к «Истории России с древнейших времен» Сергея Михайловича Соловьева. СПБ. б. г. 616 столб.

Полемика по отдельным вопросам

Общинно-родовой быт

Корсаков Д. Примечания. В кн. Кавелин К. Соч. Т. I, стр. I—II. СПБ. 1897. История полемики по вопросу об общинно-родовом быте в связи с работами Кавелина и Соловьева.

Соловьев С. О нравах и обычаях, господствовавших в древней Руси, от времен Ярослава I до нашествия монголов.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских». 1841, № 2, отд. I, стр. 46—60. Рецензия: «Отечественные записки». 1846. Т. II, отд. русской литературы, стр. 69—70.

Кавелин К. Взгляд на юридический быт древней России.— «Современник» № 1 за 1849 г., отд. II, стр. 1—52; то же в Соч. Т. I, стр. 5—65. СПБ. 1897. Рецензии: 1) Погодин М.—«Москвитянин». 1847. Ч. 1-я, стр. 172—174; 2) М. З. К. (Ю. Ф. Самарин). О мнениях «Современника» исторических и литературных.— «Москвитянин». 1847. Ч. 2-я, стр. 135—174. 3) Ответ Кавелина. — «Современник». 1847. Т. VI, отд. русской литературы, стр. 109—134; то же в Соч. Т. I, стр. 67—96. СПБ. 1897.

Соловьев С. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие. — «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», издаваемый Калачовым. Кн. 1-я, стр. 1—54. М. 1850. Рецензии: 1) Афанасьев А.— «Современник». 1850. Т. XX, № 4, отд. III, стр. 45—74; 1851. Т. I, отд. II, стр. 24—29; то же в «Архиве». 1855. Кн. 2-я, первая полов., стр. II—XVIII. 2) Аксаков К. О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности. По поводу мнений о родовом быте.— «Московский сборник». Т. I, стр. 51—139. М. 1852; то же в Соч. Т. I, стр. 63—123. 2-е изд. М. 1889. 3) Кавелин К. Рецензия «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России». Кн. 1-я. М. 1850.— «Отечественные записки». 1850. Т. 70. Кн. 5-я, отд. I, стр. 11—20; то же в Соч. Т. I. стб. 900—913. СПБ. 1897. На стб. 917—924—разбор взглядов Соловьева и Афанасьева на культ предков в связи со статьей А. Афанасьева «Дополнения и прибавления к собранию русских народных пословиц и притчей, изданному И. Снегиревым», напечатанной в «Архиве» Калачова. 1855 Кн. 2-я, первая половина, стр. 177—204. 4) Шеппинг Д. Еще несколько слов о статье Соловьева.— «Москвитянин». 1850. № 7, отд. IV, стр. 85—88.

Соловьев С. Исторические письма.— «Русский вестник». 1859. Т. XX. № 5 за март, кн. 1-я, стр. 1—22. История русской общины до конца XVI века.

Взаимоотношения удельных князей

Соловьев С. О родовых отношениях между князьями древней Руси.— «Московский ученый и литературный сборник». Т. I, стр. 203—215. М. 1846.

Рецензия: Кавелин К.— «Отечественные записки». 1846. Т. 4. Русская литература, стр. 27—31; то же в Соч. Т. I, стб. 270—278. СПБ. 1897.

Соловьев С. Об отношениях Новгорода к великим князьям.—«Чтения в Обществе истории и древностей российских». 1846. Кн. 1-я, стр. 1—162; то же М. 1845. 202 стр.

Рецензии: 1) «Русский инвалид» № 267 за 1845 г. 2) Кавелин К.— «Отечественные записки». 1845. Т. 43, № 12, отд. VI, стр. 64—75; то же в Соч. Т. I, стр. 254—270. СПБ. 1897. 3) «Современник». 1845. Т. 40, стр. 200—212. 4) «Финский вестник». 1847. Т. 16, № 4, стр. 1—18. 5) Погодин М. О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачова, Попова, Кавелина и Соловьева по части русской истории.—«Москвитянин». 1847. Ч. 1-я. № 1. На стр. 174—182— критика соч. Соловьева «Об отношениях Новгорода к великим князьям» и «История отношений между

русскими князьями Рюрикова дома». 6) В. М-ий (Мстиславский). Некоторые замечания о русской современной исторической критике, по поводу рецензий на книгу Соловьева «Об отношениях Новгорода к великим князьям».— «Москвитянин». 1847. Ч. 1-я, № 1, стр. 185—200. 7) Ответ [Соловьева] г-м Погодину и М-му на их отзывы о моих сочинениях, помещенные в № 1 «Москвитянина» за 1847 г.— «Московские ведомости» № 85 за 1847 г. 8) Ответ Погодина — «Московские ведомости» за 1847 г. № 88 и «Москвитянин». 1847. Ч. 2-я, стр. 223—229. 9) Ответ Соловьева.— «Московские ведомости» № 89 за 1847 г., стр. 686—687. 10) «Дополнение» М. Погодина.— «Москвитянин». 1847. Ч. 2-я, стр. 229—236. 11) Возражения на статью Погодина.— «Современник». 1847. Т. 4, август. Смесь, стр. 114—125.

Соловьев С. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М. 1847. X + 700 стр.

Рецензии: 1) «Московский городской листок» № 82 за 1847 г., стр. 327—328; 2) Беляев И.— «Московский городской листок» № 102 и 103 за 1847 г., стр. 407—409 и 412—414. 3) Драшусов В. (Отчет о диспуте Соловьева).— «Московский городской листок» № 130 за 1847 г., стр. 520—522. 4) Кавелин К. — «Современник». 1847. Т. 4, отд. 3, стр. 43—58; т. VI, № 12, отд. 3, стр. 161—221; 1848, т. IX, № 5, отд. 3, стр. 1—48; то же в Соч. Т. I, стр. 278—414. СПБ. 1897. 5) «Отечественные записки». 1847. Т. 52, № 6, отд. VI, стр. 75—89. 6) Савельев-Ростиславич Н.— «Финский вестник». 1847, Т. 19, 20 и 21, отд. V, стр. 1—26, 1—24, 1—39. 7) Пассек В. Исторические изыскания Соловьева в сравнении с историческими данными. СПБ. 1852. 184 стр. 8) Барсуков И. Жизнь и труды Погодина. Т. 13, стр. 302 — о книге В. Пассека.

Сергеевич В. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Исторические очерки. М. 1867. 414 стр. На стр. 14 примечание 35 — полемика с Соловьевым об особенностях устройства новых северовосточных городов; стр. 44—50—заметка о значении слова «род»; стр. 84—С. о компетенции вечевого суда; стр. 100—101, примечание — возражения С. по вопросу о взаимоотношениях князя и веча (договор); стр. 265—272—полемика против С. («Заметка по поводу мнения о родовом быте князей»); стр. 302, примечание—возражения С. по вопросу о распределении волостей между князьями.

Пресняков А. Удельное владение в княжеском праве Великороссии и власть московских государей.— «Дела и дни». 1920. Кн. 1-я. На стр. 15—18 — взгляды Соловьева на княжеские взаимоотношения в удельный период.

Древняя Русь и Европа

Соловьев С. Древняя Россия.— «Русский вестник». 1856. Т. I. Кн. 1-я, стр. 11—31. Общий взгляд на исторические отношения России к Западной Европе.

Рецензии: 1) Чернышевский Н.— «Современник» № 2 за 1856 год. Заметки о журналах; то же в Соч. Т. II, стр. 347. СПБ. 1904. 2) «Журнал мин. нар. просв.». 1856. Ч. 92-я, № 11, отд. VI, стр. 68—70; 3) «Отечественные записки». 1856. Т. 111, № 6, отд. III, стр. 85—87; 4) «Русский инвалид» № 15 за 1856 г.; 5) «СПБ. ведомости» № 125 за 1856 г.

Духовенство в древней Руси

Соловьев С. Взгляд на состояние духовенства в древней Руси до половины XIII века.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских». 1846—1847, № 6, отд. 1, стр. 1—18.

Рецензия: Кавелин К.— «Современник». 1847. Т. III, отд. русской литературы, стр. 11—12; то же в Соч. Т. I, стр. 814—816. СПБ. 1897.

Местничество

Соловьев С. О местничестве. «Московский ученый и литературный сборник». Т. II, стр. 265—316. 1847.

Рецензии: 1) Кавелин К. «Отечественные записки». 1847. Т. III. Кн. 5-я. Библиографическая хроника, стр. 3—5. 2) «Современник». 1847. Т. III, отд. III, стр. 119—120.

Вопрос о сельской общине

Соловьев С. Спор о сельской общине. — «Русский вестник», 1856. Т. VI, ноябрь, кн. 2-я, стр. 285—304. Разбор статьи Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины в России» («Русский вестник». 1856. Т. I, февраль, кн. 1 и 2-я, стр. 377—400 и 579—602).

Беляев И. Спор о сельской общине С. Соловьева.— «Русская беседа». 1856. Т. IV, стр. 115—123.

Соловьев С. Несколько дополнительных слов к статье «Спор о сельской общине».— «Русский вестник». 1856. Т. VI, декабрь, кн. 2-я, стр. 192—196.

Чернышевский Н. Обзор исторического развития сельской общины в России Чичерина.— «Современник» № 4, 1856 г., то же в Соч. Т. II, стр. 363—370. СПБ. 1906.

Корсаков Д. Примечания.— В кн. Кавелин К. Соч. Т. I, стр. II, СПБ. 1897. О полемике, вызванной работой Чичерина «Областные учреждения в России в XVII в.»

Чичерин Б. Воспоминания. Москва сороковых годов. М. 1929. На стр. 262—266 — спор о сельской общине.

Эпоха крестьянских войн XVII века

Соловьев С. Обзор событий русской истории, от кончины царя Федора Иоанновича до вступления на престол дома Романовых. — «Современник». 1848. Т. VII, № 1—2, отд. II, стр. 1—40, 59—88; т. VIII, № 3—4, отд. II, стр. 1—28, 45—85. 1849. Т. XIII, № 1, отд. II, стр. 1—36; № 2, отд. II, стр. 65—106; № 3, отд. II, стр. 1—36; № 11, отд. II, стр. 31—37; № 12,

отд. II, стр. 85—108. 1851. Т. XXIX, отд. II, стр. 1—48.

Рецензии: 1) Красов В. Несколько слов против Соловьева о Димитрии Самозванце.— «Москвитянин» № 9 за 1848 год. Критика, стр. 42—52 2) Кавелин К. Оценка Бориса Годунова у Соловьева.— «Отечественные записки». 1850. Кн. 9-я, отд. VI, стр. 15 и 23; то же в Соч. Т. I, стб. 1008—1019 и 1023. СПБ. 1897; 3) Погодин М. Послание г. К — ну.— «Москвитянин». 1850, № 19, отд. критики и библиографии, стр. 135—142; № 20, стр. 164—174; № 21, стр. 31—40.

Соловьев С. История и современность.— «Наше время» № 76 за 1862 г. Рецензия на статью Н. И. Костомарова «Иван Сусанин» («Отечественные записки» № 2 за 1862 г.).

Возражения Соловьеву: К редактору газеты «Наше время». Один из подписчиков.— «Наше время» № 80 за 1862 год.

Пичета В. Смута и ее отражение в трудах историков.— «Голос минувшего» № 2 за 1913 год. На стр. 12—32 — Соловьев; С. и Костомаров; С. и Забелин; Ключевский.

Украина в трудах Соловьева

Соловьев С. Очерк истории Малороссии до подчинения ее царю Алексею Михайловичу. — «Отечественные записки». 1848. Т. 61, № 11, отд. II, стр. 6—34; № 12, отд. II, стр. 147—166; 1849. Т. 62, № 2, отд. II, стр. 215—270.

Рецензия: «Журнал мин. нар. просв.». 1849. Т. 62, отд. VI, стр. 25—33.

Соловьев С. Малороссийское казачество до Хмельницкого.— «Русский вестник». 1859. Т. XXIII, № 18, кн. 2-я, стр. 177—196.

Рецензии: 1) Костомаров Н. Замечание на статью Соловьева «Малороссийское казачество до Богдана Хмельницкого».— «Современник». 1859. Т. 78, кн. 2-я, отд. III, стр. 51—57. 2) Максимович М. Заметка о казацких гетманах (Письмо С. М. Соловьеву).— «Русский вестник». 1859. Т. XXIV, № 22, кн. 2-я, стр. 163—166. 3) Сокальский Н. Вопрос о казачестве. — «Одесский вестник» № 144 за 1859 год. 4) Падалица Ф. Спор Костомарова с Соловьевым об Украине.— «Киевский телеграф» №№ 38, 39, 40 за 1860 г. (перевод с польского, оригинал напечатан в «Виленском вестнике» № 34—36 за 1860 год). 5) Костомаров Н. О казачестве. Ответ «Виленскому вестнику».— «Современник». 1860. Т. 82, № 7, отд. III, стр. 75—92. 6) Костомаров Н. Ответ г. Падалице.— «Современник». 1860. Т. 84, № 12, отд. II, стр. 373—382.

Соловьев С. Уния, казачество и раскол. По поводу сочинений М. Кояловича, Н. Костомарова и А. Щапова.— «Атеней». 1859. Т. II, № 8, ч. 2-я стр. 393—420.

Петр I

Соловьев С. История России с древнейших времен. Томы XIII — XVIII. М. 1864—1866.

Рецензии: 1) Забелин И. Русская личность и русское общество накануне петровской реформы.— «СПБ. ведомости» №№ 279, 283 за 1863 г.; то же в его кн. «Опыты изучения русских древностей и истории». Ч. 1-я, стр. 82—129. М. 1872. 2) М. К. Взгляд Соловьева на реформу Петра.— «Отечественные записки», 1865, февраль, кн. 1-я, стр. 497—520. 3) Кавелин К. Мысли и заметки о русской истории.— «Вестник Европы». 1866. Кн. 2-я, отд. I, стр. 325—404; то же в Соч. Т. I, стр. 583—675, СПБ. 1897. 4) Беляев И. О начале русского племени.— «Москва» № 59 за 1867 год. 5) Кавелин К. Ответ И. Беляеву.— Соч. Т. I. стб. 675—682. СПБ. 1897. 6) М. де Пуле. Петр Великий по истории проф. Соловьева.— «СПБ. ведомости» №№ 16, 23 за 1869 год. 7) «Вестник Европы». 1867. Т. 4. Литературная хроника, стр. 1—9.

Соловьев С. Рецензия на книгу Н. Устрялова «История царствования Петра Великого».— «Атеней» 1858. № 6, стр. 341—351; № 7, стр. 405—415.

Рецензии: 1) —бов (Н. А. Добролюбов). Первые годы царствования Петра В.— «Современник». 1858. Т. 69 и 70, отд. II, стр. 137—166, 1—40 и 149—208; то же в Соч. Т. III, стр. 114—212. 1936. 2) П. (П. Пекарский). Сведения о жизни и смерти царевича Алексея Петровича.— «Современник». 1860. Т. 79, № 1, стр. 67—96. 3) К. [Бестужев-Рюмин К.] Причины различных взглядов на Петра Великого в русской науке и русском обществе.— «Журнал мин. нар. просв.». 1872. Ч. 161, № 6, стр. 149—156. 4) Из исторического наследия Н. Г. Чернышевского. Н. Г. Чернышевский и вопрос о петровских реформах. Публикация И. Морозова.— «Литературное наследство» № 25—26, стр. 194—201. М. 1936. Отношение Чернышевского и Добролюбова к оценке петровских реформ в трудах Соловьева, Чичерина и Кавелина. 5) Морозов И. Библиография исторических оценок Петра I и его реформ.— «Литературное наследство» № 25—26, стр. 207—209. М. 1936. 6) Иконников В. Русская история в двадцатипятилетие 1855—1880. — «Русская старина». 1880. Т. XXVII, стр. 428. Библиография полемики о значении Петра I.

Падение Польши

Соловьев С. История падения Польши. М. 1863, 369 стр.

Рецензии: 1) «Книжный вестник» № 2 за 1864 г., стр. 29. 2) Щебальский П.— «Русский вестник». 1864. Т. 49, № 2. Русская литература, стр. 742—748. 3) «Отечественные записки». 1864. Т. 152, № 1, отд. II, стр. 60—68. 4) «Голос» № 107 за 1864 год. 5) «Северная почта» №№ 120, 122, 132, 133, 136, 137, 141—143 за 1864 г.; то же «Курские губернские ведомости» №№ 25, 27—35 за 1864 год.

Соловьев С. История и современность.— «Наше время» №№ 44, 50, 57 за 1862 год. Разбор соч. Короновича «Суть польской истории». «Slowo dziejow polskich».

Учебники и учебные пособия, публичные курсы

Соловьев С. Учебная книга русской истории. Вып. I. М. 1859, 166 стр.

Рецензии: 1) Добролюбов Н. «Журнал для воспитания». 1859. Т. VI. Кн. 8-я, стр. 105—109 (без подписи); то же «Современник». 1859. Т. 75. Кн. V, отд. III, стр. 116—120; то же Соч. Т. III, стр. 516—518. М. 1936. 2) Б. (Бестужев-Рюмин К.).—«Московские ведомости» № 62 за 1859 год. 3) В. В.—«Московский вестник» № 49 за 1859 год. 4) «СПБ. ведомости» №№ 80 и 186 за 1859 год. 5) «Русское слово» № 2 за 1861 год. 6) «Владимирские епархиальные ведомости» № 10 за 1861 г., стр. 483—485 (отзыв ученого комитета при Синоде). 7) Кемниц Е.—«Учитель», 1863. Т. 3, № 13—14, стр. 678—679. 8) «Книжный вестник» № 16—17 за 1866 год, стр. 343—356.

Соловьев С. Учебная книга русской истории. Вып. I—V. М. 1859—1870, 566 стр.

Иловайский Д. Краткие очерки русской истории. Вып. I—II. М. 1860.

Рецензии: 1) «Отечественные записки». 1861. Т. 134, № 1, отд. III, стр. 47—52; 2) Белов. Ответ «Отечественным запискам».—«Русское слово». 1861, № 2 отд. III, стр. 37—46. 3) Как пишутся у нас отзывы об учебниках (по поводу учебников Соловьева и Иловайского).—«Московские ведомости» № 28 за 1861 год. 4) Литературная заметка (на статьи «Московских ведомостей», «Русского слова»).—«Отечественные записки». 1861, № 3, отд. III, стр. 54—60. 5) «Отечественные записки» № 2 за 1861 г., отд. Русская литература, стр. 84. 6) Скромный совет «Отечественным запискам».—«Московские ведомости» № 51 за 1861 год.

Соловьев С. Русская летопись для первоначального чтения.—«Новая библиотека для чтения», изд. П. Редкиным за 1847 г., № 2, стр. 1—33; № 4, стр. 1—23; № 5, стр. 24—53; № 8, стр. 140—173; то же М. 1866, 226 стр.

Рецензии: 1) «Книжный вестник», 1866, № 16—17, стр. 330. 2) «Вестник Европы». 1866, № 4, отд. III, стр. 31—32.

Соловьев С. Рассказы из русской истории XVIII века.—«Журнал для чтения воспитанников военных заведений». 1861. Т. 101 (№ 599), стр. 217—275.

Рецензия: Чибисов В.—«Одесский вестник» № 25 за 1861 год.

Соловьев С. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого.—В сборнике «Публичные чтения профессоров Реймана, Рулье, Соловьева, Грановского и Шевырева, читанные в 1861 г.»; то же отдельная брошюра. М. 1852, 70 стр.

Рецензии: 1) Беседы профессора Соловьева по русской истории.—«Московские ведомости» № 20 и 22 за 1851 год. 2) Кудрявцев П. О публичном чтении профессора Соловьева.—«Московские ведомости» № 32 за 1851 год. 3) «Москвитянин». 1852. Т. 3, № 11, стр. 107—124. 4) «Отечественные записки», 1852. Т. 84, № 10, отд. VI, стр. 64.

Т. Публичный курс С. М. Соловьева (История Европы во время первой французской империи)—«Московские ведомости» № 36 за 1864 год.

Государственная публичная историческая библиотека (составила А. Желоховцева).

СООБЩЕНИЯ

РЕСАЛЭ-И-ЯКУБИ

(Воспоминания о Якуб-беке кашгарском Камиль-хана-ишана)

В 1756 г. китайцы покорили Восточный Туркестан. Правившие там потомки узбекской династии ходжей вынуждены были искать убежища в Бухаре и Фергане. В течение второй половины XVIII в. и первой половины XIX в. ходжи безуспешно пытались вернуть потерянную власть, поднимая против китайцев одно за другим восстания кашгарских мусульман[1].

Образование в 60-х гг. XIX в. монархии Мухаммеда Якуб-бека Бадаулета[2] было одним из эпизодов этой длительной борьбы.

Фигура Якуб-бека появилась на исторической арене в тот момент, когда экспансия российского царизма в Средней Азии и английского капитализма в Афганистане приняла особенно активный характер. В то же время в результате грандиозной по своим масштабам крестьянской войны тайпинов и дунганского восстания власть китайцев на территории западных провинций Китая сильно ослабела. Историческая обстановка благоприятствовала, таким образом, приходу к власти Якуб-бека.

В процессе взаимной борьбы за захват все новых и новых территорий Англия и Россия в 60 и 70-х годах XIX в. внимательно изучали Восточный Туркестан и личность его правителя.

За короткий период времени в Кашгарии побывал целый ряд английских и русских посольств, миссий, купцов, ученых, путешественников и т. п.

В 70 и 80-х годах прошлого века возникает обширная литература о Якуб-беке—от многочисленных заметок и статей в русской и английской периодике до солидных монографий, посвященных Кашгарии и ее правителю. Из английских работ наиболее выделяется книга Boulger «The life of Jakoob beg; athalik ghazi, and badaulet, amar of Kashgar», вышедшая в 1878 г. в Лондоне, а также книга Bellow «Kashmir and Kashgar», изданная там же в 1875 году.

Из русских работ следует отметить книгу А. Н. Куропаткина «Кашгария», изданную в 1879 г. в Петербурге; в ней дан краткий очерк истории края, составленный на основе сведений, собранных автором во время его поездки в Кашгарию во главе посольства к Якуб-беку.

Кроме того необходимо отметить статью Н. И. Веселовского «Бадаулет Якуббек, аталык Кашгарский»[3], в основе которой лежат сведения Мирзы Мухаммед Эмина, полученные им от близко стоявшего к Якуб-беку кушбеги Мирзы Ахмеда, и статью М. Ф. Гаврилова «Страничка из истории Якуб-бека Бадаулета — правителя Кашгарии», в которой дан краткий пересказ содержания рукописи Муллы Мирзы, сына муллы Исы-Мирзы-баши,— одного из ближайших помощников Якуб-бека[4].

Публикуемая ниже рукопись «Ресалэ-и-Якуби» по своему характеру и по степени достоверности может быть поставлена в один ряд с источниками, указанными выше.

Автор «Ресалэ», Камиль-хан-ишан, сын казия Низам-уд-дин-хана, по его собственным словам, «прожил много лет при Бадаулете Мухаммеде Якуб-беке и в кругу близких к нему людей и потому знаком с жизнью Бадаулета от рождения до кончины его. Некоторые из событий он видел сам, о других же он знает по слуху». По свидетельству Мирзы Ахмеда, ташкентский казий Низам-уд-дин был зятем Якуб-бека. Камиль-хан-ишан был политическим советником Якуб-бека. Он бывал в Турции, Мекке и Индии[5].

Как и другие источники мемуарного типа, «Ресалэ-и-Якуби» несвободна от дефектов, присущих последним. Субъективный подход к событиям, тенденция оправдать себя и очернить противников — все это имеет место в «Ресалэ».

Особенностью «Ресалэ» является то, что автор чрезмерно идеализирует личность Якуб-бека, рисуя его мудрым, храбрым и великодушным правителем.

«Ресалэ-и-Якуби» найдена нами в бумагах Н. И. Гродекова при ознакомлении с архивным фондом Щепкина в отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве.

Рукопись писана по-узбекски, крупным насталиком; по формату представляет собой тетрадь in quarto из белой бумаги евро-

---

[1] Веселовский Н. «Лекции по истории Востока», стр. 106. СПБ. 1910. Литографированное издание.

[2] Бадаулет — «счастливый» — прозвище Якуб-бека, которое принято и включено им в свой официальный титул.

[3] Записки ВОИРАО. Т. XI, стр. 87—103. СПБ. 1899.

[4] Сборник «В. В. Бартольду», стр. 125—132. Ташкент. 1927. Рукопись написана по поручению М. Ф. Гаврилова; хранится в Государственной Публичной библиотеке Узбекской ССР в Ташкенте.

[5] Веселовский Н. Цит. статья, стр. 95—101.

нейского происхождения[1]. К рукописи приложен никем не подписанный перевод ее на русский язык. Ниже мы публикуем «Ресалэ» в этом переводе, предварительно сверив его с подлинником, выправив и отредактировав. Мы опустили все явно недостоверные места, а также все моралистические и панегирические отступления автора и оставили лишь то, что так или иначе уточняет наши представления о социально-историческом процессе, протекавшем на территории Кашгарии.

И. Первышев.

Отец Якуб-бека родился в Кучкеке[2]. Его имя было Мулла Мир-Латиф-бек, казий[3]. Он был сыном Мир-Фулад-бека, сына Мир-Хусейна. Каждый из них в свое время был у сородичей сердаром или другим знатным лицом. Мулла Мир-Латиф-бек, казий, жил в Пекенте[4]. Для окончания курса наук он отправился в Бухару, где некоторое время служил мударрисом в одном из медресе. Затем он вернулся в Пекент, где также был мударрисом. Из Пскента он поехал в Коканд, где получил назначение на должность казия в Капа[5]; в район его ведения входили также Ош и Узгент[6].

В 1038 г. родился Якуб-бек[7]. Ему было 15 лет, когда отец его переехал со всем семейством из Капа в Пскент. Здесь мальчик поступил на службу к Гедай-баю, парванachи[8], кереучинскому хакиму. Молодой нукер пользовался благосклонным вниманием со стороны начальства[9]. После того как Гедай-бай, отказавшийся подчиниться Коканду, бежал в Бухару, хакимом Кереучи[10] был назначен Мухаммед Керим Кашка, парваначи. Якуб-бек продолжал служить при нем нукером. Когда кипчаки завладели Кокандом и всей Ферганской долиной, мингбаши Мусульман—Кул—посадил на ответственные должности своих людей.

В Кураму[11] он назначил кипчака Нар Мухаммеда, парваначи, а в Ташкент — Азиза, парваначи. Якуб-бек остался служить Нар Мухаммеду, парваначи. Когда Азиз, парваначи, отложился от Коканда и начал против него военные действия, Нар Мухаммед выступил из Кереучи и произвел ночное нападение на Ташкент. Взяв город, он захватил в плен Азиза, парваначи, и отослал его в Коканд.

Якуб-бек хорошо служил Нар Мухаммеду и достиг при нем чина юзбаши[12].

Однажды жившие вокруг Ташкента казахи подняли восстание и осадили Ташкент. Якуб-бек проявил в борьбе с ними большую храбрость. Во время сражения лошадь Якуб-бека была убита, и он должен был сдаться в плен. Его посадили в Ниязбекскую крепость[13]. Вырвавшись из плена, Якуб-бек явился к Нар Мухаммеду, парваначи, который произвел его в пансад-баши[14]. Вскоре после этого Нар Мухаммед назначил его начальником крепости в Чиназе. Из Чиназа он был переведен в Аулие-Ата, а затем в Ак-мечеть[15].

Из Ак-мечети Якуб-бек был отозван Нар Мухаммедом в Ташкент. Оставив вместо себя начальником крепости Абдували-дадхо[16], Якуб-бек приехал в Ташкент, где стал ближайшим советником Нар Мухаммеда.

В 1266 г. Керим-кули, дасторханчи, возмутился против мингбаши Мусульман-кула и с отрядом в 20 человек ушел в Ташкент к Нар Мухаммеду. Ташкент отложился от Коканда. Мусульман-кул собрал войско со всей Ферганы и пошел на Ташкент. Нар Мухаммед, бывший в то время кушбеги, пожаловал Якуб-бека чином бека дур-баши и подчинил ему всю хозяйственную часть армии. Мусульман-кул расположился в окре-

---

[1] Рукопись окончена 1 Ашура 1305 г. хиджры (1888 г.). На подлиннике имеется надпись по-русски: «От Бек-кули-бека».

[2] Кучкек — название кишлака.

[3] Имя отца Якуб-бека частично подтверждается данными Мирзы Ахмеда. Последний говорит о Латифе (Н. И. Веселовский. Цит. соч., стр. 94).

[4] Пскент — большой кишлак в 50 км от Ташкента, по дороге в Ходжент.

[5] Капа — кишлак в районе Оша.

[6] По свидетельству Мирзы Ахмеда, отец Якуб-бека был сослан в Капа правителем Коканда Алим-беком.

[7] В рукописи — 1038 год, что явная описка. Следует читать 1238 г. хиджры (1822—1823). Эта дата будет в соответствии с примерными подсчетами Куропаткина, по словам которого в 1876 г. Якуб-беку на вид было около 50 лет (А. Н. Куропаткин «Кашгария», стр. 132. СПБ. 1879).

[8] Парваначи — высший военный чин в Кокандском ханстве.

[9] Это расходится с показаниями Мирзы Ахмеда. Последний утверждал, что, потеряв родителей в детстве, Якуб-бек остался на попечении своего дяди и поступил в служители к мингбаши Гедай-баю, а затем к ходжентскому беку Мухаммед Керим Кашка. По сведениям Куропаткина, потеряв родителей, Якуб-бек стал бачей, был увезен в Коканд, где переходил из рук в руки, пока не попал к Мухаммед Керим Кашка. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 132 и 133.

[10] Кереучи — кишлак.

[11] Курама — кишлак.

[12] Юзбаши — командующий сотней, средний военный чин в Кокандском ханстве.

[13] Ниязбек — кишлак в 25 км к северо-востоку от Ташкента.

[14] Пансад-баши — командующий пятьюстами человек, старший военный чин в Кокандском ханстве.

[15] Излагая содержание рукописи Муллы Мирзы, М. Ф. Гаврилов писал, что пребывание Якуб-бека на должности начальника крепости Ак-мечеть совпало по времени с господством временщика Алим-кула. Между тем Якуб-бек был беком Ак-мечети в 1850 или 1852 г.; когда временщиком был Мусульман-кул, Алим-кул же выдвинулся позже.

[16] При нем Ак-мечеть была взята русскими (1853 г.).

стностях города Ташкента, производя время от времени нападения на город.

Однако его положение было непрочным: войско мало-помалу разбегалось: вылазки ташкентцев становились все более ощутительными. Якуб-бек разогнал, наконец, остатки войска Мусульман-кула [1].

В Коканде к этому времени узбеки взяли верх над кипчаками и злоупотребляли своей победой: грабили и убивали. Войдя в Коканд во главе многочисленного войска, Якуб-бек остановил резню. Затем он возвел на трон Худаяр-хана; общее волнение улеглось, и население вернулось к своим занятиям. Худаяр-хан пожаловал Якуб-беку должность хакима в Ходженте [2].

Якуб-бек отправился в Ходжент и управлял им около года. Тем временем его завистники окружавшие хана, добились того, что хан отдал распоряжение арестовать Якуб-бека и доставить его в Коканд. Для этой цели в Ходжент был командирован пансад-баши Камбар с отрядом в 200 всадников. Однако Якуб-беку удалось избегнуть ареста и бежать в Ура-тюбе [3]. Уратюбинский хаким хорошо его встретил и дал провожатых до Бухары. Приехав в Бухару, он явился к эмиру Насрулле-хану и был принят последним на службу. Вскоре же Якуб-бек принял активное участие в походе эмира против непокорных кенегесцев. Услышав о нахождении Якуб-бека в Бухаре и о его боевых подвигах, Худаяр-хан раскаялся в том, что поверил клеветникам. Он пригласил Якуб-бека в Коканд и осыпал его благодеяниями [4].

В 1275 г. (1858—1859 гг. н. э.), когда эмир осадил Ходжент, Худаяр-хан поставил Якуб-бека во главе 500 джигитов и отправил его на выручку Ходжента. Якуб-бек с честью выполнил эту задачу и был осыпан милостями хана.

Брат Худаяр-хана, Малля-бек, собрал в окрестностях Андижана войско из кипчаков и кара-киргиз; повел его против Коканда и взял город. Худаяр-хан бежал в Бухару, где поступил на службу к эмиру. Малля-хан начал править Кокандским ханством. Якуб-бек остался служить Малля-хану. Однажды он был призван Малля-ханом для совещания по поводу жалоб, поданных населением Курамы на кереучинского бека. Якуб-бек высказался за назначение в Кереучи нового бека и заявил, что он охотно принял бы это место. Малля-хан назначил его в Кереучи. Заявление Якуб-бека объяснялось тем, что он хотел быть подальше от Малля-хана, человека вспыльчивого и неуравновешенного. В Кереучи Якуб-бек пробыл недолго. Малля-хан скоро вернул его в Коканд и подчинил ему все войска и артиллерию. Якуб-бек занялся обучением сарбазов и артиллеристов, чтобы привести их в состояние боевой готовности.

В 1277 г. (1860—1861), когда хаким города Ура-Тюбе Абдул-Гафар-бек отложился от Коканда, Малля-хан отправил против Ура-Тюбе войско под начальством Якуб-бека.

Осада Ура-Тюбе продолжалась пять месяцев. На помощь ура-тюбинцам эмир выслал войско во главе с Ибрахим-Хаяль, парваначи из рода Мангыт. Якуб-бек одержал полную победу над бухарским и уратюбинским войсками. Разгромив Ибрахим-Хаяль, парваначи, и покорив Ура-Тюбе, он вернулся в Коканд, ведя за собой 500 пленников из рода Мангыт.

В 1278 г. (1861—1862) Малля-хан командировал Якуб-бека в Канаат-ша-аталыка в г. Туркестан для укрепления обороноспособности города. Приехав в Туркестан, они узнали о том, что в Коканде произошел переворот: около 20 заговорщиков, в том числе Шадман-ходжа и Худай Назар-даддхо [5], в полночь ворвались в лагерь, в спальню Малля-хана, изрубили его на куски и возвели на трон Ша Мурада [6].

Оба сердара решили выждать дальнейшего развития событий. Худаяр-хан, узнав о перевороте, направился в Ташкент и вызвал к себе Якуб-бека. Ташкентцы стали на сторону Худаяр-хана. Якуб-бек снова был назначен в Кереучи.

Когда Ша Мурад-хан узнал об укреплении Худаяр-хана в Ташкенте, он собрал войско из кара-киргиз и кипчаков и, поставив во главе его мингбаши Шадман-ходжи, отправил против Ташкента.

Дойдя до Кереучи, где находился Якуб-бек, Ша Мурад-хан осадил крепость. После продолжительной перестрелки Якуб-бек решил перейти на сторону Ша Мурад-хана. Хан взял его с собой в поход на Ташкент. Осада Ташкента длилась два месяца. Худаяр-хан обратился к бухарскому эмиру с просьбой о помощи. Эмир выступил с боль-

[1] По свидетельству Мирзы Ахмеда, Нар Мухаммед был отозван в Коканд и вскоре убит. По сведениям Куропаткина, войско из Ташкента в Коканд было отправлено по требованию самого Мусульман-кула, но, дойдя до Коканда, оно отказалось подчиняться Мусульман-кулу; он был схвачен и выдан Худаяр-хану, который приказал расстрелять Мусульман-кула. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 134.

[2] По словам Мирзы Ахмеда, это было сделано по его ходатайству. Веселовский. Цит. соч., стр. 96.

[3] Камиль-хан явно стремится оправдать Якуб-бека. Мирза Ахмед объясняет этот эпизод иначе, а именно: Якуб-бек составлял заговор против Худаяр-хана. В число участников заговора входили бухарский эмир, уратюбинский и хатырчинский беки и др. Худаяр-хану своевременно донесли об этом, и он принял меры к аресту Якуб-бека, но последнему удалось бежать в Бухару (Веселовский. Цит. соч. стр. 97).

[4] Мирза Ахмед связывал возвращение Якуб-бека ко двору Худаяр-хана с своим заступничеством за него перед ханом. См. Веселовский. Цит. соч., стр. 97.

[5] В подлиннике ошибочно — Худай-Назар-Дуст.

[6] Ша Мурад-хан был племянником Малля-хана и сыном Сарымсак-бека. Переворот произошел в начале 1862 года. См. Наливкин В. «Краткая история Кокандского ханства», стр. 193. Казань. 1886.

шим войском против Коканда[1], чем вынудил Ша Мурад-хана прекратить осаду Ташкента и отправиться в Коканд. На пути в Коканд Ша Мурад-хан назначил Якуб-бека начальником города Ходжента. Поклявшись в верности хану, Якуб-бек расстался с ним и поехал в Ходжент. Войско бухарского эмира подошло к Ходженту и осадило его с юга. С севера город был осажден Худаяр-ханом. Когда начался усиленный обстрел крепости, среди осажденных возник раскол. Большинство стояло за то, чтобы перейти на сторону эмира. Подчиняясь желанию народа, Якуб-бек вышел навстречу эмиру с делегацией от населения. Оставив Худаяр-хана в Ходженте, эмир взял Якуб бека с собой в Бухару[2].

Через некоторое время Худаяр-хан пошел в поход на Коканд, где сидел Ша Мурад-хан с войском, состоявшим из кара-киргиз и кипчаков. Худаяр-хану удалось обратить в бегство войско Ша Мурад-хана. Кипчаки и кара-киргизы собрались в Андижане и выбрали своим предводителем кипчака Муллу Алим-кула. Худаяр-хан вступил в беззащитный Коканд. Отсюда он повел войско против Муллы Алим-кула, но потерпел поражение и был вынужден обратиться за помощью к эмиру бухарскому. Исполняя просьбу хана, эмир пошел со всеми своими силами на Коканд. Узнав о его приближении, Мулла Алим-кул отступил в горы Кара-Гульча.

Пробыв некоторое время в Коканде и убедившись в непримиримости кипчаков и кара-киргиз, эмир выступил в обратный путь. Якуб-бек остался в Коканде, не последовав за эмиром. После ухода эмира Мулла Алим-кул занял город Коканд, послал за Якуб-беком и предложил ему начальство над узбекским населением.

По совету Якуб-бека, он провозгласил кокандским ханом сына Маллы-хана, Султана Саид-хана[3]. Утвердив Муллу Алим-кула в должности командующего войсками, Султан Саид назначил во все округа новых начальников. Кураминский округ достался Якуб-беку. Однако последнему недолго пришлось сидеть в Кереучи. Мулла Алимкул вскоре же вызвал его в Коканд и сделал своим ближайшим помощником.

Тем временем русские продолжали надвигаться с севера. Они уже завладели Туркестаном и Аулие-Ата и шли на Чимкент. Мулла Алим-кул в сопровождении Якуб-бека выступил против них из Коканда. В Чимкенте встретили русское войско и начали готовиться к бою.

Учитывая силу русских войск, Якуб-бек дал Мулле Алим-кулу такой совет: «Лучше помириться с русскими, чем сражаться с ними. Русские имеют государственный строй, поэтому они сильны, а у нас его нет. Обождем лет пять — десять, введем у себя такую же организацию, а потом посмотрим». Услышав такой совет, Мулла Алимкул выхватил саблю и бросился на Якуббека, укоряя его в трусости, но все присутствовавшие стали просить за Якуб-бека, и он был пощажен.

Мулла Алим-кул приказал вступить в бой с русскими. Во время боя Якуб-бек совершил подвиги храбрости. Потерпев значительные потери, Мулла Алим-кул решил вернуться в Коканд. Беком Чимкентской крепости он назначил Мирзу Ахмеда-кушбеги и ушел в Коканд, забрав с собой Якуб-бека.

Русские осадили Чимкент и открыли артиллерийский огонь по крепости. Не выдержав осады, Мирза Ахмед-кушбеги бросил крепость и бежал в Ташкент. Получив известие об этом, Мулла Алим-кул также приехал в Ташкент, чтобы принять меры к обороне города. Здесь он узнал о восстании в Кашгаре. Соперничая с Якуб-беком и боясь его, он дал ему поручение ехать в Кашгар. Якуб-бек отправился в Кашгар.

Когда он располагался с войском в кишлаке Минг-юл, правитель Кашгара Садыкбек, из кипчаков, вышел к нему навстречу и ввел в город. Вскоре Садык-бек увидел, что народ во всем подчиняется не ему, а Якуб-беку. Тогда он удалился в горы, собрал войско из кипчаков и кара-киргиз и пошел против Якуб-бека. Последний вышел из города и без труда разбил войско Садык-бека. Однако с китайцами, засевшими в гульбаге[4], пришлось еще долго бороться.

С самого начала своего похода в Кашгарию Якуб-бек вошел в сношения с хакимами и сердарами Бадахшана, Шугнана и Дарваза. Хаким Бадахшана, Джехандар-Ша, отправил в Кашгар на помощь Якуббеку отряд в 500 всадников под начальством человека испытанной верности, сердара Мухаммеда Садыка. Последний остановился со своим отрядом в Янги-Гисаре. В это время к Кашгару приблизилось войско Садык-бека, состоявшее из 3—4 тысяч кара-киргиз и кипчаков. Собрав все свои силы и разместив их в местности Харам, Якуб-бек вызвал к себе из Янги-Гисара отряд Джехандар-Ша, а затем соединенными силами они двинулись против Садык-бека. Натиск армии Якуб-бека был настолько сильным, что войско Садык-бека сразу разбежалось. Сам Садык-бек вскоре же явился к Якуб-беку с повинной от всех окрестных кочевников.

К этому времени хакимы и сердары округов Ак-су и Куча[5] с большим войском, состоявшим из дунган, подошли к Кашгару и расположились в местности Хан-Арык. Якуб-бек немедленно собрал 1500 всадников, пошел на Хан-Арык и на следующий день утром ударил на противника. Битва была долгой и упорной. Сам Якуб-бек был ранен, но несмотря на это продолжал оставаться на поле битвы. Противник был обращен в бегство; кашгарское войско пресле-

[1] По данным Наливкина, эмир пошел на Ходжент. См. Наливкин. Цит. соч., стр. 194.

[2] По Наливкину, Якуб-бек сдался не эмиру, а Худаяр-хану, который был послан эмиром против Ходжента. См. Наливкин. Цит. соч., стр. 194.

[3] По Наливкину, это произошло во второй половине июля 1863 г. (стр. 200).

[4] Гульбаг — цитадель.

[5] В рукописи везде — Кучар.

довало его на расстоянии 3—4 ташей[1], убивая бегущих. Все поле было усеяно трупами дунган В плен было взято 1500 человек, захвачено много оружия и военных припасов.

Одновременно продолжалась осада Янги-Гисарского гульбага, где отсиживались китайцы Население Янги-Гисара и Янги-Шаара было настроено против китайцев Когда Якуб-бек вызвал охотников участвовать в штурме Янги-Гисара, к нему явилось несколько тысяч человек. Был произведен подкоп под стены крепости, подведены мины и посредством взрыва их в стене гульбага была образована брешь. Войско Якуббека бросилось на штурм, и после ожесточенной борьбы крепость была взята. Возвратясь из Янги-Гисара в Кашгар, Якуббек продолжал осаду кашгарского гульбага, который также вскоре был взят при помощи взрыва мин. В это время пришло известие, что из Коканда на Кашгар движется большое войско. Выступление кокандского войска определялось следующими причинами: в Коканде в тот момент на ханском троне сидел Худай-кули-хан[2]. Когда бухарский эмир с многочисленным войском приблизился к Коканду, Худай-кули-хан поспешно отступил в Ош. Эмир послал отряд в погоню за ханом. Не решаясь встретиться с бухарским отрядом, Худай-кули-хан перешел кашгарскую границу. Отсюда он тотчас послал Якуб-беку извещение о своем прибытии, в котором сообщал о своей готовности служить ему. Поверив его искренности, Якуб-бек принял его на службу и включил в состав войска, с которым он пошел на Яркенд. После двухмесячной осады Якуб-бек взял этот город. Отпраздновав эту удачу и ознаменовав ее раздачей щедрой милостыни, он собирался остаться в Яркенде на некоторое время. Однако это ему не удалось. Один из кокандских сипаев, Бек-Мухаммед-мингбаши, подговорил кипчаков и кара-киргиз, числом до 10 тысяч, самовольно, вопреки всем данным клятвам в верности, уйти в Кашгар.

Когда эти неблагодарные и клятвопреступные люди подходили к гульбагу, к ним навстречу вышел кипчак Куш-парваначи, поставленный Якуб-беком во главе гарнизона, и ввел их в крепость. Здесь они начали готовиться к встрече с Якуб-беком. Передав управление Яркендом Иса-ходже, последний бросился по следам Бек-Мухаммеда-мингбаши. Осажденные им в гульбаге кипчаки безуспешно произвели несколько вылазок.

Тогда они решили сдаться. Якуб-бек принял парламентеров и обещал вновь принять их к себе на службу, не применяя репрессий. Большая часть кипчаков оставила своих вождей и примкнула к Якуб-беку, обещая ему верную службу. Бек-Мухаммед-мингбаши и Мавлян-дадхо со своими приближенными, в числе 16 человек, перевалили через горы в Фергану, где Худаяр-хан приказал поймать их, казнить, а тела зарыть. Вскоре после этого Якуб-бек пошел походом на Марал-баши, в котором находилось 5 тысяч дунган. Осада длилась 40 дней и окончилась взятием крепости посредством взрыва мин и штурма.

Поручив начальство над этой крепостью Хаким-хан-Тюре, Якуб-бек опять осадил Яркенд. Дунгане не могли долго выдержать осаду; истощив силы на безуспешных вылазках, они вступили в переговоры, предлагая Якуб-беку сдать крепость, если им будет обещано свободное отступление в Куча. Якуб-бек принял это условие, и дунгане были выпущены из города с унизительными признаками поражения. Иса-ходжа провел их мимо Якуб-бека и заставлял низкими поклонами благодарить его за помилование.

Управление окрестными кишлаками Якуббек поручил надежным людям; хакимом Яркенда был назначен Мулла Юнус-джан-дадхо[3].

После этого был объявлен поход на Хотан. Якуб-бек выступил со всем войском на Хотанскую дорогу и после длительного марша остановился на привал в кишлаке Зава. Узнав о нахождении Якуб-бека в Зава, правитель Хотана Хабибулла-ходжа выехал навстречу к нему, поцеловал руку и сделал богатое подношение. Щедро его наградив, Якуб-бек вместе с ним въехал в Хотан, где поселился в так называемом посольском замке (Ильчи-каласи). Однако Хабибулла-ходжа изменил Бадаулету. Он тайно разослал в окрестные города: Юрункаш, Каракаш, Керия и др.—письма с предложением прибыть в Хотан и захватить Якуб-бека. Хакимы указанных городов подступили с войсками к Ильчи-каласи. Сначала Якуб-бек решил применить тактику уговоров; несколько раз он высылал к повстанцам своих людей, которые пытались убедить собравшихся в бесполезности борьбы. Эта тактика не имела успеха. Толпа стала кидать в переговорщиков камнями и прогнала их палками. Тогда Якуб-бек решил строго наказать изменников. Солнце уже закатывалось, когда он выслал войско против бунтовщиков. Завязавшийся бой длился всю ночь. К утру ни одного противника не оставалось в живых. По случаю успеха Якуб-бек отслужил благодарственные моления и сделал большие пожертвования в пользу местных святынь[4].

---

[1] Таш — мера длины, около 8 километров.

[2] Худай-кули-хан (по прозвищу Бельбагчи-хан) был выдвинут киргизами и кипчаками после гибели Султан Саид-хана. Однако кипчакам не удалось удержаться в Коканде, и они были вынуждены бежать в Кашгар. См. Наливкин. Цит. соч., стр. 203.

[3] Мулла Юнус-джан-ташкентец. произведен в чин дадхо Алим-кулом, при Якуббеке правил Яркендом. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 141.

[4] По сведениям Куропаткина, история занятия Хотана рисуется иначе: Якуб-бек обманным путем завлек Хабибуллу в свой лагерь, где приказал зарезать. Тактику обмана он применял и при захвате других городов: Ак-су, Куча и др. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 141 и сл.

Хакимом Хотанского округа был назначен преданный Мир-Баба-дадхо[1]; в помощь ему были даны опытные люди. Часть захваченной в Хотане добычи Якуб-бек роздал своему войску и знатным хотанцам. Испросив благословение дервишей, Якуб-бек выехал в обратный путь. Когда он вступил в пределы Яркендского округа, Мулла Юнус-джан-дадхо вышел из города навстречу Бадаулету, подержал ему стремя, помог сойти с коня и с почетом проводил в город. Обрадованный усердием дадхо и оказав ему щедрые милости, Якуб-бек пробыл в Яркенде четыре дня. Затем он выехал в Кашгар, где был встречен с неменьшими почестями. Много народа, улемов и военачальников вышло к нему навстречу. Якуб-бек остановился в гульбаге. Как и в других городах, он роздал в Кашгаре щедрую милостыню и подарки и совершил поклонение местным святыням: мазару Саид-Апака, Саид-Арслан-хана, Хазрат-Паша и др.

Примерно через год Якуб-бек приступил к покорению северных городов Кашгарии[2]. Он двинул свое войско на Аксуйскую дорогу. В кишлаке Марал-баши он передал командование авангардом своему любимому сыну Бек-кули-беку, а сам пошел позади с главными силами.

Когда Бек-кули-бек достиг кишлака Ай-куль, правитель города Ак-су, Джемаль-уд-дин-ходжа, вывел все войска из города и расположился в боевом порядке на берегу реки Ак-су. Бек-кули-бек выступил из Ай-куля и, увидев приготовившегося к бою противника, немедленно отдал приказание начать бой. Первая схватка была безрезультатной. К этому времени подтянулись главные силы под начальством Якуб-бека, которые и решили дело в пользу кашгарцев. Бек-кули-бек преследовал противника до ворот города, ворвался в город на плечах отступавших в паническом бегстве войск Джемаль-уд-дина-ходжи, занял крепость и взял в плен Джемаль-уд-дина-ходжу и его приближенных сановников.

Якуб-бек, по своему обыкновению, милостиво обошелся с пленными, созвал через глашатаев народ, обратился к нему с увещанием и оказал различные милости. Бадаулет позаботился также о духовенстве, щедро осыпав его милостями и наградами.

Находившиеся в Ак-су выходцы из Куча бежали в Куча и рассказали там о всем происшедшем правителю города. Рашид-уд-дин-ходжа собрал совет военачальников, на котором порешили выслать против Якуб-бека 10 тысяч всадников под начальством двух преданных командиров.

Якуб-бек отправил в авангарде Бек-кули-бека, а сам пошел следом за ним. Кучанское войско заняло позиции в Коштаме, а войско Якуб-бека — в Майда-Юлгуне. Прошла ночь, наутро начался бой, в результате которого кучанское войско было рассеяно по степям и горам. Остатки его вернулись в Куча. Выехавший из Куча Рашид-уд-дин-ходжа дорогой узнал о полном поражении своего войска и тут же лишился чувств. Придя в себя, он присоединился к беглецам, направлявшимся в Куча. Якуб-бек преследовал бегущего противника, взял Куча и приказал доставить ему Рашид-уд-дина-ходжу. Последнего долго искали, пока, наконец, нашли в развалинах, посреди степи. Местные кучанские правители также были все переловлены и в оковах приведены к Якуб-беку. Последний обошелся с ними милостиво. Это было в 1282 году[3].

Затем Якуб-бек разослал своих людей по окрестным кишлакам, чтобы они успокоили население; наградил войско деньгами из кучанской казны и сделал щедрые пожертвования в пользу местных мазаров.

Всех лиц, которые во время правления Рашид-уд-дина-ходжи отличились в сражениях против китайцев, Бадаулет приказал созвать и наградить еще более щедро чем своих воинов. Хакимом Кучанского округа он назначил Иса-ходжу, родственника Рашид-уд-дина-ходжи[4].

Из Куча Якуб-бек направился в Ак-су. Население города собралось перед дворцом, радостно приветствуя своего хана. Проведя здесь несколько дней, Бадаулет двинулся в Кашгар. Хакимом Ак-су был оставлен Хаким-хан Тюре, сын Ишана-ходжи[5]. Хакимом Уч-Турфана Бадаулет назначил преданного ему Мухаммеда Баба-токсаба. Приняв от окрестных кара-киргизских биев и начальников подарки, Якуб-бек отдарил их и приказал подчиняться распоряжениям Мухаммеда Баба.

Отсюда он поехал через горы, остановился в кишлаке Артуче, поклонился мазару святого Султана Сутука и Бугра-хана и роздал щедрую милостыню бедным. Прибыв в Кашгар, Бадаулет принял во дворце приветствия и поздравления всего народа. Представителям населения он приказал объявить, что ни один начальник не посмеет отступить от правил шариата под страхом самого сурового наказания.

К тому времени под властью Якуб-бека были следующие города с окрестными районами: Кашгар, Янги-Гисар, Яркенд, Кума, Хотан, Санджу, Марал-баши, Ак-су, Куча, Бай, Уч-Турфан, Артуч и др.

Хотанский хаким Мир-Баба-дадхо начал притеснять народ и поступать против ша-

---

[1] По другим источникам, хакимом Хотана был назначен Нияз-бек, помогавший Якуб-беку овладеть Яркендом. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 141.

[2] По другим источникам, Якуб-бек отправился в поход на Куча летом 1867 года.

[3] Камиль-хан-ишан ошибается: это происходило в 1283 г. хиджры (1866—1867).

[4] Его брата. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 142.

[5] Камиль-хан-ишан ошибается: Хаким-хан Тюре был сыном Катта-Тюре, отравленного Якуб-беком. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 143.

риата. Это стало известно Якуб-беку. Он немедленно сместил хакима, а на его место назначил яркендского уроженца Нияз-бека, дав ему соответствующие указания.

Ряды войска Бадаулета все время пополнялись добровольцами.

Получив донесение о том, что дунгане, населявшие Тогсун и Куня-Турфан, опустошают окрестности Куча и все ближе и ближе подступают к самому городу, Якуб-бек стал готовиться в поход, как вдруг услышал, что дунгане ночью напали на Куча, взяли город и разграбили его. Кучанский хаким Иса-ходжа недолго оказывал сопротивление. Он бежал в Ак-су, преследуемый по пятам дунганами. Известие об этом вызвало ярость Якуб-бека, он решил основательно наказать дунган. Поручив своему любимому сыну Бек-кули-беку управление государственными делами и признав его своим наследником, Якуб-бек отправился в поход. Дня четыре он провел в Марал-баши. Здесь им было получено известие о том, что Аксуйский хаким Хаким-хан Тюре, выступивший против дунган, разбит наголову и бежал сначала в Ак-су, а потом в кишлак Кызыл. Дунгане заняли было город Ак-су, но, узнав о приближении войск Якуб-бека, тотчас оставили этот город, отступив к Тогсуну. Бадаулет со всем войском и артиллерией беспрепятственно вошел в Ак-су и отдал приказание неотступно преследовать дунган и жестоко с ними расправляться. Дунгане, охваченные паническим ужасом, бежали днем и ночью, проходя за один день трехдневный путь. Не останавливаясь в Курля и Карашаре, они бежали, пока не достигли Тогсуна. Кашгарское войско, посланное в погоню за ними, остановилось в Карашаре, крепости, заложенной калмыками. Отсюда Якуб-беку было послано донесение. Бадаулет шел позади, имея в своем распоряжении 12 тысяч человек воинов.

Прибыв в Куча, Бадаулет выслушал жалобы населения города на дунган, распорядился раздать хлеб и другие продукты питания и принял меры к успокоению населения. После этого он в сопровождении телохранителей спешно выехал на Куня-Турфан. Войско следовало за ним на некотором расстоянии.

Достигнув крепости Карашар, Бадаулет приказал заготовить там провиант и фураж для войска и направить все силы на Тогсун. Сам же с авангардом и телохранителями двинулся дальше. При Айгыр-булаке авангард был встречен градом стрел. Бадаулет ответил залпами из ружей и пушек. От сильной стрельбы ясный день стал подобен темной ночи. С обеих сторон было много потерь. После стремительной атаки войско дунган было отброшено к Тогсуну. Якуб-бек захватил много пленных, с которыми обошелся очень милостиво. Опросив их о положении городов Куня-Турфана и Урумчи, он отпустил их в разные стороны, снабдив одеждой и питанием на дорогу. Подступив затем к Тогсуну, Якуб-бек осадил его со всех сторон. После непродолжительной осады город был взят штурмом. Захваченные в плен дунгане были отпущены невредимыми. Жителям города были оказаны различные милости. Затем Якуб-бек направил войско на Куня-Турфан. У кишлака Дадин, вблизи Куня-Турфана, войско Бадаулета подверглось внезапному нападению дунган. Начался бой, в результате которого дунгане бежали в Куня-Турфан. Бадаулет осадил Куня-Турфан. Осажденные дунгане произвели несколько вылазок, но каждый раз были отбрасываемы. Осада города затянулась на целый год. Взяв Куня-Турфан, Бадаулет поступил с населением города милостиво; вновь был учрежден суд по шариату. Такой справедливости население города давно уже не видывало.

Пробыв некоторое время в Куня-Турфане, Якуб-бек выступил против Урумчи, в котором засел дунганский отряд под начальством Дауда Хальфы. Бадаулет предвидел, что Дауд Хальфа может зайти ему в тыл и завладеть Куня-Турфаном. Поэтому он спешил сразиться с ним и разбить его. Приехав в кишлак Ур-теньга, Якуб-бек стянул к себе войска со всех ближайших городов. Собралось такое количество войска, что людьми наполнились степи и горы. Якуб-бек выслал отряд для захвата крепости Диванчи, принадлежавшей к Урумчинскому округу. После трехдневной осады отряд взял крепость и продолжал двигаться на Урумчи. Дауд Хальфа в свою очередь выслал отряд из Урумчи, чтобы преградить путь войску Якуб-бека. Завязался бой, в котором отряд Бадаулета одержал полную победу. Дунганский отряд отошел к городу. Отряд Якуб-бека остановился недалеко от города в укреплении Даки-Юнус Прошла ночь. На следующее утро начался бой главных сил, который тянулся с перерывами несколько дней. Осажденные делали частые вылазки. Якуб-бек приказал завалить ворота крепости снегом, чтобы лишить осажденных возможности делать вылазки. Осада продолжалась девять месяцев, после чего урумчинцы сдались на милость победителя. Якуб-бек принял их заверения в верности, оставил начальником крепости Дауда Хальфу и ушел в Кашгар. На пути он остановился в Тогсуне и прожил там около месяца. Хакимом Куня-Турфана он назначил Хаким-хана Тюре, а в Тогсун был послан преданный ему дадхо Джехан. В Карашаре, по приказанию Бадаулета, была построена новая крепостная стена. Начальником Карашарской крепости был назначен пансад Нияз-бек.

В степях, окружающих Карашар, в то время кочевало до 10 тысяч кибиток калмыков. Все они выказали полную покорность Якуб-беку и отправили ему богатые подарки. Отдарив их в свою очередь, Бадаулет поставил начальником над ними Нияз Мухаммеда, пансада.

Из Карашара Якуб-бек переехал в Курля, где он пробыл 15 дней, чиня суд, по шариату, и расточая милости.

Отсюда он отправился в Куча, где увидел, что жители, которым ранее он ока-

зал милости, приобрели много имущества и стали состоятельными людьми. Войско Куча и все население города с радостью приветствовали Якуб-бека. В Куча Якуб-бек пробыл долго. Он пригласил отовсюду столяров, кузнецов, ружейных и пушечных мастеров, построил мастерские, казармы и т. п. Поручив управление Кучанским округом преданному человеку, Тохта-беку, он поехал в Кашгар. По дороге дней на 10 он остановился в кишлаке Дабас для производства суда. Здесь он также приказал построить казармы и мастерские. Оставив начальником гарнизона в кишлаке Дабас Мухаммеда Эмин-бека, Бадаулет направился через город Бай в Ак-су. Здесь он был встречен с почетом жителями города и духовенством.

В Ак-су Якуб-бек пробыл почти шесть месяцев[1]. Он находился еще там, когда получил известие о том, что урумчинский хаким Дауд Хальфа вновь отказался подчиняться распоряжениям Бадаулета. Якуб-бек хотел лично наказать хакима, но преданные ему люди упрашивали его отправить сначала кого-либо другого и только в случае неудачи выступить лично. Якуб-бек согласился с их мнением, вытребовал из Кашгара своего сына Бек-кули-бека и, назначив его главнокомандующим всего войска, отправил его в поход на Урумчи.

В 1290 г. (1873—1874) Бек-кули-бек выступил в поход, привязав к себе сердца воинов щедрой раздачей подарков. Пробыв около 10 дней в Тогсуне, Бек-кули-бек подступил к кишлаку Диванчи и занял крепость без единого выстрела.

Дауд Хальфа собрал в Урумчи большое войско и выступил с ним навстречу Бек-кули-беку. За 2½ таша от города он встретил кашгарцев залпом из пушек и ружей. Бек-кули-бек выдвинул свою артиллерию и также открыл пушечный и ружейный огонь. Дунгане бросились бежать. Бек-кули-бек бросил на них свои отряды и преследовал их до самых ворот Урумчи. Началась осада города. Через шесть месяцев Дауд Хальфа бежал, оставив гарнизон на волю победителя. Население города открыло ворота Бек-кули-беку. По примеру отца, он не причинял населению насилий и притеснений. Знатные люди города были награждены подарками. Урумчинским хакимом был назначен Турды-кули-дадхо.

Взяв Урумчи, Бек-кули-бек повел войско против кишлака Кумадин, в котором засел отряд бежавших дунган. Осажденные ежедневно делали вылазки, которые не имели успеха. Через 50 дней крепость Кумадин была взята, после чего Бек-кули-бек вернулся в Урумчи. Пробыв здесь 10 дней, он выступил на Манас. После упорной борьбы он взял крепость Санджу, затем крепость Куты-бий и подступил к Манасу. Дунгане встретили войско Бек-кули-бека огнем артиллерии. После пятимесячной осады гарнизон Манаса сдался. Бек-кули-бек поручил управление Манасом одному из местных дунганских военачальников, затем вернулся в Тогсун, пробыв некоторое время в Урумчи. Время Бек-кули-бека проходило в заботах об охране безопасности кочевников, живших в окрестных степях, в распределении жалованья войску и других делах.

Получив сообщение о том, что назначенный им начальник крепости в Манасе восстал и замышляет нападение на Урумчи, бек решил предупредить его: он выехал из Тогсуна, быстро миновал Диванчи и Урумчи и осадил дунган в Санджу. Через четыре дня крепость Санджу была взята приступом. Взяв Кути-бий, Бек-кули-бек подступил к Манасу. Осада продолжалась долго. В результате крепость была взята. После праздника Курбан-байрам Бек-кули-бек выехал из Манаса в Кашгар. Назначив нового начальника крепости в Кути-бий, а также в Санджу, он приехал в Урумчи, где был встречен населением и военачальниками. В 1292 г. (1875) он уехал в Тогсун; здесь к нему явились гонцы от дунган, бежавших от китайцев и искавших у него защиты и покровительства. Бек-кули-бек приказал отвести дунганам землю в районе Куня-Турфана и оказать им помощь. Во время пребывания бека в Карашаре к нему явились с подарками представители калмыкских родов. Отдарив их, бек направился в Курля, откуда, уже нигде не останавливаясь, проехал в Кашгар.

Бек-кули-бек был принят отцом очень сердечно и радушно. По поводу благополучного возвращения после двухлетнего отсутствия сына, покрытого славою, отец устроил большое угощение всему народу и роздал щедрую милостыню. Видя в сыне достойного себе преемника, Якуб-бек поручил ему управление государственными делами в Кашгаре, а сам уехал в Ак-су. В это время появились слухи о приближении китайцев.

Якуб-беку донесли, что китайское войско численностью в 60 тыс. человек под начальством Дунтуня идет для расправы с бежавшими дунганами.

Якуб-бек решил дать отпор китайцам: он поехал в Карашар и отсюда выслал отряд для занятия Тогсуна. Затем он вызвал к себе двух сыновей: Ишан-кули-бека[2] и Хак-кули-бека. Каждому из них Якуб-бек поручил часть войска. Однако оба сына были неопытны. Ишан-кули-беку было не больше 16 лет, и ребячество еще не покинуло его. Хак-кули-беку было 28 лет. Он был высокого роста и сложен крепко, как слон, но развитие ума у него не соответствовало развитию тела. Друзья Якуб-бека, зная о недостатках обоих сыновей, были сильно удивлены назначением их на ответственные должности военачальников. Однако никто не посмел выступить против воли Бадаулета. Предводитель китайского войска прислал ультиматум, в котором тре-

[1] Якуб-бек устроил в Ак-су свою резиденцию. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 148.

[2] В других источниках имя Ишан-кули-бека не встречается.

бовал возвращения бежавших от него дунган: Лухидарина и Шухидарина [1].

Бадаулет отказался выполнить требование китайцев. Тогда они двинулись из Урумчи. Хак-кули бек, получив приказание привести крепость Диванчи в боевую готовность, выехал из Тогсуна и, осмотрев укрепления в Диванчи, решил, что надо строить крепость заново, на новом месте. Ни с кем не посоветовавшись, Хак-кули-бек приказал построить новую крепость, однако он выбрал неудачное место — у подошвы невысоких гор. Когда китайцы подошли к Диванчи и осадили ее, гарнизон крепости, видя, что дело проиграно, вышел и сдался на волю победителей.

В это время прибыл русский посол Куропаткин [2], Якуб-бек выехал навстречу ему в Курля. Хак-кули-бек находился в Карашаре. Под натиском китайцев Хаким-хан Тюре вынужден был покинуть Куня-Турфан. Оставив Куня-Турфан и Тогсун без защиты, он приехал в Карашар. Когда китайское войско заняло Тогсун, Якуб-бек потребовал Хак-кули-бека к себе. Боясь наказания, Хак-кули-бек отговаривался от поездки всякими предлогами.

Нияз-бек, хотанский хаким, таил в душе ненависть к Якуб-беку. Он вошел в тайные сношения с некоторыми из приближенных Бадаулета. Решив отомстить, он приехал в Курля и подсыпал яд в пищу Якуб-бека. В тот же день, вечером, когда Бадаулет бил своего мирзу за какую-то провинность, он вдруг упал [3]. Находившийся тут же Нияз-бек с помощью еще двух человек поднял Якуб-бека и отнес его во внутренние покои. О случившемся он сообщил только Хак-кули-беку и просил его поскорее приехать. Хак-кули-бек был замешан в убийстве своего отца, это подтверждается тем, что несмотря на несколько требований отца приехать к нему он не ехал, а теперь вдруг сразу приехал. Оставив тело отца во дворце, Хак-кули-бек взял его печать и вместе с Нияз-беком составил план захвата власти. Их план состоял в том, чтобы привлечь кашгарское войско на свою сторону и лишить Бек-кули-бека власти. Ими было составлено письмо к Бек-кули-беку с требованием о присылке войск с артиллерией под начальством Джамадара-дадхо. Письмо было написано от имени Якуб-бека и припечатано его печатью. Получив это письмо, Бек-кули-бек немедленно выслал войско под командой Джамадара-дадхо. Он узнал о смерти отца тогда, когда Джамадар достиг уже Марал-баши. Немедленно было послано последнему приказание вернуться. Когда войско вернулось в Кашгар, Бек-кули-бек объявил ему о смерти Якуб-бека и о замысле его противника Нияз-бек-хакима захватить власть в свои руки. Войско заявило о своей верности Бек-кули-беку и о готовности сражаться с любым противником.

Нияз-бек был хитрым и опасным противником. Он пытался обмануть Хак-кули-бека и с этой целью устроил дело так, что власть в Ак-суйском округе перешла в руки Хаким-хана Тюре. Сам же Нияз-бек бежал в Хотан, где объявил себя независимым от Кашгара правителем. Хак-кули-бек, захватив из Ак-суйской казны деньги, в сопровождении сотни сарбазов отправился в Кашгар; дорогой он наткнулся на разъезд Марал-башинского гарнизона и завязал с ним перестрелку, жертвой которой пал сам. Хаким-хан Тюре, погнавшийся за Хак-кули-беком, не догнал его и вернулся в Ак-су.

Бек-кули-бек начал борьбу с Хаким-ханом Тюре. Решительная схватка произошла у кишлака Чадыр-куль. В результате боя Хаким-хан Тюре обратился в бегство. Бек-кули-бек пошел после этого в Ак-су; здесь он назначил начальником крепости Абд-ур-Рахмана-дадхо, после чего вернулся в Кашгар. Покончив с Хаким-ханом Тюре, Бек-кули-бек начал борьбу с Нияз-беком, хотанским хакимом, которую завершил также успешно. Нияз-бек бежал к китайцам. Хакимом Хотана был назначен Мухаммед Эмин-бек, после чего Бек-кули-бек вернулся в Кашгар. Здесь его ожидало неприятное известие: за несколько дней до прибытия его в Кашгар китайцы, жившие в Янги-Шааре, захватили крепость и никого не впускали. В то же время китайские войска постепенно приближались к Кашгару, занимая город за городом. Они находились уже под крепостью Марал-баши, когда Бек-кули-бек начал борьбу с китайцами, засевшими в Янги-Шааре.

Во время осады Янги-Шаара войско Бек-кули-бека начало постепенно разбегаться. При нем оставалось человек 60—70. Он сделал еще попытку собрать войско, но, видя, что это не удается, посоветовался с близкими людьми и бежал в Фергану. Это произошло в 1295 г. (1877). Отсюда он направился в Пскент, родину своего отца, где и живет, довольный своей судьбой.

---

[1] У М. Ф. Гаврилова упоминаются руководители дунган Шухдарин и Дахударин, но как бежавшие от Якуб-бека в пределы России. См. Гаврилов М. Цит. соч., стр. 127.

[2] Посольство Куропаткина прибыло в Кашгарию 25 октября 1876 г., а в Курля, где находился Якуб-бек, — 10 января 1877 года. См. Куропаткин. Цит. соч., стр. 5 и 6.

[3] По свидетельству Мирзы Ахмеда, Якуб-бек умер от припадка во время избчения мирзы. Очевидцем его смерти был Нияз-бек-дадхо, яркендский бек, состоявший при Бадаулете заведующим финансами (Веселовский. Цит. соч., стр. 102). Версия отравления Нияз-хаким-беком подтверждается показанием Муллы Мирзы (Гаврилов. Цит. соч., стр. 129).

ОДНО ЗАБЫТОЕ ИНОСТРАННОЕ ИЗВЕСТИЕ О РАБСТВЕ В КИЕВСКОЙ РУСИ

А. Пьянков

В XIX главе «Жития святого Олафа», напечатанной в «Monumenta Historica Norvegiae» (Kristiania, 1880, p 143—144), приведен интересный рассказ о рабе-ремесленнике, работавшем на Руси.

Содержание этого рассказа таково: «Один варяг купил в России (in Ruscia) раба (servum), способного и рослого юношу. Неизвестно, какого он был рода (gentis), так как он ничего не мог рассказать о себе. Ремесло (ars), какому он был обучен, давало ему возможность жить среди варягов, так как он умел изготовлять оружие, которым они (т. е. варяги.— *А П.)* пользуются. Он довольно долго избавлялся от продажи на различные хозяйственные надобности, потом он оказался у одного купца, который ему облегчил (laxavit) ярмо рабства (jugum servile) по мотивам расположения (pietatis). Получив желанную свободу (libertate), он прибыл в город (in civitatem), называемый Новгородом, [где] в доме некоей религиозной женщины по обычаю гостеприимства он [и] был принят; [там] он остался на несколько дней». Далее говорится о том, что юноша, «прислуживавший ранее женщине» (qui mulieri prius apparens), был отдан на попечение церкви (curandum ad ecclesiam adduci) и был определен прислуживать при богослужении.

Легенда об Олафе сложилась не позднее второй половины XII столетия. В основу ее положены более ранние предания XI века. Некоторые из них имеют вполне реалистические черты, в частности такой именно характер носит приведенный сейчас рассказ.

Прежде всего этот рассказ еще раз свидетельствует о том, что в XI—XII вв. рабство на Руси исчезало. Хозяин раба-ремесленника «облегчил» ему «ярмо рабства». Из дальнейшего содержания рассказа видно, что это облегчение «ярма рабства» состояло в том, что раб-ремесленник получил «свободу». К сожалению, в рассказе не сообщается, на каких условиях купец предоставил свободу своему рабу. Не исключено, что раб-ремесленник получил возможность выкупиться у своего хозяина, использовав его расположение к себе.

По известному Уставу новгородского князя Всеволода Мстиславича о церковных судах (до 1136 г.), одним из источников состояния, которое в то время обозначалось термином «изгой», являлся выкуп холопа из неволи: «холоп из холопства выкупится»[1]. Выкупавшиеся холопы, становясь изгоями, переходили, как известно, в зависимость и под покровительство тех или иных феодалов, в том числе князей, бояр и церковных учреждений[2]. Можно думать, что раб-ремесленник, о котором идет речь в приведенном сейчас рассказе, после своего освобождения оказался на положении изгоя. В качестве такового он «прислуживал» в Новгороде той «религиозной женщине», в доме которой он жил некоторое время, а потом он стал «прислуживать» церкви. Таким образом, разбираемый рассказ свидетельствует не только об исчезновении рабства на Руси, но и об изгойстве. Следует заметить, что речь идет об изгое, который жил в городе. Это особенно интересно, если принять во внимание, что, как говорит Б. Греков, «о городских изгоях мы почти ничего не знаем»[3]. Из рассказа можно заключить, что между исчезновением рабства и изгойством была непосредственная связь. Этим подтверждается приведенное выше показание Устава князя Всеволода Мстиславича.

Рассказ о рабе-ремесленнике интересен и в другом отношении. Из него мы узнаем, что у варягов-дружинников были и работали на них подневольные мастера. Они обслуживали своим трудом варягов и, в частности, изготовляли для них оружие. Перед нами очень ценное известие о несвободном ремесле в Киевской Руси. Совершенно ясно, что таких рабов-ремесленников имели не только варяги-пришельцы, но и местные «мужи», входившие в состав княжеских дружин. Рабы-ремесленники были предметом купли и продажи.

Свидетельство о рабе-ремесленнике проливает свет на вопрос о концентрации в городе ремесла. Одной из причин концентрации ремесла в городах было поселение здесь несвободных мастеров, работавших на своих хозяев, в числе последних, конечно, могли быть и дружинники-варяги, как об этом сообщается в приведенном сейчас рассказе. Если раб-ремесленник мог выкупиться у своего хозяина-«купца», то мы должны допустить, что он, будучи рабом, работал не только на хозяина, но и на других лиц. В противном случае трудно представить себе, откуда он мог взять средства для выкупа. Так вскрывается еще одна черта в хозяйственной жизни древнерусского города.

---

[1] См. текст Устава князя Всеволода в Новгородской I летописи, стр. 462. Спб. 1888

[2] См. Греков Б. «Киевская Русь», стр. 142 сл. 1939.

[3] Там же, стр. 48.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ СССР

ЛЮБОМИРОВ П. Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Соцэкгиз. М. 1939. 342 стр. 7 руб.

«Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг.» П. Г. Любомирова впервые появились на страницах журнала министерства народного просвещения в 1913—1914 годах. В 1917 г. эта работа вышла отдельным изданием и в 1939 г. переиздана Государственным социально-экономическим издательством. Последнее издание по сравнению с предыдущим дополнено статьями П. Г. Любомирова: «Новые материалы для истории Смутного времени», «Изображение Пожарского в новом списке «Хронографа 1617 г.», «Источники и историография по истории нижегородского ополчения 1611—1612 гг.». Троекратное издание одной и той же работы само по себе говорит о значительном интересе, который эта работа вызвала и не перестает вызывать. Интерес этот оправдан прежде всего самой темой исследования, так как нижегородское ополчение 1611—1613 гг. является ярким моментом борьбы русского народа с интервентами.

Очерки П. Г. Любомирова по данному вопросу являются итоговой работой русской буржуазной исторической науки: работа как бы дополняет «Очерки по истории Смуты» С. Ф. Платонова, под сильным воздействием которого она и написана.

Благодаря упорному труду автор полностью овладел всем известным фактическим материалом и частично дополнил его новыми архивными данными. Стоит внимательно просмотреть примечания к его книге, чтобы убедиться не только в редкой тщательности подбора материала, но и в тонкой наблюдательности, с которой автор привлекает на первый взгляд далекие от его темы материалы. С такой же полнотой сделана Любомировым и сводка исторической литературы, посвященной данному периоду.

При обработке кропотливо собранного материала П. Г. Любомиров показал себя блестящим мастером «микроскопического исследования». Очень часто отдельные абзацы его глав выглядят как небольшие, тонко сделанные исследования по отдельным, частным вопросам. Таковы, например, его критические замечания о значении грамоты Троице-сергиевского монастыря в деле развертывания нижегородского движения, замечания по вопросу о якобы «медлительности» действий Д. М. Пожарского в Ярославле, о составе ярославского правительства, о составе избирательного собора 1613 г. и т. д.

Однако не со всеми выводами автора можно согласиться: привлекая всегда интересный материал, автор по ряду вопросов приходит к спорным положениям. Таковы его мнения о роли духовенства на избирательном соборе 1613 г., идущие не столько от данных источников, сколько от общей преувеличенной оценки религиозного начала, характерной для известной части буржуазных историков той эпохи.

Пересмотра требует и утверждение автора, что ярославским правительством совершенно серьезно была выдвинута кандидатура королевича Карла-Филиппа на русский престол. То обстоятельство, что переговоры о кандидатуре Карла-Филиппа велись тогда, когда ярославское правительство еще не ставило на повестку дня вопроса об избрании царя, то немаловажное обстоятельство, что посольство С. Л. Татищева было направлено не к шведам, а к новгородцам, и, наконец, то, что одновременно шло спешное укрепление угрожаемой западной границы, говорит, скорее, об обратном: переговоры о кандидатуре Карла-Филиппа были хорошим тактическим маневром, обеспечивающим фланг ополчения, не более.

Можно было бы отметить у П. Г. Любомирова еще ряд не вполне убедительных положений, причем часть из них была уже отмечена в печати после первых изданий рецензируемой работы. Некоторую недоработанность части своих положений, очевидно, чувствовал и сам автор, неоднократно возвращавшийся к своей теме уже после выхода в свет его книги.

Разработка частных вопросов, установление фактического хода деятельности ополчения и действий отдельных лиц являются самой сильной стороной книги. Превосходным дополнением к основному тексту в этом отношении является третье приложение, содержащее биографические справки об участниках ополчения.

Слабее та сторона книги, в которой автор пытается осветить общий ход событий 1611—1613 гг., дать оценку движущих сил, разобраться в социальных отношениях. Несмотря на наличие двух вводных глав («Нижний Новгород и Нижегородский уезд в начале XVII в.» и «Участие Нижнего в событиях Смуты до осени 1611 г.») справедливым остается упрек, что «автор чрезмерно ограничил хронологические и тематические рамки книги, в силу чего при всем обилии фактического материала по истории самого ополчения общая характеристика состояния страны осталась за

рамками книги». Упрек этот был сделан при выходе издания 1917 г. и повторен в замечаниях «От издательства» в издании 1939 г. (стр. 4). Остается неясным вопрос о причинах, поставивших именно Нижний Новгород во главу движения. Нет достаточно четкого освещения причины широкого движения сопротивления интервенции, которое к сентябрю 1611 г. уже охватило страну. В это время целый ряд городов уже решил «стоять накрепко и людей собирать», «жить и умереть вместе»; призыв постоять за «свои души и за свое отечество» громко звучал в стране. Несомненно, широкий отклик нашла в стране и оборона «крепкостоятельного» Смоленска. Рассмотрение нижегородского движения изолированно от этих явлений мешает правильно оценить и деятельность нижегородского ополчения. Правильно переместив центр своего внимания с династического вопроса к вопросу массового движения, к вопросам борьбы с интервенцией, автор не разрешает, однако же, вопросов социальных отношений в этот период. Так, упрощенно дана характеристика настроения казачества, слабо выяснена роль крестьянства в движении, связь крестьянства с посадским населением и т. д. В этом отношении любопытна одна деталь: всегда внимательный ко всем мелочам и умеющий при их сопоставлении делать ценные наблюдения, автор почему-то ограничивается лишь вскользь брошенным замечанием, что испомещенные подмосковными воеводами в арзамасских дворцовых селах смольняне имели «бои с мужиками, только мужиков не осилили» и мужики «делить себя не дали», между тем в этом и подобных фактах мы имеем ключ к раскрытию внутренних классовых противоречий внутри движения.

Несмотря на указанные недостатки работа П. Г. Любомирова сохраняет свою ценность и в настоящий момент. Как в постановке вопроса, так и в его разработке автору удалось намного уйти вперед по сравнению с другими буржуазными историками, занимавшимися этой темой. Благодаря обилию строго выверенного фактического материала не только по вопросам деятельности правительственных лиц, но и по вопросам народных движений работа П. Г. Любомирова будет, несомненно, полезна при изучении и дальнейшей разработке вопроса о борьбе русского народа с интервентами в 1611—1613 годах.

Социально-экономическое издательство правильно сделало, переиздав эту книгу. Приложения, несомненно, обогатили настоящее издание по сравнению с предыдущим. Остается лишь пожалеть, что часть тиража этого издания оказалась дефектной: в некоторых экземплярах вместо ряда страниц — белые полосы, попадаются экземпляры, в которых одни страницы даны в двойном числе, а другие совсем отсутствуют. Издательству необходимо обратить на это внимание.

В. Шинков

ПРЕСНЯКОВ А. Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1-й. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М. 1939. 246 стр.

История Западной Руси и Литовско-Русского государства в старой историографии была представлена сравнительно слабо. Кроме устаревшей работы М. Смирнова «Судьбы Червоной Руси» (1859), М. Грушевского «Історія України-Руси». Томы III—IV (1905) и М. Любавского «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (1910), мы не располагаем трудами обобщающего характера, хотя работы всех вышеупомянутых авторов и представляют серьезные исторические исследования, основанные на изучении первоисточников.

Работа А. Е. Преснякова, названная «Лекциями», в действительности является трудом исследовательского характера. «Лекции» были прочитаны А. Е. Пресняковым в Петербургском университете в 1908—1909 и 1909—1910 гг., когда в распоряжении автора находились капитальные работы М. Любавского, Довнар-Запольского и др., а также исследования Ф. И. Леонтовича, в которых затронут ряд важнейших проблем, связанных с историей Великого княжества литовского. А. Е. Пресняков знаком и с работами польских исследователей Великого княжества литовского. Проф. А. Е. Пресняков — крупный буржуазный историк, типичный представитель историко-юридической школы, взгляды которой нашли свое отражение во всей его исторической концепции, в самом толковании изучаемых им проблем.

Не все части «Лекций» обладают одинаковой научной ценностью и исследовательской самостоятельностью. Наименьшую ценность представляют собою главы о Галицко-Волынском княжестве, для которых широко использованы 3-й и 4-й томы «Истории Украины-Руси» М. Грушевского, богато насыщенные конкретным материалом. В основном А. Е. Пресняков следует за выводами М. Грушевского, с которыми часто нельзя согласиться.

Очень хорошо, что А. Е. Пресняков вслед за М. Грушевским поставил вопрос о степени запустения среднего Приднепровья в связи с татаро-монгольским нашествием. Необходимо отказаться от господствовавшей в буржуазной историографии точки зрения о полном запустении среднего Приднепровья, так как данные, сообщаемые Плано Карпини, находятся в полном противоречии с другими высказываниями подобного рода, а Плано Карпини был в Киеве довольно скоро после татарского нашествия в 1240 году. А. Е. Пресняков прав в своем утверждении о разрушении старой княжеской дружинной организации в Киевщине и о сохранении гнезда киевского боярства, о чем свидетельствуют областные привилеи XV—XVI вв., выданные местным феодалам великими князьями литовскими.

отвечающей современному взгляду на историю. Остается пожелать, чтобы скорее была написана марксистская история Великого княжества литовского, необходимость в которой давно ощущается.

В. Пичета

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

EMERIT, MARCEL. Les paysans roumains depuis le traité d'Adrianople jusqu'à la libération des terres (1829—1864). Paris. Edition Librairie de Recueil Sirey, 1937. 570 p.

ЭМРИТ, МАРСЕЛЬ. Румынские крестьяне от Адрианопольского мира до освобождения земель (1829—1864).

Автор, французский историк, имел возможность ознакомиться с первоисточниками, находящимися в государственных архивах Бухареста и Ясс, с рукописями румынской академии наук и с архивами французского министерства иностранных дел. Он широко использовал также и печатные материалы, касающиеся аграрного вопроса в дунайских княжествах — Молдавии и Валахии. Перу этого же автора принадлежит вышедшая ранее работа по политической истории этих княжеств — «Виктор Плас и французская политика в Румынии в эпоху объединения» («Victor Place et la politique française en Roumainie à l'époque de l'union»).

Изучение аграрного вопроса в княжествах автор начинает с XVIII века. К этому времени князья уже не избирались боярами, а назначались самим турецким правительством (преимущественно из греков фанаристов). Растущий гнет со стороны правительства и боярства заставлял крестьян бежать из княжеств, и они тысячами переходили на другую сторону Дуная, в нынешнюю Болгарию и Сербию, по ту сторону Карпат и за Днестр. В 1746 г. произошло освобождение крестьян в Молдавии, а в 1749 г.— в Валахии. Крестьянам дано было право получить от бояр землю, достаточную для прокормления себя и скота. Это было сделано с целью привлечь обратно убегавших крестьян. За это они должны были нести барщину шесть дней в году. Но уже в 1766 г. барщина увеличивается до 12 дней.

За несколько лет до восстания 1821 г. бояре добились ограничения пользования крестьянами землей и провели закон, по которому им было дано право обрабатывать не больше двух третей боярской земли, на которой они живут. В дальнейшем положение крестьян продолжало ухудшаться.

Крестьянское восстание 1821 г. под руководством Тудора Владимиреску направлено было не только против помещиков и ростовщиков-греков, но и против бояр-валахов. Поражение восстания заставило крестьян оставлять свои насиженные места и переходить в соседние страны. Правительство возвращается к избранию князей из местных крупных бояр с последующим утверждением их Портой.

Автор приводит свидетельства боярина Голеску (1826), описывающие ужасающие условия существования румынского крестьянина.

Причины такого положения румынского крестьянина в том, что от него отбирают почти весь продукт его хозяйства. В этом направлении действуют согласованно правительство и бояре, монастыри и ростовщики.

Восстание Тудора Владимиреску было первой попыткой разрешить вопрос снизу, революционным путем — экспроприировать класс бояр и передать землю крестьянам.

Как у румынских историков, так и у Марселя Эмрита не вполне ясен вопрос о превращении свободных крестьян в крепостных. Боярам и буржуазным историкам, конечно, нежелательно было уяснять, каким образом свободные крестьяне были превращены в крепостных, а их земли узурпированы боярами.

Вот что пишет Маркс по этому вопросу: «Их (Молдавии и Валахии.— *А. З.*) первоначальный способ производства был основан на общинной собственности, но на общинной собственности, отличной от славянской и в особенности от индийской формы. Часть земель самостоятельно возделывалась членами общины как свободная частная собственность, другая часть — ager publicus — обрабатывалась ими сообща. Продукты этого совместного труда частью служили резервным фондом на случай неурожаев и других случайностей, частью государственным фондом на покрытие издержек по войне, религиозных и других общинных расходов. С течением времени военные и духовные сановники узурпировали вместе с общинной собственностью и повинности, приуроченные к этой собственности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в б а р щ и н н ы й т р у д на расхитителей общинной земли. Одновременно с этим, развились крепостные отношения, однако только фактически, а не юридически, пока они не были узаконены всемирной освободительницей Россией под предлогом отмены крепостничества» [1].

Переходя к установлению «органического регламента» в княжествах под руководством русского правительства и его представителя генерала Киселева в 1831 г., автор правильно объясняет сущность этой «конституции», которая отдавала крестьян на съедение боярам и высшему духовенству. Ограничение пользования землей для крестьян имело целью увеличить землевладение бояр и высшего духовенства.

Автор правильно отмечает, что бояре стремились еще больше закрепить кресть-

[1] К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 271. 1934.

ян, но вмешательство генерала Киселева до некоторой степени умерило их рвение. Киселев знал, что крестьянство недовольно теми порядками, которые желают установить бояре. Уже в 1831 г. крестьяне восстают в Молдавии (до 60 тыс. человек). То же самое происходит и в Валахии. После долгих переговоров Киселеву удалось несколько ослабить тяжесть барщины в Валахии. Тактика Киселева заключалась в стремлении удовлетворить требования крупного боярства, но в то же время он пытался привлечь на сторону русского самодержавия крестьян путем некоторого облегчения их экономического положения. Крестьяне очень скоро разобрались в сущности этой демагогической тактики и поняли, чьи интересы защищает через своих представителей самодержавное российское правительство.

Автор, указывая на все эти реформы, окончательно превратившие бояр в собственников земли, а крестьян — в крепостных, отмечает, что они были осуществлены для создания внутри княжеств классовой опоры в лице боярства и высшего духовенства, на которых русское правительство могло опереться для укрепления своих позиций в этой части Турецкой империи. С другой стороны, Молдавия и Валахия становятся экспортерами сельскохозяйственных продуктов, так как адрианопольский мирный договор превратил Черное море в свободное для плавания судов всех граничащих с ним государств.

«Органический регламент» закрепил за боярами собственность на землю. Три четверти всей помещичьей земли оказались в руках 200 боярских семейств, причем 15 или 20 семействам принадлежала треть этой земли. Среди этих 15 семейств некоторые, как например Кантакузино, Штирбей, Бибеску, Стурдза, Гики, имели по нескольку десятков тысяч гектаров. В общем в собственности бояр было больше половины всей обрабатываемой земли. Кроме того боярство всех рангов и состояний было свободно, как и раньше, от всякого налогового обложения.

Монастырям принадлежало 30% всей земли. Сами же крестьяне обрабатывали только 40% боярской земли. О Молдавии сведений не имеется, но есть основание полагать, что там бояре сумели закрепить за собою еще больше земли чем в Валахии.

На проведение в жизнь «органического регламента» крестьяне ответили восстаниями. Особенно крупное восстание имело место в Молдавии в 1839 году. На нем автор останавливается лишь мимоходом, не придавая ему почти никакого значения. Крестьяне массами оставляли землю и бежали в Турцию и Австрию. Голеску указывает, что в течение 1832—1850 гг. эмигрировало не менее 100 тыс. крестьянских семей, и это при наличии в княжествах вооруженной силы — «граничеров»,— специально созданной, для борьбы с бегством крестьян.

Маркс в своем анализе «органического регламента» дает исключительно тяжелую картину крепостнического закабаления крестьянства боярами и духовенством[1].

Но Марсель Эмрит считает, что «органический регламент» представляет серьезный шаг вперед по сравнению с прошлым законодательством, что он был для румынского населения «гарантией против произвола и правилом юрисдикции, которая могла быть использована для последующего улучшения». Нечего сказать, хороши гарантии, когда бояре являлись не только законодателями, но и исполнителями законов! Автор явно сам себе противоречит. Если к этому прибавить, что он признает факт окончательного закрепощения крестьян, то этот вывод, даже если оценивать его только с точки зрения юридической, не касаясь методов его проведения в жизнь, является прямым издевательством над румынским крестьянством.

Революция 1848 г. вызвала отклик и на Балканах. Валашские крестьяне поднялись против своих поработителей с требованием отмены «органического регламента» и принятия новой конституции, которая сделала бы их независимыми от бояр и их арендаторов.

Временное правительство 1848 г. намеревалось дать землю крестьянам за «выкуп». Некоторые из политических деятелей того времени, как например Николай Балческу, не колебались бы конфисковать боярские земли, но большая часть стояла за «выкуп».

Крестьяне, избранные в специальный комитет для обсуждения аграрного вопроса, были, повидимому, из зажиточной среды. Они выдвигали требование либо выкупа барщины и сохранения десятины либо выкупа земли с целью создания независимых крестьянских хозяйств. Договориться не удалось, и ввиду угрожающего поведения крестьян и неприемлемости их требований для бояр комитет был расформирован. Крупные и консервативно настроенные бояре согласны были в лучшем случае продать землю по очень высокой цене, в то время как крестьяне стремились приобрести землю по рыночной цене, т. е. в 20 раз дешевле.

Ввиду кратковременности существования временного правительства (всего три месяца) аграрная реформа не была осуществлена. По соглашению между русским и турецким правительствами, русские и турецкие войска заняли Валахию, и реакция восторжествовала. Руководители революционного движения были вынуждены эмигрировать. Терроризированное властью бояр, крестьянство вынуждено было временно замолчать, венгерская революция была потоплена в крови ее геройских защитников. Ждать помощи было неоткуда. Чем дальше, тем больше положение крестьян ухудшалось: барщина продолжала расти, боярство богатело и захватывало всеми правдами и неправдами новые земли.

Автор не видит в революции 1848 г. в Валахии стремления к насильственному

[1] См. К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 271.

разрешению накопившихся внутри феодального общества противоречий. Он считает, что «органический регламент» обеспечил дунайским княжествам три десятилетия социального мира. Он смотрит поэтому на революцию 1848 г. как на результат внешнего влияния, не стараясь выяснить причины этой революции и причины ее поражения на основе анализа внутренних классовых сил и международной обстановки.

В связи с наступившей после поражения революции 1848 г. реакцией, продлившейся до окончания Крымской войны (1856 г.), положение крестьянства еще больше ухудшается: растет барщина на нужды государства, в особенности на строительство шоссейных дорог; русская, а затем австрийская оккупация княжеств доводит крестьянство до полного истощения.

Политические представители либерального боярства, находившиеся в эмиграции во Франции в течение Крымской войны, стремились обратить внимание так называемых великих держав на положение княжеств. Экономисты и политические деятели доказывали необходимость реформ, направленных к освобождению крестьян от крепостной зависимости и передаче им в собственность определенного количества земли за «выкуп».

Крупное боярство считало, что крестьяне и в будущем должны быть оставлены арендаторами, а не превращены в собственников определенного надела. Эта позиция крупного боярства объясняется тем, что в условиях роста экспорта сельскохозяйственных продуктов оно стремилось обеспечить себя необходимой даровой рабочей силой за счет крестьян.

Когда так называемые великие державы предложили народу обоих княжеств высказаться по вопросу об их объединении, а также и о реформах, необходимых для обеспечения развития княжеств, сопротивление крупного боярства не дало возможности принять какое-либо решение по аграрному вопросу. Характерно, что аграрный вопрос был поставлен на обсуждение только в молдавском Диване ad hoc; валашский же Диван отказался его обсуждать, боясь вызвать преждевременный разрыв между либеральным и консервативным боярством по вопросу об объединении княжеств.

Парижская конвенция 1858 г. вовсе отстранила крестьянство мелкую и среднюю буржуазию от какого-либо участия в политической жизни соединенных княжеств. Избранный обоими княжествами новый князь—Александр Куза—пытался в течение целых пяти лет — с 1859 до 1864 г.— осуществить аграрную реформу легальным путем, через Собрание, но, встретив сильное сопротивление, понял всю тщетность разрешения этого вопроса через консервативную, реакционную палату. Совершив государственный переворот, Куза провел секуляризацию церковной земли и аграрную реформу.

Проведенная реформа, превратившая закрепощенного крестьянина в свободного землевладельца, наложила на него большие тяготы, связанные с погашением долга за землю. Консервативное дворянство путем разных мер, в частности путем выделения худшей по качеству земли, заставило крестьянина продавать свою рабочую силу. Но все же эта реформа обеспечила некоторое развитие княжеств в капиталистическом духе.

Автор останавливается подробно на условиях, при которых была проведена реформа, на сопротивлении консервативного боярства, на роли либерального боярина—президента-министра Кузы — Михаила Когэльничану. Он дает цифровые данные о количестве семей, получивших землю, и о размерах участков для каждой категории в зависимости от количества рогатого скота (1-я категория — 4 головы скота, 2-я категория — 2 головы скота и 3-я— без скота). Куза и Когэльничану, вышедшие из мелкого боярства, хотели за счет крупного боярства укрепить свою власть, опираясь на крестьян. Конечно, крупное боярство не могло допустить умаления своих политических и экономических позиций и начало борьбу против Кузы. Эта борьба привела в конечном итоге к свержению Кузы с престола в 1866 году. На его место был поставлен немецкий принц Карл, один из двоюродных братьев бывшего германского императора Вильгельма II. Династия Карла Гогенцоллерна господствует в Румынии и поныне.

Выводы автора правильны, но односторонни. Важным моментом реформы было то, что она содействовала численному росту пролетариата, так как мижлокаши (середняки) и кодаши (бедняки) не в состоянии были жить на той небольшой «парцелле», которую они получили, и поэтому трудящееся крестьянство было вынуждено продавать свою рабочую силу арендатору-капиталисту.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Румынии пошло по прусскому пути, с его медленным движением вперед и мучительными условиями существования мелкого крестьянства, постепенно нищавшего.

Но автор не видит прогрессивности в аграрной реформе 1864 года. Он указывает только на то, что положение крестьянства, в особенности бедняков и середняков, продолжало ухудшаться. Это, конечно, верно, но процесс развития этим не ограничивался. Невзирая на запрещение продавать крестьянские наделы в течение 30 лет после аграрной реформы, фактически происходит концентрация крестьянской земли в руках помещиков, кулаков и ростовщиков. Беднейшее крестьянство, в первую очередь, вынуждено оставить деревню и искать средства существования в городах, являясь, таким образом, фактором создания в Румынии нового общественного класса — рабочего класса. Кроме того следовало бы указать, что Куза и Когэльничану наделили крестьян только маленькими участками

земли и не дали им ни достаточной пашни, ни семенных материалов. Все это было сделано для того, чтобы крестьяне и в дальнейшем также нуждались, чтобы они остались зависимыми от помещиков и были, таким образом, вынуждены обрабатывать их огромные латифундии.

Крестьяне должны были и для посева и для своего стада снимать землю у помещиков, так как их собственные жалкие участки не могли прокормить их. Это ставило крестьян в полную зависимость от помещиков. Помещик сдавал землю под условием, чтобы крестьянин не только обрабатывал ему известное количество земли, но еще свозил бы хлеб с поля и отвозил его на рынок. Кроме того крестьян обязывали давать помещику известное количество продуктов натурой (масло, мясо, яйца).

Таким образом, освобождение крестьян от личной зависимости являлось в то же время и освобождением их от земли. Этот вывод подтверждается при сопоставлении количества земли, обрабатываемой крестьянством согласно «органическому регламенту», с количеством, полученным им в результате реформы. За крестьянством было закреплено в собственность не больше того количества, которое обрабатывалось им до реформы, что для середняков и в особенности для бедняков являлось голодной нормой.

Автор этого вывода не сделал и не мог, конечно, сделать, так как он разрешает вопрос с буржуазной точки зрения. Особенно ярко сказывается неправильная позиция автора, когда он говорит о путях разрешения аграрного вопроса после реформы до настоящего времени.

В своих окончательных выводах автор ни словом не упоминает о борьбе румынского крестьянства против помещиков после реформы.

Ценность сочинения Марселя Эмрита состоит в том, что он обстоятельно изучил аграрный вопрос в дунайских княжествах до и после их объединения. Этим он сделал серьезный вклад в историческую науку. Советским историкам ознакомление с этой работой даст возможность узнать условия развития государства, являющегося нашим соседом, история которого до сих пор находится у нас в пренебрежении.

А. Захарьяну

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА О В. М. МОЛОТОВЕ

(в связи с 50-летием со дня рождения)

I. Произведения В. М. Молотова

1. Революционная деятельность В. М. Молотова в царском подполье

Дорогое наследство. «Звезда» № 19 от 18(31) марта 1912 года. Подпись: Рябин[1].

Голодный вопрос. «Звезда» № 26 от 5(18) апреля 1912 года. Подпись: Рябин.

Еще не кончилось. «Звезда» № 29 от 12(25) апреля 1912 года. Подпись: А. Рябин.

Три точки зрения. «Звезда» № 29 от 12(25) апреля 1912 года. Подпись: А. Рябин.

К организации. «Звезда» № 31 от 17(30) апреля 1912 года. Подпись: А. Рябин.

Кто же подстрекатели? «Правда» № 3 от 25 апреля (8 мая) 1912 года. Подпись: А. Рябин.

Союзы капиталистов. «Правда» № 10 от 4(17) мая 1912 года. Подпись: Вяч. Михайлов.

Второй акт ленской трагедии. «Невская звезда» № 5 от 10(23) мая 1912 года. Подпись: А. Рябин.

Последние стачки. «Правда» № 20 от 23 мая (5 июня) 1912 года. Подпись: Вяч. Михайлов.

«Патриоты» и народное образование. «Правда» № 23 от 26 мая (8 июня) 1912 года. Подпись: А. Рябин.

«Патриоты» и рабочие. «Невская звезда» № 8 от 27 мая (9 июня) 1912 года. Подпись: А. Рябин.

Стачечное движение. «Правда» № 31 от 5(18) июня 1912 года. Подпись: В. М-в.

Октябристы «считаются». «Правда» № 36 от 10(23) июня 1912 года. Подпись: А. Рябин.

Стачечное движение. «Правда» № 38 от 13(26) июня 1912 года. Подпись: В. М-в.

Новое «разъяснение». «Правда» № 40 от 15(28) июня 1912 года. Подпись: А. Рябин.

Близко выборы! «Правда» № 41 от 16(29) июня 1912 года. Подпись: А. Рябин.

Стачечное движение. «Правда» № 43 от 19 июня (2 июля) 1912 года. Подпись: В. М-в.

О «девятом» и о «первом» месте. «Правда» № 45 от 21 июня (4 июля) 1912 года. Подпись: А. Рябин.

Стачечное движение. «Правда» № 51 от 28 июня (11 июля) 1912 года. Подпись: В. М-в.

Милости и немилости. «Правда» № 58 от 6(19) июля 1912 года. Подпись: А. Рябин.

Стачечное движение. «Правда» № 58 от 6(19) июля 1912 года. Подпись: В. М-в.

Стачечное движение. «Правда» № 68 от 18(31) июля 1912 года. Подпись: В. М-в.

Евреи и выборы. «Правда» № 73 от 24 июля (6 августа) 1912 года. Подпись: А. Рябин.

Основные противоречия. «Правда» № 87 от 10(23) августа 1912 года. Подпись: В. Михайлов.

Промышленный подъем. «Правда» № 89 от 12(25) августа 1912 года. Подпись: В. Михайлов.

«Верим». «Правда» № 138 от 9(22) октября 1912 года. Подпись: А. Рябин.

Дело славянских флагов. «Правда» № 191 от 12(25) декабря 1912 года. Подпись: А. Званов.

За и против войны. «Правда» № 196 от 18(31) декабря 1912 г. Подпись: А. Званов.

Бег на месте. «Правда» № 198 от 20 декабря 1912 года (2 января 1913 года). Подпись: А. Званов.

Государственные крепостники. «Правда» № 3(207) от 4(17) января 1913 года. Подпись: А. Званов.

Манифест «Союза коммунистов». «Правда» № 52 от 3(16) марта 1913 года. Подпись: А. Званов.

Торговля штрейкбрехерами. «Правда труда» № 14 от 26 сентября (9 октября) 1913 года. Подпись: А. Званов.

Из практики профессионального движения в Петербурге. «Просвещение» № 11 за 1913 год. Подпись: А. Званов.

Почему они «бунтуют» (о таможенном объединении с Финляндией). «Путь правды» № 2 от 23 января (5 февраля) 1914 года. Подпись: А. Званов.

Черносотенная осведомленность. «Путь правды» № 6 от 28 января (10 февраля) 1914 года. Подпись: А. Званов.

Дело чести. «Путь правды» № 9 от 31 января (13 февраля) 1914 года. Подпись: А. Званов.

Памяти Парижской коммуны. «Путь правды» № 28 от 5(18) марта 1914 года. Подпись: В. М.

Четыре стачки. «Путь правды» № 57 от 10(23) апреля 1914 года. Подпись: А. Званов.

Новые приемы. «Трудовая правда» № 13 от 12(25) июня 1914 года. Подпись: А. Званов.

Новый закон о съездах и собраниях. «Вопросы страхования» № 9(58) от 8(21) октября 1916 года. Подпись: А. Званов.

О банковской и рабочей газете. «Вопросы страхования» № 11(60) от 13 ноября 1916 года. Подпись: А. Званов.

В партию! «Правда» № 19 от 28 марта (10 апреля) 1917 года. Подпись: А. Молотов.

---

[1] Эту и последующие статьи тов. Молотова, напечатанные в дореволюционных большевистских газетах «Звезда» и «Правда», см. также в переиздании этих газет: 1) «Звезда». Полный текст. В. V—VII. М. Партиздат. 1933—1934; 2) «Правда» №№ 1—204. 1912. Полный текст. В. I—IV. М. Партиздат. 1933—1934; 3) «Правда» №№ 1—289. 1913. Полный текст. В. III. №№ 50—76. М. Партиздат. 1934.

2. Деятельность В. М. Молотова в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции (апрель 1917—1918 гг.)

Речь на Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) 14—22 апреля 1917 года. «Протоколы Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) в апреле 1917 года». М. — Л. 1925, стр. 32.

После июльских событий (экстренная июльская конференция РСДРП(б) Питерской организации). (Речь тов. Скрябина-Молотова В. М.) «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 114—115.

Речь по докладу товарища Сталина о текущем моменте. «VI съезд РСДРП(б). Август 1917 г.». М. 1934, стр. 132—133.

а) Выступление на заседании ПК РСДРП(б) 29 октября 1917 года. б) Доклад по текущему вопросу (моменту) на заседании ПК РСДРП(б) 2 ноября 1917 года]. «Протоколы Петербургского комитета за 1917 год». «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 397—398 и 402—403.

3. Деятельность В. М. Молотова в период гражданской войны (1918—1920 гг.)

Памяти тов. Володарского. «Новый путь» (орган Совета народного хозяйства (СНХ) Северного района), 1918, № 2.

Национализация промышленности. «Новый путь», 1918, № 3.

К рабочим путиловского завода. «Новый путь», 1918, № 4.

Речь 7 сентября 1918 года. Пример социалистического строительства хозяйства. «Новый путь», 1918, № 6—7; и отдельно: Пгр. 1918.

Предисловие. В кн.: «Как рабочие строят социалистическое хозяйство». Пгр. Изд. СНХ Северного района. 1918.

Речь на заседании организационной секции VIII съезда РКП(б) 20 марта 1919 года. «Протоколы VIII съезда РКП(б)». М. Партиздат. 1933, стр. 187—188.

Речь на IX съезде РКП(б) по докладу о профессиональных союзах и их задачах. 1 апреля 1920 года. «Протоколы IX съезда РКП(б)». М. Партиздат. 1934, стр. 251—253.

Еще один шаг к освобождению труда. «Первомайский сборник». Н.-Новгород, 1920, стр. 5—21.

4. Период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.)

Отчет об организационной деятельности ЦК на XI съезде РКП(б) и заключительное слово по докладу. 27 марта 1922 года. «Протоколы XI съезда РКП(б)», М. Партиздат, 1936, стр. 48—63, 159—165.

Предложение о прекращении прений по докладу о печати и пропаганде на XI съезде РКП(б). 1 апреля 1922 г. Там же, стр. 483.

Партия и ленинский призыв. М. «Красная новь». 1924. 100 стр.

а) Доклад на XIII съезде РКП(б). Партийно-организационные вопросы. 29 мая 1924 года. б) Доклад комиссии по партийному строительству 31 мая 1924 г. на XIII съезде РКП(б). «Стенографический отчет XIII съезда РКП(б)», М. 1924 г., стр. 514—538, 610—612, 614.

Об очередных задачах работы в деревне. Доклад на Пленуме ЦК 26 октября 1924 года. В кн.: В. М. Молотов. Политика партии в деревне. Изд. 4-е, доп. М. — Л. 1928, стр. 23—51.

Работа в деревне и крестьянка. Доклад на совещании по работе среди крестьянок при ЦК РКП(б). 5 января 1925 года. Там же, стр. 284—294.

Замечания и некоторые выводы в связи с поездкой в деревню. (Доклад ЦК РКП(б) о поездке в Тамбовскую, Курскую, Тульскую губернии в феврале 1925 года.) Там же, стр. 222—254.

Оживление советов и партийное руководство (1925). Там же, стр. 262—267.

О беспартийном активе (1925). Там же, стр. 255—261.

К работникам, отъезжающим в деревню. Речь на совещании товарищей, командируемых для работы в деревне Курским губкомом РКП(б), 12 февраля 1925 года. Там же, стр. 209—221.

О селькорах. Доклад на Всесоюзном съезде селькоров «Бедноты» и «Крестьянской газеты» 10 марта 1925 года. Там же, стр. 295—303.

Наши задачи и крестьянская печать. Речь на всесоюзном совещании редакторов крестьянских газет 23 марта 1925 года. Там же, стр. 304—310.

Линия партии в крестьянском вопросе. [24 марта 1925 года]. Там же, стр. 9—22.

Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни. Доклад на Пленуме ЦК РКП(б) 23 апреля 1925 г. М. Гиз. 1925. То же под заглавием «Экономическая политика партии в связи с хозяйственными нуждами деревни» в кн.: В. М. Молотов. Политика партии в деревне. Изд. 4-е, доп. М. — Л. 1928, стр. 52—81.

О партийном строительстве. Доклад на XIV партконференции 27 апреля 1925 года. С приложением резолюции XIV конференции РКП(б) о партстроительстве. М. Гиз. 1925. 43 стр.

Как проводить принятые решения. Речь на пленуме ЦКК 5 мая 1925 г. по докладу «О формах участия органов ЦКК и РКИ в работе партии в деревне». В кн.: В. М. Молотов. Политика партии в деревне. Изд. 4-е, доп. М. — Л. 1928, стр. 82—89.

О задачах печати. Доклад на совещании работников печати 21 октября 1925 года. М.—Л. Гиз. 1925, 15 стр.

Крестьянский вопрос и комсомол в деревне. (Из доклада на собрании актива московской организации комсомола 9 ноября 1925 года.) В кн.: В. М. Молотов Политика партии в деревне. Изд. 4-е, доп. М.—Л. 1928, стр. 272—283

Что надо сейчас хорошо понять (1925 год) Там же, стр. 268—271.

Ленин и партия за время революции. Изд. 3-е М.—Л. Гиз. 1925. 51 стр.

Речи на XIV съезде ВКП(б). Л. 1926. 31 стр.

Организационный отчет ЦК XIV съезду РКП(б) 19 декабря 1925 года. Гиз. М. — Л. 1925. 72 стр.

О работе партии среди деревенской бедноты (1. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 8 октября 1925 года. 2. О работе среди бедноты. Речь на заседании Оргбюро ЦК 24 мая 1926 года). Изд. 2-е, доп. Гиз. М. — Л. 1927. 36 стр.

XIV съезд ВКП(б) и ленинградская организация. Л. «Прибой». 1926. 29 стр.

5. Период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.)

Итоги перевыборов советов 1925—1926 гг. Доклад на июльском объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). С приложением резолюции Пленума по докладу тов. Молотова. М.— Л. Гиз. 1926. То же в кн: В. М. Молотов. Политика партии в деревне. Изд. 4-е, доп. М —Л. 1928, стр. 155—195.

О шефской работе. Речь на заседании оргбюро ЦК 10 мая 1926 г. по докладу ленинградского общества «Культсмычка». Там же, стр. 311—315.

О работе среди деревенской бедноты. Речь на заседании оргбюро ЦК 24 мая 1926 года. Там же, стр. 316—320.

О работе среди сельскохозяйственных и лесных рабочих. Речь на заседании оргбюро ЦК 5 июля 1926 года. Там же, стр. 321—325.

Новые выборы в Советы. М.—Л. 1927. То же в кн.: В М. Молотов. Политика партии в деревне. Изд. 4-е, доп. М. — Л. 1928, стр. 195—206.

Выборы в советы и задачи рабочего класса. Доклад на общегородском собрании ленинградского профактива 27 января 1927 года. Л. «Прибой». 1927. 47 стр.

Речь по докладу товарища Сталина об оппозиции и о внутрипартийном положении на XV конференции ВКП(б) 2 ноября 1925 года. «Стенографический отчет XV конференции ВКП(б)». М.— Л. 1927, Гиз, стр. 654—675.

К итогам XV партконференции. М.—Л. Гиз. 1926. 80 стр.

Предисловие. В кн.: Ф Э. Дзержинский. «Три последние речи». М. — Л. 1926, стр. 5—8.

За партию. М. — Л. Гиз. 1927. 32 стр.

Накануне XV съезда партии. Доклад на активе Московской организации ВКП(б) 26 октября 1927 г. о решениях октябрьского пленума ЦК и ЦКК. М.—Л. Гиз. 1927. 71 стр.

О партийных задачах. М. — Л. Гиз. 1927. 32 стр.

О работе в деревне. Доклад и заключительное слово на XV съезде ВКП(б) 16—18 декабря 1927 года. М. — Л. Гиз. 1928. 184 стр.

К текущему моменту. Итоги июльского пленума ЦК ВКП(б). М.—Л. «Моск. рабочий» 1928. 48 стр.

VI конгресс и борьба за коммунизм. Доклад на ленинградском активе ВКП(б) 7 сентября 1928 года. М. — Л. Гиз. 1928. 64 стр.

Текущий момент и печать. Доклад на Всесоюзном совещании редакторов 22 сентября 1928 года. М.— Л. Гиз. 1928. 32 стр.

К итогам ноябрьского пленума ЦК ВКП(б). Речь на московском партактиве 30 ноября 1928 года. М.—Л. Гиз. 1928. 48 стр.

О подготовке новых специалистов. М. — Л. Гиз. 1928. 62 стр.

Об успехах и трудностях социалистического строительства. Доклад на XVII московской губпартконференции 23 февраля 1929 года. М.—Л. Гиз 1929. 72 стр.

Коминтерн и новый революционный подъем. Речь на X пленуме ИККИ 9 июля 1929 года. М.—Л. Гиз. 1929. 76 стр.

Строительство социализма и противоречия роста. Доклад о работе ЦК ВКП(б) на 1-й московской областной партконференции 14 сентября 1929 года. М. «Моск. рабочий». 1929. 128 стр.

На революционном подъеме. Иваново-Вознесенск. Облгиз. 1929. 76 стр.

6. Период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.)

На новом этапе Доклад о СССР на расширенном президиуме ИККИ 25 февраля 1930 года. 2-е изд. М.—Л. Гиз. 1930. 64 стр.

Перед XVI съездом партии. Отчетный доклад о работе ЦК ВКП(б) на III областной ленинградской партконференции. М. — Л. Гиз. 1930. 63 стр.

Отчет делегации ВКП(б) в ИККИ. Доклад и заключительное слово на XVI съезде ВКП(б) 5—7 июля 1930 года. М.—Л. Гиз. 1930. То же в кн: В М. Молотов. В борьбе за социализм. Изд. 2-е, доп. М. 1935, стр. 8—49.

О механизации в угольной промышленности Донбасса. Речь на собрании партактива Горловского, Рыковского, Лисичанского и Гришинского районов Донбасса 27 сентября 1930 года. Там же, стр. 50—54.

Товарищи, держите темп! Там же, стр. 56—57. (О борьбе за механизацию Донбасса.)

О колхозном движении. Речь на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) с некоторыми сокращениями. М.— Л. Гиз. 1930. 46[2] стр.

Перевыборы и перестройка советов. Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Декабрь 1930 года. В кн.: В. М. Молотов. В борьбе за социализм. Изд. 2-е, доп. М. 1935, стр. 58—76.

О народнохозяйственном плане на 1931 год. Доклад и заключительное слово на третьей сессии ЦИК СССР пятого созыва 4—8 января 1931 года. М.—Л. «Моск. рабочий». 1931. То же в кн: В. М. Молотов. В борьбе за социализм. Изд. 2-е, доп. М. 1935, стр. 77—114.

Основные предпосылки и выполнение хозяйственного плана. Речь на I Всесоюз-

ной конференции работников социалистической промышленности 3 февраля 1931 года. М. — Л. «Моск. рабочий». 1931. То же в кн.: В. М. Молотов. В борьбе за социализм. Изд. 2-е, доп. М. 1935, стр. 115—130.

Борьба за социализм и борьба за мир. Доклад VI съезду советов Союза ССР. Март 1931 года. М. «Моск. рабочий». 1931. То же в кн.: В. М. Молотов. В борьбе за социализм. Изд. 2-е, доп. М. 1935, стр. 131—195.

Речь на I Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы 11 апреля 1931 года. Там же, стр. 196—201.

Борьба с засухой — борьба за урожай. Речь на Всесоюзной конференции по борьбе с засухой 30 октября 1931 года. Там же, стр. 202—212.

Октябрьская революция и борьба за социализм. Доклад на торжественном собрании Московского совета, посвященном XIV годовщине Октябрьской революции, 6 ноября 1931 года. Там же, стр. 213—235.

О выполнении первой пятилетки. Доклад на второй сессии ЦИК СССР о народнохозяйственном плане на 1932 год. Декабрь 1931 года. Там же, стр. 236—276.

Речь при открытии XVII конференции ВКП(б) 30 января 1932 года. Там же, стр. 277—281.

О второй пятилетке. Доклад на XVII конференции ВКП(б) 2 февраля 1932 года. М. 1932. То же в кн.. В. М. Молотов. В борьбе за социализм. Изд. 2-е, М. 1935, стр. 282—321.

К IX съезду профсоюзов. Речь на IX всесоюзном съезде профсоюзов 20 апреля 1932 года. Там же, стр. 322—330

О подъеме сельского хозяйства и колхозном строительстве. Речь на III всеукраинской конференции КП(б)У 8 июля 1932 года. Там же, стр. 331—343.

К технической интеллигенции. Две речи. М. Партиздат. 1932. 48 стр.

Задачи первого года второй пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 8 января 1933 года. М. 1933. 47 стр.

Итоги пятилетки и план 1933 года. Доклад о народнохозяйственном плане на 1933 год на третьей сессии ЦИК СССР 23 января 1933 года. М. Партиздат. 1933. То же в кн.: В. М. Молотов. В борьбе за социализм. Изд. 2-е. М. 1935, стр. 387—427.

Советская власть и задачи ударников колхозов. Речь на I всесоюзном съезде колхозников-ударников 18 февраля 1933 года. М. Сельхозгиз. 1933. То же в кн.: В. М. Молотов. В борьбе за социализм. Изд. 2-е, М. 1935, стр. 428—438.

О задачах передовых колхозников. Речь на I краевом съезде колхозников-ударников Средней Волги. Там же, стр. 439—444.

О задачах комсомола. Речь на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 15-летию комсомола, 29 октября 1933 года. Там же, стр. 445—450.

К годовщине Октябрьской революции. Доклад на торжественном пленуме Московского совета 6 ноября 1933 года. М. Партиздат. 1933. То же в кн.: В. М. Молотов. В борьбе за социализм, Изд. 2-е. М. 1935, стр. 451—463.

О народнохозяйственном плане на 1934 год. Доклад и заключительное слово на сессии ЦИК СССР 28 декабря 1933 г. — 1 января 1934 года. М. Партиздат. 1934. То же в кн.: В. М. Молотов. В борьбе за социализм. Изд. 2-е. М. 1935, стр. 464—491.

Речь при открытии XVII съезда ВКП(б) 26 января 1934 года. Там же, стр. 492—496.

Задачи второй пятилетки. Доклад на XVII съезде ВКП(б) 3 февраля 1934 года. М. Партиздат. 1934. То же в кн.: В. М. Молотов. В борьбе за социализм. Изд. 2-е. М. 1935, стр. 497—554.

О подъеме животноводства. («Правда» от 8 июля 1934 года). Там же, стр. 555—559.

Перевыборы советов. («Правда» от 28 октября 1934 года) Там же, стр. 560—564.

Об отмене карточной системы по хлебу. Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 25 ноября 1934 года. Там же, стр. 565—582.

Памяти С. М. Кирова. Речь на похоронах С. М. Кирова 6 декабря 1934 г. В кн.: В. М. Молотов. Статьи и речи 1935—1936, М. 1937, стр. 93—96.

Молотов В. М. и Куйбышев В. В. О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933—1937). Тезисы докладов тт. В. Молотова и В. Куйбышева на XVII съезде ВКП(б), одобренные в основном политбюро ЦК ВКП(б). М. Партиздат. 1934. 32 стр.

7. Период борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведения Сталинской Конституции

Памяти В. В. Куйбышева. Речь на похоронах В. В. Куйбышева 27 января 1935 года. В кн.: В. М. Молотов. Статьи и речи 1935—1936. М. 1937, стр. 97—99.

Отчетный доклад о работе правительства VII съезду советов СССР 28 января 1935 года. М. Партиздат. 1935. То же в кн.: В. М. Молотов. Статьи и речи 1935—1936. М. 1937, стр. 5—65.

Об изменениях в Советской Конституции. Доклад на VII съезде советов 6 февраля 1935 года. М. Партиздат. 1935. То же в кн.: В. М. Молотов. Статьи и речи 1935—1936. М. 1937, стр. 66—92.

О стахановском движении и культурности рабочего класса. Речь на I всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта 16 ноября 1935 года. М. Партиздат. 1935. То же в кн.: В. М. Молотов. Статьи и речи 1935—1936. М. 1937, стр. 100—123.

Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана 4 декабря 1935 года. Там же, стр. 197—202.

О строительстве и задачах строителей. Речь на совещании по вопросам строительства в ЦК ВКП(б). 14 декабря 1935 года.

М. Партиздат. 1935. То же в кн.: В. М. Молотов. Статьи и речи 1935—1936. М. 1937, стр. 124—142.

Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Узбекистана, Казахстана и Кара-Калпакии 9 декабря 1935 года. Там же, стр. 203—209.

Речь на приеме делегации трудящихся ССР Армении руководителями партии и правительства в Кремле 30 декабря 1935 года. Там же, стр. 210—214.

На верном пути. Там же, стр. 241—244.

План и наши задачи. Доклад о народнохозяйственном плане 1936 г. на второй сессии ЦИК СССР 10 января 1936 года. М. Партиздат. 1936. То же в кн.: В. М. Молотов. Статьи и речи 1935—1936. М. 1937, стр. 143—196.

Речь на приеме делегации Советского Азербайджана руководителями партии и правительства в Кремле 21 января 1936 года. Там же, стр. 215—218.

Речь на приеме делегации трудящихся Бурят-Монгольской АССР руководителями партии и правительства в Кремле 27 января 1936 года. Там же, стр. 219—224.

Речь на приеме делегации Советской Грузии руководителями партии и правительства в Кремле 19 марта 1936 года. Там же, стр. 225—228.

Беседа председателя СНК СССР тов. В. М. Молотова с главным редактором французской газеты «Тан» г-ном Шастенэ 19 марта 1936 года. М. Партиздат. 1936. То же в кн.: В. М. Молотов. Статьи и речи 1935—1936. М. 1937, стр. 229—236.

Памяти А. М. Горького. Речь на похоронах А. М. Горького 20 июня 1936 года. Там же, стр. 237—240.

Конституция социализма. Речь на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов 29 ноября 1936 года. М. 1936. 37 стр.

К 20-летию Октябрьской революции. Доклад на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1937 года. М. Партиздат. 1937. 32 стр.

Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов. М. Партиздат. 1937. 68 стр.

Об избирательном блоке коммунистов с беспартийными. Речь на собрании Молотовского избирательного округа 8 декабря 1937 года. М. Партиздат. 1937. 14 стр.

Речи на первой сессии Верховного Совета СССР. М. Партиздат. 1938. 22 стр.

Выступление на совещании земельных работников 21 февраля 1938 года. «Правда» от 24 февраля 1938 года.

О высшей школе. Речь на I всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая 1938 года. М. Госполитиздат. 1938. 24 стр.

21-я годовщина Октябрьской революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1938 г. М. Госполитиздат. 1938. 22 стр.

Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б) 14—17 марта 1939 г. Госполитиздат. 1939. 64 стр.

О международном положении и внешней политике СССР. Доклад на III сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г. Госполитиздат. 1939. 16 стр.

Ответ Наркоминдела на японский меморандум 24 июля 1939 г. «Правда» от 25 июля 1939 г.

Речь при открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1 августа 1939 г. «Большевик», 1939, № 14, стр. 14—18.

О ратификации советско-германского договора о ненападении. Сообщение тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 августа 1939 года. «Правда» от 1 сентября 1939 года.

О ратификации договора о ненападении между Советским Союзом и Германией. Закон, принятый Верховным Советом СССР 31 августа 1939 года. «Правда» от 3 сентября 1939 года.

Речь по радио председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. М. Молотова 17 сентября 1939 года. «Правда» от 18 сентября 1939 года.

Нота правительства СССР, врученная утром 17 сентября 1939 года послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР. «Правда» от 18 сентября 1939 года.

Нота правительства СССР, врученная польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 года. «Правда» от 18 сентября 1939 года.

Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Заявление Советского и германского правительств от 28 сентября 1939 г. Письмо германскому министру иностранных дел господину Иоахиму фон Риббентроп. «Правда» от 29 сентября 1939 года.

Пакт о взаимопомощи между СССР и Эстонской республикой 28 сентября 1939 года. «Правда» от 29 сентября 1939 года.

Пакт о взаимопомощи между СССР и Латвийской республикой 5 октября 1939 года. «Правда» от 6 октября 1939 года.

Договор о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой 10 октября 1939 года. «Правда» от 11 октября 1939 года.

Ответ правительства СССР на британские ноты от 6 сентября и 11 сентября 1939 г. по вопросам военной контрабанды. 25 октября 1939 года. «Правда» от 26 октября 1939 года.

О внешней политике Советского Союза. Доклад на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. (Внеочередная пятая сессия). «Правда» от 1 ноября 1939 года.

22-я годовщина Октябрьской революции.

Доклад на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1939 года. «Правда» от 7 ноября 1939 года.

Речь по радио председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. М. Молотова 29 ноября 1939 года. «Правда» от 30 ноября 1939 года.

Сталин как продолжатель дела Ленина. «Правда» от 21 декабря 1939 года.

Советско-японские соглашения от 31 декабря 1939 года. «Правда» от 1 января 1940 года.

II. Литература о В. М. Молотове

И. В. Сталин. О трех основных лозунгах партии по крестьянскому вопросу. Ответ тов. Ян-скому. «Вопросы ленинизма». 11-е изд., стр. 157—166. (На стр. 166 о статье тов. Молотова в «Правде» 12 марта 1927 г.)

ЦК ВКП(б)—верному соратнику Ленина и Сталина — Вячеславу Михайловичу Молотову. «Правда» от 9 марта 1940 года.

От Президиума Верховного Совета СССР. (Приветствие В. М. Молотову.) «Правда» от 9 марта 1940 года.

СНК Союза ССР — верному соратнику Ленина и Сталина, главе советского правительства — Вячеславу Михайловичу Молотову. «Правда» от 9 марта 1940 года.

Димитров Г., Мануильский Д., Марти А., Диас Х., Пик В., Ибаррури Д., Готвальд К., Флорин В. Ближайшему соратнику товарища Сталина. «Правда» от 9 марта 1940 года.

Выдающийся деятель и вождь большевистской партии (Передовая). «Правда» от 9 марта 1940 года.

Калинин М. И. Пример большевистской партийности. «Правда» от 9 марта 1940 года.

Ярославский Ем. Партийный и государственный деятель ленинско-сталинской эпохи. «Правда» от 8 марта 1940 года.

Вышинский А. Я. Глава советского правительства. «Правда» от 9 марта 1940 года.

Вышинский А. Я. Выдающийся государственный руководитель страны социализма. «Известия» от 8 марта 1940 года.

Лозовский А. Политик-большевик. «Правда» от 9 марта 1940 года.

Бадаев А. Е. Стойкий, непримиримый ленинец. «Правда» от 9 марта 1940 года.

Стаханов А. Г. Друг стахановцев. «Известия» от 8 марта 1940 года.

Тихомирнов Г. Большая жизнь. «Известия» от 11 марта 1940 года.

Лаврентьев Б. Памятные годы. «Правда» от 11 марта 1940 года.

Тихомирнов Г. Вячеслав Михайлович Молотов. Краткая биография. Госполитиздат. М. 1938 г. 15 стр.

В. М. Молотов. Краткая биография. В кн.: «Историко-революционный календарь». 1939, под общей редакцией А. В. Шестакова. Соцэкгиз. 1939, стр. 112—114.

Пирогов М. Прошлое Архангельской области. Архангельское областное издательство. 1939. 52 стр.

«Звезда» и «Правда» и царская цензура. Документы подготовлены к печати М. Л Лурье и Л. И. Полянской. «Красный архив», 1937. № 2(81), стр. 34—104.

Лурье М. Работа товарища Молотова в «Правде» 1912—1914 гг. «Правда» от 12 марта 1940 года.

Бадаев А. Большевики в Государственной думе. Огиз. 1934. 411 стр.

Меницкий Ив. Революционное движение военных годов. Издательство Коммунистической академии. М. 1925. Т. I (см. стр. 227, 236—239, 245—247). Т. II (см. стр. 250—253, 264—265).

Ибрагимов Ш. Н. О Лефортовском районе (с 1915 г. до начала 1917 года). В кн.: «Путь к Октябрю». Вып. V. М. — Л. 1926, стр. 139—156.

Документы Великой пролетарской революции. Т. II. Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского совета 1917 года. Составители: Е. Н. Городецкий, И. М. Разгон. Под ред. И. И. Минца. Издательство «История гражданской войны». М. 1938. 372 стр.

Триумфальное шествие советской власти. Летопись. «Историк-марксист», 1939, № 3, стр. 189.

Минц И. И. Товарищ Молотов в дни Великой социалистической революции. «Правда» от 10 марта 1940 года.

Труды 2-го съезда Советов народного хозяйства Северного района. Пгр. 1919.

Ривкин Б. Финансы и кредит в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М. Госфиниздат. 1939. 152 стр. (См. стр. 112).

Агитпарпоезда ВЦИК. Сборник статей под ред. В. Карпинского. М. Гиз. 1920. 66 стр.

Три с половиной года советской власти в Тверской губернии. Сборник под ред. В. М. Молотова. Тверь. 1921.

Съезды советов СССР в постановлениях и резолюциях. Сборник под общей редакцией А. Я. Вышинского. М. 1939.

Ландау А. Статья 57 в действии. «Известия» от 21 октября 1937 года.

Кригер Евг. Глава правительства. «Известия» от 21 октября 1937 года.

74,6 миллиона экземпляров произведений В. М. Молотова. «Правда» от 8 марта 1940 г.

Государственная публичная историческая библиотека (составили: Л. Федоров и А. Толстихина)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Николо Макиавелли. *О военном искусстве*. Воениздат. 1939. Перевод с итальянского. 222 стр.

Автор — выдающийся философ и политик эпохи Ренессанса — с исключительной глубиной и уменьем дал блестящий анализ современного ему развития военного искусства. Как лучший историк своего времени, прекрасно ориентирующийся в политических вопросах, Макиавелли в своей работе не только убедительно показал недостатки организации вооружений того периода, но и наметил пути их дальнейшего развития на более совершенной основе. Отводя большое место в военном искусстве роли полководца, автор не упустил и других важнейших вопросов, от правильного разрешения которых зависит боеспособность армии или успех сражения. О ценности этой работы можно судить по отзыву Энгельса, который считает Макиавелли «первым достойным упоминания военным писателем нового времени». Книга рассчитана на подготовленного в военном отношении читателя, вместе с тем она представляет большой интерес и для историка.

Молок А. *Германская интервенция против Парижской коммуны 1871 года*. С приложением очерка В. С. Алексеева-Попова. *Рабочий класс Германии в дни Парижской коммуны*. М. Соцэкгиз. 1939. 197 стр.

Работа А. Молока является большим вкладом в дело изучения международного положения Франции в 1871 г., особенно периода Парижской коммуны. В небольшой сравнительно работе, на основе трудов классиков марксизма, первоисточников и специальной литературы автор вскрыл планы борьбы прусского юнкерства и версальцев с Парижской коммуной, которую «немедленно приветствовали ликующими возгласами пролетарии всех стран» (Маркс), и роль германской интервенции в ее подавлении. В этой работе читатель найдет описание того, как страх перед революцией заставил вчерашних противников выступить совместно против общего врага — революционной власти, созданной пролетарским движением.

Исторический очерк Алексеева-Попова является прекрасным дополнением к работе проф. Молока. Основываясь на материалах из социал-демократических газет 1871 г., автор рассказывает о борьбе эйзенахцев с лассальянцами, подлинно интернациональном поведении германского рабочего класса, оказавшегося в авангарде европейского рабочего движения по отношению к Парижской коммуне, и о роли в этом движении Маркса и Энгельса как руководителей I Интернационала. Большой интерес представляют приложения к книге.

Wrong G. M. *The canadians. The study of a People*. New-York. 1938. 455 p.

Ронг Дж. *Канадцы. История народа*.

Автор, известный специалист по истории Канады, написал общую историю Канады со времени первых колонистов до наших дней. Книга рассчитана на среднего читателя. Некоторые материалы использованы впервые. В конце приложена библиография.

Малкин М. *Гражданская война в США и царская Россия*. Соцэкгиз. 1939. 30 стр.

Книга основана на богатых архивных и печатных материалах В ней дана подробная характеристика русско-американских отношений в период гражданской войны в США (1861—1865 гг.). Автор анализирует позиции царской дипломатии на фоне международных отношений того периода. В частности он рассказывает о помощи, которая была оказана Северу со стороны европейского рабочего класса и всей передовой демократии.

Эта работа в известной мере восполнит тот большой пробел, который имеется в нашей исторической литературе, в области истории США, и явится хорошим пособием для преподавателей и студентов исторических факультетов. Книга снабжена подробным библиографическим и именным указателями.

Меринг Ф. *Очерки по истории войны и военного искусства*. М. Военгиз. 1939.

В сборник вошли статьи, посвященные истории военного искусства начиная с греко-персидской войны и кончая войнами эпохи Наполеона. Последняя статья «Военно-исторические проблемы», впервые напечатанная в журнале «Neue Zeit» в 1915 г., подводит итоги всему содержанию сборника и устанавливает связь между мировой империалистической войной и предыдущими войнами эпохи капитализма.

Мотылев В. *Зарождение и развитие тихоокеанского узла противоречий.* М. Соцэкгиз. 1939. 145 стр.

Автор дает исторический очерк развития тихоокеанских противоречий начиная с XIX в. и кончая развязыванием второй империалистической войны на Дальнем Востоке. Книга является кратким научно-популярным изложением исторической части монографии о тихоокеанской проблеме, подготовляемой автором к печати. Очерк насыщен большим и интересным фактическим материалом.

Фош Ф. *Воспоминания (война 1914—1918 гг.).* Перевод с французского. Госвоениздат Наркомата обороны Союза ССР. 1939. 430 стр.

Книга состоит из двух томов. Первый том содержит описание событий с 20 июля 1914 г. до апреля 1915 г.; второй том охватывает события 1918 года. Период 1915, 1916 и 1917 годов автор не успел описать. Желая восполнить этот пробел, французский издатель предпослал второму тому особую главу, содержащую краткое описание важнейших событий на фронтах империалистической войны. По словам самого автора «Воспоминаний», его работа содержит повествования о тех событиях, в которых он сам участвовал. Главное внимание автор уделяет вопросам стратегии, оперативного искусства и тактики в их взаимодействии. Наряду с этим он останавливает свое внимание на проблемах людских и материальных резервов, немало волновавших союзников. «Воспоминания» Фоша, как и вообще буржуазная мемуарная литература, далеки от объективности. Выставляя империалистическую Францию миролюбивым ягненком, Фош делает ряд выпадов против Германии и германского народа. Книга дает богатый материал о политико-экономических разногласиях в лагере Антанты, приводивших к серьезным кризисам. Фош рассказывает о тревоге, вызванной развернувшейся Великой Октябрьской социалистической революцией и началом брестских мирных переговоров; о материально-финансовом кризисе союзников, о численном кризисе франко-британской армии весной 1918 г., о своей роли в организации интервенции против Советской России и т. д.

Коленковский. *Дарданельская операция.* М. Воениз. 1938. 135 стр.

Дарданельская операция, этапы которой описывает автор, завершилась тяжелым поражением союзников. Провал этой операции обострил борьбу в правящем лагере английской буржуазии между так называемыми «западниками» и «восточниками». Большой интерес представляет изложение дипломатических взаимоотношений правительств заинтересованных стран в период подготовки операции и после ее провала.

Александров М., Чистов Н., Чверткин Н. *Вооруженные силы Британской империи.* Воениздат. 1938. 382 стр.

Книга представляет собой справочник по вопросам организации, вооружения, снабжения, тактической и боевой подготовки сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил Британской империи и устройства их тыла. Кроме краткой характеристики общего политического положения Великобритании после мировой империалистической войны 1914—1918 гг. (гл. I) даются краткие сведения о государственном устройстве империи. К книге приложены три карты: схемы дислокации английской боевой морской авиации в метрополии, состав и дислокация вооруженных сил Великобритании и схема морских баз Англии.

Webster D. E. *The Turkey of Atatürk.* Philadelphia. 1939. XV + 337 p. **Вебстер.** *Турция Ататюрка.*

Автор, основываясь на изучении большого числа материалов и всестороннем личном знакомстве с экономической и политической жизнью Турции, дает весьма подробный анализ перемен, происходящих в последней.

Липпай З. *Борьба империалистов в Дунайском бассейне.* Огиз. 1939. 185 стр.

Книга посвящена послевоенному развитию стран Дунайского бассейна. Давая краткий обзор разгрома Австро-Венгрии в империалистической войне, автор одновременно показывает назревание революционных событий и их последующее развитие. Он описывает развал Австро-венгерской монархии и подробно останавливается на образовании новых государств и перестройке в связи с этим экономики Дунайского бассейна. Автор ярко показал роль иностранного капитала, в частности группы Ротшильда, в борьбе различных империалистических государств за господство в странах Дунайского бассейна.

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР 22—23 декабря 1939 г., посвященная 60-летию со дня рождения товарища И. В. Сталина.

Академик А. М Деборин открывая сессию Отделения истории и философии Академии наук СССР, посвященную «60-летию со дня рождения величайшего вождя мирового коммунизма, гениального мыслителя и корифея науки — товарища Сталина», в своем вступительном слове подчеркивает те моменты в научной деятельности товарища Сталина, имеющие непосредственное отношение к тем проблемам, которыми занимается Отделение истории и философии Академии наук Товарищ Сталин, гениальный продолжатель дела Ленина, творчески развил и обогатил марксистско-ленинскую философию, дав классическое изложение основ марксизма-ленинизма. Товарищ Сталин поднял на огромную высоту советскую историческую науку, свидетельством чего является созданный под его непосредственным руководством и при его личном участии «Краткий курс истории ВКП(б)». Товарищем Сталиным также разработана политическая экономия эпохи социализма.

Затем сессия заслушала ряд докладов, посвященных юбилею.

1. Член-корреспондент Академии наук П. Ф. Юдин в докладе «Развитие товарищем Сталиным учения о социализме и коммунизме» отметил, что товарищ Сталин разработал все вопросы, связанные с борьбой за построение социалистического общества.

Свою задачу докладчик ограничил вопросами, связанными с обобщением товарищем Сталиным огромного практического опыта по строительству социалистического общества в нашей стране. Товарищ Сталин последовательно развил ленинское учение о победе социализма в одной стране. Замечательным вкладом в стратегию и тактику построения социалистического общества является разработанный товарищем Сталиным план индустриализации нашей страны. Практическим выводом, сделанным товарищем Сталиным из теории о возможности построения социализма в одной стране, явилась коллективизация крестьянского хозяйства и ликвидация кулачества как класса. Товарищ Сталин разработал учение о мобилизующей роли передовых идей, сформулировал законы переходного периода от капитализма к социализму и законы развития социалистического общества. Новой и замечательной является его теория социалистической интеллигенции. Товарищ Сталин всесторонне развил учение о государстве при социализме, разработал теорию перерастания социалистического общества в коммунистическое, а также вопросы об уничтожении противоположности между городом и деревней, между умственным трудом и физическим. Товарищ Сталин развил и продолжает дальше развивать марксистско-ленинскую теорию научного коммунизма, обогащая ее опытом масс.

2. Член-корреспондент Академии наук А. В. Ефимов в своем докладе «Сталин и историческая наука» указывает, что Сталин-историк неотделим от Сталина — стратега революции. Центральной темой всех работ товарища Сталина является вопрос об истории и путях развития Великой социалистической пролетарской революции. Докладчик отмечает влияние на развитие истории как науки таких сталинских работ, как «Вопросы ленинизма», сборник «На путях к Октябрю», сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос», и статей по политическим и историческим вопросам.

Имели огромное значение для развития исторической науки в СССР и явились сильнейшим ударом по экспериментам «школы» М. Н. Покровского постановление ЦК партии от 16 мая 1934 г. о преподавании истории, принятое на основе предложений товарища Сталина, а также замечания членов Политбюро о конспектах учебников по истории СССР и по новой истории, указания историкам в письме товарища Сталина к составителям учебника истории ВКП(б). Замечания товарища Сталина, относящиеся к любой отрасли истории, всегда дают новое решение проблемы, новое направление работе историков. Глубочайшее проникновение в законы истории дает товарищу Сталину возможность делать глубокий анализ современной обстановки, прогнозы будущего и намечать наиболее действенные и верные лозунги.

3. Проф. О. Л. Вайнштейном был сделан доклад «Современный кризис буржуазной исторической науки», легший в основу его статьи напечатанной в настоящем номере журнала «Историк-марксист».

◆ 16 и 17 декабря 1939 г состоялось заседание Ученого совета Института истории Академии наук, посвященное 60-летию товарища Сталина. Были сделаны доклады тов. Черномор-

диком — «И. В. Сталин и колхозное строительство» — и членом-корреспондентом Академии наук А. М. Панкратовой — «И В. Сталин и историческая наука» (доклады напечатаны в № 1 журнала «Историк-марксист» за 1940 год).

◆ 25—27 декабря 1939 года на заседании Ленинградского отделения Института истории АН СССР, посвященном 60-летию Иосифа Виссарионовича Сталина, были сделаны доклады:

Тов. С. Н Ростовским — «Сталин и национально-колониальный вопрос». Докладчик отметил, что многое в деятельности товарища Сталина в области национально-колониального вопроса еще не изучено и, больше того, не собрано еще воедино даже и то, что было когда-либо опубликовано В одном докладе невозможно изложить все, что было сделано товарищем Сталиным в такой необычайно сложной области, как национально-колониальный вопрос, которым товарищ Сталин занимается специально и где он с самого начала своей деятельности встал рядом с классиками марксизма, развивая дальше их учение. Докладчик указывает на целый ряд работ и выступлений товарища Сталина по национально-колониальному вопросу, очень важных по своему значению, которые до сих пор еще мало известны широким кругам нашей страны. В частности докладчик отмечает выступление товарища Сталина 14 ноября 1917 г. на съезде финляндской социал-демократической партии.

Далее докладчик рассказывает о постановке Лениным и Сталиным вопроса о многонациональном государстве, подробно разбирает постановку этого вопроса в эпоху поднимающегося капитализма, в эпоху империализма и, наконец, новую постановку этого вопроса в период Октябрьской социалистической революции, когда национально-колониальный вопрос стал частью общего вопроса о мировой пролетарской революции. Одновременно докладчик показывает борьбу Ленина и Сталина по национальному вопросу против Отто Бауэра, Каутского, Розы Люксембург, бундовцев, меньшевиков, националистов и т. п. Затем докладчик останавливается на вопросе об образовании СССР, о консолидации наций в советских условиях, на замечательной деятельности Народного комиссариата национальностей под руководством товарища Сталина.

В последней части доклада разбирается вопрос о некапиталистическом пути развития в условиях победы пролетариата, об общих перспективах развития наций в социалистическом обществе и о перспективах создания общечеловеческой культуры и языка.

Тов. А. И. Молок сделал доклад — «И. В. Сталин и вопросы новой истории Запада». Прежде всего он остановился на значении для историков замечательной работы И. В. Сталина — «О диалектическом и историческом материализме», — где дано исключительно четкое и глубокое определение того, чем должна быть историческая наука и каковы должны быть ее принципиальные и методологические основы. Докладчик подчеркнул значение для разработки новой истории Запада замечаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта «Новой истории» для средней школы, внесших ясность в такой важный вопрос, как периодизация истории нового времени. Затем докладчик подробно остановился на ряде чрезвычайно ценных высказываний и замечаний товарища Сталина о французской революции, в частности по вопросу о противоположности между французской буржуазной революцией 1789 г. и Великой социалистической революцией в России, об якобинской диктатуре, о значении Наполеона и т. д. Товарищ Сталин сделал также много важных указаний и замечаний и по целому ряду других вопросов новой истории Запада, как то: о реакционности внешней политики Англии, начиная с конца XVIII в., о чартистском движении в Англии, о рабочем движении в период II интернационала и т. д.; особенно интересными являются высказывания товарища Сталина о Парижской коммуне 1871 года. Исключительно ценный вклад сделал товарищ Сталин в ленинскую теорию империализма. Сталинская характеристика особенности противоречий империализма, данная в работе «Об основах ленинизма», представляет собой дальнейшее развитие ленинской теории империализма. Велико значение выступлений и высказываний товарища Сталина и для разработки новейшей истории Запада (1918—1939 гг.), как например его характеристика революции 1918 г. в Германии, характеристика периода частичной стабилизации капитализма в Западной Европе в 1924 г., его высказывания по истории рабочего движения в капиталистических странах с 1918 г. и до наших дней, по истории Коммунистического Интернационала, по истории национально-революционного движения в колониях и полуколониях и т. д. В заключение докладчик останавливается на борьбе товарища Сталина за точность исторической терминологии.

По докладу тов. Молока развернулись прения, в которых было подробно показано значение работ Сталина, а также его замечаний и высказываний для разработки отдельных вопросов истории. Так, тов. Коростовцев останавливается на учении товарища Сталина о роли революционной теории, о значении идеологического фактора в революционном движении и на высказываниях товарища Сталина о государстве и о советской интеллигенции; Вяткин — на значении высказываний товарища Сталина для разработки истории кочевых народов; проф. Предтеченский показал, как важны для историков высказывания товарища Сталина о Петре I и петровских реформах, которые были прогрессивны, поскольку имели своей целью

укрепление национального государства помещиков и купцов, но в то же время не могли быть проведены иначе, как путем усиления эксплоатации со стороны крепостнического государства; проф. Чаев говорил о том, что товарищ Сталин с исключительной четкостью определил основные черты крестьянских восстаний — стихийность, неорганизованность и царистский характер, почему при большом размахе они не имели серьезных результатов; тов. Петрушевский указал, что товарищ Сталин первый дал в сжатой форме характеристику основных черт специфики восточного феодализма; акад. Державин говорил о Сталине — гениальном ученом и авторе классических трудов, вошедших в мировую науку; тов. Левина рассказала о том периоде жизни и революционной деятельности товарища Сталина, который связан был с Ленинградом.

В заключение собранием принимается текст приветствия товарищу Сталину.

В Институте Истории (защита диссертации)

25 декабря 1939 г. на заседании Ученого совета Института истории Академии наук состоялась защита диссертации тов. Мосиной З. В. на тему «Идея абсолютизма в королевских посланиях и законодательных актах Генриха IV» на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Диссертантка поставила перед собой задачу — на основе богатого литературного наследства, оставленного Генрихом IV, выявить его концепцию абсолютизма. Основными источниками, обследованными тов. Мосиной с этой целью, были переписка Генриха IV, изданная Ксиврей и Годэ, затем законодательные акты этого царствования, изданные в коллекции Изамбера, и, наконец, постановления государственного совета, изданные Ноэлем Валуа. В качестве подсобных источников диссертантка использовала мемуары Сюлли, Пьера Летуаль, Пальма Кайе и Перефикса. Основные выводы, к которым пришла тов. Мосина на основе изучения источников, сводятся к следующему:

1. Генрих IV в течение всего своего царствования очень настойчиво и последовательно стремился к восстановлению и укреплению абсолютной монархии во Франции. Но, борясь за абсолютизм, он одновременно боролся за политическое единство страны, за ликвидацию феодальной распри и сепаратистских стремлений грандов. Идея абсолютизма была прогрессивной идеей для того времени, а борьба Генриха IV за укрепление абсолютизма была исторически прогрессивным делом.

2. Несмотря на свои столкновения с верхушкой дворянства Генрих IV оставался все же дворянским королем. Когда возникло опасное для дворянского господства движение крестьян, он не задумался поставить на службу дворянскому классу укрепленный и в значительной степени централизованный им аппарат королевской власти.

3. На укрепление громоздкой государственной машины абсолютной монархии Генриха IV нужны были деньги, и он не стеснялся брать их там, где они были, т. е. у городской формирующейся как класс буржуазии. Но в то же время Генрих IV очень много сделал для буржуазии как внутри государства, так и на внешней арене.

Общий вывод, к которому пришла тов. Мосина, состоит в том, что Генрих IV, будучи вооружен передовой для своего времени идеей абсолютной королевской монархии, в своей практической деятельности много сделал для укрепления государственного могущества Франции, для развития ее производительных сил, но все это за счет народных масс, в первую очередь за счет крестьянства.

В качестве официальных оппонентов на защите диссертации тов. Мосиной выступали доктор исторических наук профессор Бирюкович и профессор Поршнев. Оба оппонента отметили ряд несомненных достоинств в работе тов. Мосиной, но вместе с тем подвергли весьма добросовестному и тщательному анализу имеющиеся, с их точки зрения, в диссертации недостатки. При этом по некоторым вопросам оппоненты вступили в спор не только с диссертанткой, но и между собой. Тов. Поршнев, выступавший вторым, выразил свое несогласие с теми замечаниями, которые были сделаны тов. Бирюковичем по вопросу об отношении Генриха IV к дворянству. Замечания, сделанные тов. Бирюковичем диссертантке в этом вопросе, тов. Поршнев считал совершенно неосновательными. В свою очередь доктор исторических наук профессор Сказкин, выступивший в качестве неофициального оппонента, отвел некоторые возражения, сделанные вторым оппонентом — тов. Поршневым.

Ученый совет единогласно постановил присвоить тов. Мосиной З. В. искомую степень кандидата исторических наук.

Выставка «Искусство Китая»

Выставка «Искусство Китая», открытая 2 января с. г. в Государственном музее восточных культур, сыграет серьезную роль в деле ознакомления широких слоев советского общества с многовековой культурой Китая.

Великий китайский народ на протяжении четырех тысячелетий своей истории создал замечательные и своеобразные памятники искусства, свидетельствующие об его особой талантливости и одаренности.

Ценные экспонаты, присланные на выставку правительством Китая, дают возможность с достаточной полнотой показать в СССР главнейшие эпохи истории китайского искусства.

На выставке экспонированы ценнейшие предметы, открытые при раскопках в Аньяне (на севере Китая), на месте древней столицы царства Шан (1400—1200 гг. до н. э.).

Раскопки производились в течение десяти лет (1928—1937 гг.) археологической секцией Института истории и филологии Китайской академии наук (Academia Sinica) и были приостановлены в июне 1937 года начавшейся войной.

О древнейшем периоде в истории Китая — эпохе Шан Инь (1766—1122 гг. до н. э.)—до последнего времени почти не было точных данных, и самый период, сведения о котором сохранились лишь в китайских хрониках, считался недостоверным и легендарным.

Раскопки в Аньяне открыли ряд памятников, изучение которых подтвердило многие указания древних китайских историографов и позволяет теперь с достоверностью говорить о большой древней культуре, развивавшейся во 2-м тысячелетии до нашей эры на берегах реки Хуанхэ.

На выставке представлены щиты черепах и кость животного с вырезанными на них надписями оракульного характера. Обнаруженные в раскопках щиты черепах содержат ряд надписей с ценными историческими сведениями об общественном строе эпохи Шан Инь. Изучение этих надписей показало, что экономической базой этого периода было земледелие, так как среди вопросов, которые задавались оракулам, многие относятся к жатве риса, пшеницы и проса.

Помимо памятников письменности раскопками были открыты многочисленные предметы из бронзы, кости и камня, а также и керамические изделия, часть которых носила следы глазури.

Бронзовые и керамические сосуды, помимо чисто бытового назначения, употреблялись также и при религиозных обрядах и церемониях.

Кроме сосудов в экспозиции представлены отдельные бронзовые части колесниц и украшения конской сбруи. Все эти предметы покрыты орнаментом, вырезанным в слабом рельефе, а две детали в виде масок инкрустированы бирюзой.

В эпоху Шан Инь, как сообщают надписи на костях, велись частые войны с соседними кочевыми племенами. Найденные в погребениях в большом количестве копья, топорики, луки и стрелы указывают на богатство вооружения древних китайцев.

Среди выставленных предметов можно видеть секиру, кинжал и наконечник копья, которые дают представление о видах оружия.

Раскопками в Аньяне открыты хорошо сохранившиеся земляные платформы дворца, где были найдены равномерно расположенные базы колонн из камня. В царских погребениях сохранилась каменная скульптура (фото с которой представлено на выставке) и архитектурные детали с резной декорацией.

Все это позволяет говорить о вполне сложившемся стиле искусства эпохи Шан Инь, сложные и законченные формы которого указывают на его длительное развитие в предшествующие периоды.

В конце 2-го тысячелетия до н. э. воинственное племя Чжоу завоевывает север Китая и основывает новую династию (1122—256 гг. до н. э.).

Произведения искусства эпохи Чжоу, сохранившиеся в виде различных изделий из бронзы и камня, имели ритуальное назначение.

Представленные на выставке бронзовые сосуды и церемониальные пластинки из нефрита (камень, который особенно почитался китайцами и которому в древности приписывали магическое и целебное значение) присланы из коллекций Бейпинского дворца-музея.

Изделия эпохи Чжоу отличаются монументальностью стиля и простотой формы. Орнамент сосудов, состоящий из многочисленных условно трактованных изображений животных, демонической маски Тао-те и различных символов, отражает обожествление различных сил природы.

Древнюю художественную культуру Китая характеризуют также и ценные изделия из нефрита эпохи династии Хань (206 г. до н. э.—220 г. н. э.).

В эту эпоху завязываются культурные и экономические связи с Ираном, Индией и другими странами. Китайцы ведут оживленную торговлю не только с соседними народами, но и поддерживают торговые связи через Среднюю Азию с Римом, куда проникают китайские шолковые ткани.

Представленные на выставке фрагменты шолковых тканей и вышивок из коллекций Государственного Эрмитажа относятся к I в. нашей эры. Эти редкие образцы узорчатых тканей и тонкого, прозрачного газа были найдены П. К. Козловым при раскопках в Ноин-ула в Северной Монголии в 1924—1925 годах, где в могилах гуннов были обнаружены китайские шелка и другие изделия.

Большой интерес представляют также присланные правительством Китая эстампажи с каменных рельефов эпохи Хань, снятые с одной из гробниц, находящейся в провинции Сычуань. Изображения показывают отдельные эпизоды из жизни представителей знати.

На протяжении III—VI вв. в Китае правят различные династии, под властью которых находятся отдельные области страны. Крупнейшей из них является татарская династия Вэй (386—549 гг.), захватившая север Китая.

В эту эпоху в Китае получает распространение новое религиозное учение — буддизм,—которое в I в. нашей эры проникает из Индии.

Небольшой бронзовый алтарь VI в. с изображением буддийских божеств, имеющийся в экспозиции, был найден экспедицией Исторического музея в бассейне реки Енисея, что указывает на широкое распространение китайской культуры в этот период. Расположенные на постаменте божества исполнены с некоторой сухостью и схематизмом, но в трактовке складок одежды можно отметить черты эллинистического искусства, проникшего в Китай вместе с буддизмом.

В конце VI в. вновь происходит объединение Китая. В эпоху династии Тан

(618—907 гг.) наблюдается значительный подъем культуры. В этот период особенно большого развития достигли искусство и литература. На выставке показан ряд ценных экспонатов, характеризующих художественное творчество этой эпохи.

При изучении культуры эпохи Тан большую помощь оказывают глиняные фигурки, которые укладывались в могилы при погребении. Выставленные скульптурные изображения лошадей и слуги отличаются хорошим качеством исполнения и указывают на развитие реалистических элементов в искусстве Китая VII—VIII веков.

Помимо погребальной пластики и бронзовых зеркал к памятникам искусства эпохи Тан относится также представленная на выставке редчайшая рукопись, исполненная в 698 г. каллиграфом Чу Суйляном по образцам письма знаменитого каллиграфа Китая Ван Сичжи. Исполненная почерком «цао-шу» (скорописью), рукопись содержит предисловие к буддийским классическим книгам и является образцом ранней китайской каллиграфии, которая считалась главнейшим видом искусства в Китае.

Наравне с каллиграфией среди изобразительных искусств Китая одно из первых мест всегда занимала живопись.

Сведения, сохранившиеся в литературных источниках, указывают на существование живописи в Китае за много веков до нашей эры. Подтверждением этому служат фрагменты потолков с росписью, открытые при раскопках в Аньяне.

В эпоху Тан живопись достигает блестящего развития. К этому времени в Китае уже складываются эстетические теории и устанавливаются основные принципы живописного мастерства.

Литературные сведения говорят о многих замечательных художниках эпохи Тан, творчество которых почти не дошло до нашего времени.

На выставке показаны первоклассные образцы живописи VIII века. Исполненные на шелку картины имеют форму свитков, которые обычно хранятся свернутыми на валик.

Картина художника Ли Чжаодао «Дворец в Лояне», исполненная около 716 г., показывает тончайшее искусство мастера, владевшего уверенным штрихом и сумевшего своей кистью передать мельчайшие детали сложной дворцовой архитектуры. Отсутствие в картине линейной перспективы не лишает художника возможности показать даль и пространство путем своеобразной передачи воздушной среды и легкой дымки.

Вторым образцом живописи эпохи Тан является представленная на выставке картина из собрания Государственного музея восточных культур художника Чжоу Фан «Ян Гуйфэй после купанья», написанная в VIII веке. Ян Гуйфэй, известная красавица, была наложницей одного из императоров эпохи Тан и является историческим лицом. Ее рисовали многие художники, а крупнейший поэт феодального Китая Бо Цзюй-и (772—846 гг.) посвятил ей свою поэму «Песнь о бесконечной тоске».

Старая китайская живопись не употребляла светотени, главную роль в картине играла линия, которая не только очерчивала контур, но и моделировала форму.

В картине художника Чжоу Фан линии рисунка отличаются особой выразительностью и законченностью.

Эпоха Сун (960—1279 гг.), как и предшествующая эпоха Тан, является периодом дальнейшего развития китайского искусства. В это время большого процветания достигают философия, поэзия и живопись, в которых находит свое выражение идеология феодального чиновничества.

Картины X—XIII вв. (из Бейпинского дворца-музея) отражают стремление старой китайской живописи передавать не конкретные события окружающей жизни, а отдельные переживания и настроения человека.

Характерным образцом таких произведений может служить свиток знаменитого мастера пейзажа Ма Юань «Возвращение с рыбной ловли по осенней реке» (около 1195 года). Рисуя скупыми эскизными штрихами туши, художник стремился создать впечатление осеннего холодного дня, когда влажный воздух окутывает поверхность реки. Согнутая фигура рыбака, сидящего в лодке, как бы подчеркивает пронизывающую сырость, заставляющую человека сжиматься и втягивать голову в плечи. Лаконизм и сосредоточенность композиции способствуют передаче настроения.

Живопись последних эпох повторяет и развивает традиции, сложившиеся в эпохи Тан и Сун, в чем можно убедиться, осматривая на выставке многочисленные свитки XIV—XVII веков.

Большой интерес для изучения истории и культуры Китая представляют также свитки живописи горизонтальной формы, иногда достигающие 30 метров длины и более. Обычно они служили для изображения сюжетов исторического или повествовательного характера.

Представленный на выставке свиток художника Ван Цэнь (около 35 метров длины) является ценнейшим документом, отражающим жизнь и быт Китая середины XVII в., когда манчжуры, захватившие власть в стране, основали свою династию Цин (1644—1912).

Свиток посвящен изображению жизни, вернее, отдельных эпизодов служебной карьеры одного из чиновников феодального Китая, проживавшего в начале эпохи Цин на юго-западе в городе Кунмин и исполнявшего обязанности наместника двух больших провинций.

Свиток показывает жизнь феодального Китая XVII века. Бытовые сцены, пейзажи, архитектурные сооружения, изображения городской жизни и т. п. сменяют друг друга на протяжении всей длины картины. На свитке можно видеть различные группы феодального общества: крестьян, работающих на полях, ремесленников, торговцев, чиновников и воинов, охраняющих губернатора и феодальную знать.

Подобный же свиток, принадлежащий художнику Чэнь Мэй (XVIII в.), пока-

зывает «Сцены на реке во время праздника насаждений».

Помимо живописи на выставке богато представлены разнообразные художественные изделия, изготовлявшиеся китайскими ремесленниками на протяжении ряда веков.

Замечательные шолковые ткани, фарфор, лаки, эмаль, резьба из дерева и кости и др. поражают виртуозностью своей обработки и большим художественным чутьем мастеров, понимавших свойства материала и умевших их использовать.

Конец XIX и начало XX в. ознаменовались новыми социальными и политическими явлениями, изменившими облик феодального Китая. Это нашло свое отражение и в китайском искусстве.

Экспансия империалистических держав, превратившая Китай в полуколонию, вызвала национальный подъем в различных слоях китайского общества. В изобразительном искусстве появились патриотические темы, отражавшие борьбу Китая с империалистической экспансией. Представленные на выставке гравюры показывают военные победы китайцев над европейцами. Особенно интересна гравюра, изображающая пленение французского полководца Ривьера генералом Лю во время франко-китайской войны 1883—1885 годов.

Заключительный раздел выставки посвящен творчеству современных художников Китая.

Присланные правительством Китая многочисленные произведения живописи, гравюры, рисунки и плакаты показывают героическую борьбу китайского народа за национальную независимость и его решимость бороться до полной победы над врагом.

Среди представленных на выставке работ современных мастеров можно выделить группу рисунков художника Пань Юнь, сочетавшего в своем творчестве приемы старой живописи с новым содержанием.

С большой силой передает он образы новых людей Китая: героических бойцов и партизан, мужественных женщин, ставших рядом с братьями и мужьями на защиту своей родины, и отважных детей.

В настоящее время в Китае усиленно развивается гравюра на дереве, имеющая большое распространение и как книжная иллюстрация. Объединенные общей идеей служения задачам войны, мастера гравюры широко и полно отражают современные события, призывая бороться за освобождение родины. Интересна по своему решению гравюра Фун Чжунте «Бейпин, я вернулся», показывающая партизана, проникшего на территорию, захваченную врагом, и приветствующего виднеющиеся вдали башни и стены города Бейпина.

Наряду с гравюрой большое место в современном искусстве Китая играет плакат, обычно исполненный в свободной манере тушью и красками. Представленные на выставке плакаты показывают бедствия войны и призывают китайский народ к дальнейшей борьбе.

Творчество современных художников Китая лишено прежней условности, оно несет в себе зародыши нового, реалистического искусства, понятного широким народным массам. Его служение идеям освободительной войны является верным залогом того, что после окончательной победы над врагом это молодое, еще растущее искусство достигнет большого развития и процветания.

О. Глухарева

SOMMAIRE:

ARTICLES: L o u r i é M. Le travail du camarade Molotove dans la „Pravda" (1912—1914). — W a i n s t e i n O. La crise contemporaine de la pensée historique bourgeoise.— Z o u t i c e. Ia. Les relations russo-esthoniennes durant les IX—XIV-mes siècles. — M a r k o v a O. L'union de la Géorgie avec la Russie en 1801. — R o u b i n s t e i n N. Serguei Mikhailovitch Solovieve. 1820—1879.— Référence bibliographique sur S. M. Solovieve. INFORMATIONS: Ressalè-i-Yaqoûbi. Les réminiscences de Kamil-khan-ichane sur Yaqoûb-bek de Kachgar. Une publication de I. Pervycheve.— P i a n k o v e A. Une information étrangère oubliée concernant la servitude en Russie de Kiev. CRITIQUE et BIBLIOCRAPHIE: Comptes-Rendus. — Une courte référence bibliographique sur V. M. Molotove (en connexion avec la 50 naire de son jour de naissance).— Notes bibliographiques. CHRONIQUE.

CONTENTS:

ARTICLES: L o o r i e M. The work of comrade Molotov in the „Pravda" (1912—1914).— V a i n s t e i n O. The contemporaneous crisis of the bourgeois historical thinking.— Z o o t i s Ia. The russian-esthonian relations during the IX—XIV centuries.— M a r k o v a O. The union of Georgia with Russia in 1801. — R o o b i n s t e i n N. Sergei Mikhailovitch Soloviev. 1820—1879. A bibliographical information on S. M. Soloviev. INFORMATIONS: Resale-i-Jaqubi. Reminiscences of Kamil-Khan-Ishan on Jaqub-beg of Kashgar. A publication of I. Pervyshev. — P i a n k o v A. One forgotten foreign information on slavery in the Kiev-Russia. GRITIQUE and BIBLIOGRAPHY: Reviews of books — A short bibliographical information on V. M. Molotov (in connection with his 50-th birthday).— Bibliographical Notes. CURRENT NEWS.

INHALT:

ARTIKL: L u r j e M. Die Arbeit des Kameraden Molotows in der „Prawda" (1912 — 1914).— W a i n s t e i n O. Die gegenwärtige Krisis des bürgerlichen historischen Denkens.— S u t i s Ja. Die russisch-estnischen Beziehungen in den IX—XIV Jahrhunderte.— M a r k o w a O. Der Anschluss Grusiens an Russland im Jahre 1801.— R u b i n s t e i n N. Sergei Michailowitsch Solowjew. 1820—1879.— Bibliographische Auskunft über S. M. Solowjew. MITTEILUNGEN: Ressale-i-Jaqubi. Erinnerungen von Kamil-Khan-Ischan an Jaqub-Beck von Kaschgar. Eine Veröffentlichung von I. Perwyschew.— P i a n k o w A. Eine vergessene fremdländische Mitteilung über das sklaventum im Kiewer Russland. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE: Bücherbespechungen.— Eine kurze bibliographische Auskunft über W. M. Molotow (anlässlich seines 50-jährigen Geburtstages).— Bibliographische Notizen. CHRONIK.